

ЖУРНАЛ
БЕЛОРУССКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

ИСТОРИЯ

ЧАСОПІС
БЕЛАРУСКАГА ДЗЯРЖАЎНАГА ЎНІВЕРСІТЭТА

ГІСТОРЫЯ

JOURNAL
OF THE BELARUSIAN STATE UNIVERSITY

HISTORY

Издается с января 1969 г.
(до 2017 г. – под названием «Вестник БГУ.
Серия 3, Гісторыя. Эканоміка. Права»)

Выходит один раз в квартал

4

2021

МИНСК
БГУ

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор	КОХАНОВСКИЙ А. Г. – доктор исторических наук, профессор; декан исторического факультета Белорусского государственного университета, Минск, Беларусь. E-mail: kohanovsky@bsu.by
Заместитель главного редактора	МЕНЬКОВСКИЙ В. И. – доктор исторических наук, профессор; профессор кафедры истории России исторического факультета Белорусского государственного университета, Минск, Беларусь. E-mail: menkovski@bsu.by
Ответственный секретарь	МАЛЮГИН О. И. – кандидат исторических наук, доцент; доцент кафедры истории древнего мира и средних веков исторического факультета Белорусского государственного университета, Минск, Беларусь. E-mail: maliugin@bsu.by

Белецкий С. В.	Институт истории материальной культуры Российской академии наук, Санкт-Петербург, Россия.
Бон Т.	Гисенский университет им. Юстуса Либиха, Гисен, Германия.
Бородин Л. И.	Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, Москва, Россия.
Волански Ф.	Институт истории Вроцлавского университета, Вроцлав, Польша.
Жеребцов И. Л.	Институт языка, литературы и истории Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук, Сыктывкар, Республика Коми.
Линднер Р.	Констанцкий университет, Констанц, Германия.
Упадуэй А.	Центр российских и центральноазиатских исследований Университета им. Джавахарлала Неру, Дели, Индия.
Фишер Д.	Техасский университет в Браунсвилле, Браунсвилл, США.
Фэн Ш.	Институт международных отношений и регионального развития, Центр изучения России Восточно-Китайского педагогического университета, Шанхай, Китай.
Шмигель М.	Университет Матей Бела, Банска-Бистрица, Словакия.
Яновский О. А.	Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.

МЕЖДУНАРОДНЫЙ РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Бригадин П. И.	Институт бизнеса Белорусского государственного университета, Минск, Беларусь.
Вабищевич А. Н.	Брестский государственный университет им. А. С. Пушкина, Брест, Беларусь.
Виддер Э.	Институт средневековой истории Тюбингенского университета им. Эберхарда Карла, Тюбинген, Германия.
Дук Д. В.	Могилёвский государственный университет им. А. А. Кулешова, Могилёв, Беларусь.
Карпов С. П.	Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, Москва, Россия.
Карпюк С. Г.	Институт всеобщей истории Российской академии наук, Москва, Россия.
Коваленя А. А.	Национальная академия наук Беларуси, Минск, Беларусь.
Колесник В. Ф.	Киевский национальный университет им. Тараса Шевченко, Киев, Украина.
Космач В. А.	Витебский государственный университет им. П. М. Машерова, Витебск, Беларусь.
Кошелев В. С.	Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
Лавринович Д. С.	Могилёвский государственный университет им. А. А. Кулешова, Могилёв, Беларусь.
Ларин М. В.	Историко-архивный институт Российского государственного гуманитарного университета, Москва, Россия.
Локотко А. И.	Национальная академия наук Беларуси, Минск, Беларусь.
Марзальюк И. А.	Палата представителей Национального собрания Республики Беларусь, Минск, Беларусь.
Мезга Н. Н.	Гомельский государственный университет им. Франциска Скорины, Гомель, Беларусь.
Микнис Р.	Институт истории Литвы, Вильнюс, Литва.
Нечухрин А. Н.	Гродненский государственный университет им. Янки Купалы, Гродно, Беларусь.
Пилипенко М. Ф.	Институт искусствоведения, этнографии и фольклора им. Кондрата Крапивы Центра исследований белорусской культуры, языка и литературы Национальной академии наук Беларуси, Минск, Беларусь.
Туманс Х.	Латвийский университет, Рига, Латвия.
Ходин С. Н.	Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
Федосик В. А.	Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
Шадурский В. Г.	Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.

РЭДАКЦЫЙНАЯ КАЛЕГІЯ

Галоўны рэдактар	КАХАНОЎСКІ А. Г. – доктар гістарычных навук, прафесар; дэкан гістарычнага факультэта Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта, Мінск, Беларусь. E-mail: kohanovsky@bsu.by
Намеснік галоўнага рэдактара	МЕНЬКОЎСКІ В. І. – доктар гістарычных навук, прафесар; прафесар кафедры гісторыі Расіі гістарычнага факультэта Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта, Мінск, Беларусь. E-mail: menkovski@bsu.by
Адказны сакратар	МАЛЮГІН А. І. – кандыдат гістарычных навук, дацэнт; дацэнт кафедры гісторыі старажытнага свету і сярэдніх вякоў гістарычнага факультэта Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта, Мінск, Беларусь. E-mail: maliugin@bsu.by
Бародкін Л. І.	Маскоўскі дзяржаўны ўніверсітэт імя М. В. Ламаносава, Масква, Расія.
Бон Т.	Гісенскі ўніверсітэт імя Юстуса Лібіха, Гісен, Германія.
Бялецкі С. В.	Інстытут гісторыі матэрыяльнай культуры Расійскай акадэміі навук, Санкт-Пецярбург, Расія.
Валанскі Ф.	Інстытут гісторыі Вроцлаўскага ўніверсітэта, Вроцлаў, Польшча.
Жарабцоў І. Л.	Інстытут мовы, літаратуры і гісторыі Комі навуковага цэнтру Уральскага аддзялення Расійскай акадэміі навук, Сыктывкар, Рэспубліка Комі.
Лінднер Р.	Констанцкі ўніверсітэт, Констанц, Германія.
Упадуэй А.	Цэнтр расійскіх і цэнтральнаазіяцкіх даследаванняў Універсітэта імя Джавахарлала Неру, Дэлі, Індыя.
Фішэр Д.	Тэхаскі ўніверсітэт у Браўнсвіле, Браўнсвіл, ЗША.
Фэн Ш.	Інстытут міжнародных адносін і рэгіянальнага развіцця, Цэнтр вывучэння Расіі Усходне-Кітайскага педагогічнага ўніверсітэта, Шанхай, Кітай.
Шмігель М.	Універсітэт Мацея Бела, Банска-Бістрыца, Славакія.
Яноўскі А. А.	Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, Мінск, Беларусь.

МІЖНАРОДНЫ РЭДАКЦЫЙНЫ САВЕТ

Брыгадзін П. І.	Інстытут бізнесу Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта, Мінск, Беларусь.
Вабішчэвіч А. М.	Брэсцкі дзяржаўны ўніверсітэт імя А. С. Пушкіна, Брэст, Беларусь.
Відэр Э.	Інстытут сярэднявечнай гісторыі Цюбінгенскага ўніверсітэта імя Эберхарда Карла, Цюбінген, Германія.
Дук Д. У.	Магілёўскі дзяржаўны ўніверсітэт імя А. А. Куляшова, Магілёў, Беларусь.
Каваленя А. А.	Нацыянальная акадэмія навук Беларусі, Мінск, Беларусь.
Калеснік В. Ф.	Кіеўскі нацыянальны ўніверсітэт імя Тараса Шаўчэнкі, Кіеў, Украіна.
Карпаў С. П.	Маскоўскі дзяржаўны ўніверсітэт імя М. В. Ламаносава, Масква, Расія.
Карпюк С. Г.	Інстытут усеагульнай гісторыі Расійскай акадэміі навук, Масква, Расія.
Космач В. А.	Віцебскі дзяржаўны ўніверсітэт імя П. М. Машэрава, Віцебск, Беларусь.
Кошалеў У. С.	Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, Мінск, Беларусь.
Лакотка А. І.	Нацыянальная акадэмія навук Беларусі, Мінск, Беларусь.
Ларын М. В.	Гісторыка-архіўны інстытут Расійскага дзяржаўнага гуманітарнага ўніверсітэта, Масква, Расія.
Лаўрыновіч Д. С.	Магілёўскі дзяржаўны ўніверсітэт імя А. А. Куляшова, Магілёў, Беларусь.
Марзалюк І. А.	Палата прадстаўнікоў Нацыянальнага сходу Рэспублікі Беларусь, Мінск, Беларусь.
Мікніс Р.	Інстытут гісторыі Літвы, Вільнюс, Літва.
Мязга М. М.	Гомельскі дзяржаўны ўніверсітэт імя Францыска Скарыны, Гомель, Беларусь.
Нячухрын А. М.	Гродзенскі дзяржаўны ўніверсітэт імя Янкі Купалы, Гродна, Беларусь.
Піліпенка М. Ф.	Інстытут мастацтвазнаўства, этнаграфіі і фальклору імя Кандрата Крапівы Цэнтра даследаванняў беларускай культуры, мовы і літаратуры Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі, Мінск, Беларусь.
Туманс Х.	Латвійскі ўніверсітэт, Рыга, Латвія.
Ходзін С. М.	Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, Мінск, Беларусь.
Фядосік В. А.	Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, Мінск, Беларусь.
Шадурскі В. Г.	Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, Мінск, Беларусь.

EDITORIAL BOARD

Editor-in-chief	KAKHANOUSKI A. G. , doctor of science (history), full professor; dean of the faculty of history, Belarusian State University, Minsk, Belarus. E-mail: kohanovsky@bsu.by
Deputy editor-in-chief	MENKOUSKI V. I. , doctor of science (history), full professor; professor at the department of Russian history, faculty of history, Belarusian State University, Minsk, Belarus. E-mail: menkovski@bsu.by
Executive secretary	MALIUGIN O. I. , PhD (history), docent; associate professor at the department of ancient and medieval history, faculty of history, Belarusian State University, Minsk, Belarus. E-mail: maliugin@bsu.by

Beletsky S. V.	Institute of History of Material Culture of the Russian Academy of Sciences, Saint Petersburg, Russia.
Bohn T.	Justus Liebig University of Giessen, Giessen, Germany.
Borodkin L. I.	Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia.
Feng Sh.	School of Advanced International and Area Studies, Centre for Russian Studies of the East China Normal University, Shanghai, China.
Fisher D. C.	University of Texas Rio Grande Valley, Brownsville, USA.
Lindner R.	University of Konstanz, Konstanz, Germany.
Šmigel' M.	Matej Bel University, Banská Bystrica, Slovakia.
Upadhyay A.	Centre for Russian and Central Asian Studies, Jawaharlal Nehru University, New Delhi, India.
Wolański F.	Institute of History, University of Wrocław, Wrocław, Poland.
Yanouski A.	Belarusian State University, Minsk, Belarus.
Zherebtsov I. L.	Institute of Language, Literature and History, Komi Science Centre, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Syktyvkar, Komi Republic.

INTERNATIONAL EDITORIAL COUNCIL

Bryhadzin P. I.	Institute of Business, Belarusian State University, Minsk, Belarus.
Duk D. V.	Mogilev State A. Kuleshov University, Mogilev, Belarus.
Fedosik V. A.	Belarusian State University, Minsk, Belarus.
Karpov S. P.	Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia.
Karpyuk S. G.	Institute of World History, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.
Khodzin S. N.	Belarusian State University, Minsk, Belarus.
Kolesnyk V. F.	Taras Shevchenko National University of Kyiv, Kyiv, Ukraine.
Koshelev V. S.	Belarusian State University, Minsk, Belarus.
Kosmach V. A.	Vitebsk State University named after P. M. Masharov, Vitebsk, Belarus.
Kovalenya A. A.	National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus.
Larin M. V.	Institute for History and Archives, Russian State University for Humanities, Moscow, Russia.
Lavrionovich D. S.	Mogilev State A. Kuleshov University, Mogilev, Belarus.
Lokotko A. I.	National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus.
Marzaluk I. A.	House of Representatives of the National Assembly of the Republic of Belarus, Minsk, Belarus.
Miazga M. M.	Francisk Skorina Gomel State University, Gomel, Belarus.
Miknys R.	Institute of Lithuanian History, Vilnius, Lithuania.
Nechukhrin A. N.	Yanka Kupala State University of Grodno, Grodno, Belarus.
Pilipenko M. F.	Kandrat Krapiva Institute of Arts Studies, Ethnography and Folklore of the Center for the Belarusian Culture, Language and Literature Research of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus.
Shadurski V. G.	Belarusian State University, Minsk, Belarus.
Tumans H.	University of Latvia, Riga, Latvia.
Vabishchevich A. N.	Brest State University named after A. S. Pushkin, Brest, Belarus.
Widder E.	Medieval History Institute, Eberhard Karls University of Tübingen, Tübingen, Germany.

ОТ РЕДАКЦИИ АД РЕДАКЦЫІ EDITORIAL

Советский Союз прекратил существование 30 лет назад. Завершилась история государства, целью которого провозглашалось создание всемирного Союза Советских Социалистических Республик и которое задумывалось как государство принципиально нового типа. Лозунги и декларации первых лет советской власти постепенно трансформировались, с течением времени СССР во все большей степени приобретал черты обычной (для классической исторической науки и политологии) страны. Однако степень этой общности была и остается предметом научных дискуссий. Во многом именно восприятие феномена СССР определяет позицию исследователей по отношению к факту его распада и принципиальную разницу в отношении к Советскому Союзу как к геополитической реальности и объекту исторического изучения.

Однако 2021 г. знаменует 30-летие не только распада СССР, но и обретения (восстановления) независимости целым рядом государств. Образ Советского Союза, советское прошлое оказываются крайне неоднозначными в исторической памяти и политике постсоветских государств. Расхождение в оценках, вероятно, будет только усиливаться по мере кристаллизации различных вариантов исторического обоснования современной государственности.

Советский период истории становится предметом не столько научных дискуссий, сколько полем идеологической борьбы, политической конкуренции, патриотической демагогии, фейковых сообщений средств массовой информации, т. е. всего того, что вошло в понятие «бои за историю». Отсутствие профессиональных научных навыков, методологии исследования, а также фрагментарное знание конкретного исторического материала не останавливают псевдоспециалистов в стремлении предложить (навязать) жестко детерминированную трактовку исторических событий. А значит, и оценка распада

СССР не только не будет однозначной, но и приобретет (а во многих случаях уже приобрела) антагонистическую форму: от катастрофы – до праздника.

В этой ситуации попытки разобраться в причинах распада СССР постепенно перемещаются из исторической науки в историческую политику, превращаются в задачу написания новых национальных историй, а также смены тех парадигм, которые создавались в советские годы. Поиск национальной самоидентификации сопровождался совершенно естественной критикой предшествующей историографической модели, направленной на доказательство исторической обусловленности совместного существования в рамках единого государства. Однако комплекс факторов, объясняющих распад Советского Союза, в научной литературе сформировался. Некоторые исследователи полагали, что причины носили субъективный характер, стали следствием конкретных ошибок советских политиков. Сегодня преобладает точка зрения о том, что распад СССР следует понимать скорее как итог деформации системы, чем как следствие частных событий.

Редакция предлагает вниманию читателей материалы, рассматривающие ряд аспектов истории советской эпохи.

В статье В. И. Меньковского, М. Шмигеля и Л. Дубинко-Гуци «“Голодные игры”: голод 1932–1933 гг. в исторической политике Украины и России» анализируется историческая политика Украины и России на современном этапе. В исследовании применена методология *historical memory studies*, т. е. исследование исторического сознания, коллективной памяти, исторической памяти. Методология основана на анализе ситуации, когда представления о прошлом, национальной истории зависят от ментальности и целеполагания конкретной социальной, национальной или иной группы. Объектом изучения стала современная общественно-политическая

ситуация в Украине и России, связанная с осмыслением и оценкой голода 1932–1933 гг. как в Советском Союзе в целом, так и в Украине в частности. Авторы рассматривают современную мемориальную культуру двух государств, в качестве центральных проблем выделяют вопросы региональной и национальной идентичности, формирование мифов национальной памяти. Рассмотрена трансформация мемориальных практик и законодательной базы России и Украины после распада Советского Союза. Авторы приходят к выводу о том, что дискуссия российской и украинской сторон сегодня превратилась в выстраивание схемы реверсивной истории, основанной на проекции настоящего положения дел в прошлое. В силу закрытости российских архивов найти принципиально новые свидетельства не представляется возможным и стороны часто прибегают к государственно-националистической аргументации. Обыгрывая название известного голливудского блокбастера, мы можем говорить о том, что «голодные игры» стали реальностью в современной политике памяти постсоветских государств.

И. И. Янушевич на примере православной и протестантских церквей рассматривает процесс вмешательства органов государственной власти во внутренние дела религиозных организаций в 1917–1928 гг. В статье проанализированы механизмы воздействия на верующих, клир и руководство этих структур. Определено, что основное давление оказывалось в целях получения поддержки, в том числе публичной, всех государственных решений, касающихся внутренней и внешней политики. Установлено, что уменьшить количество прихожан канонической Русской православной церкви власти планировали посредством предоставления преференций иным конфессиям и религиозным течениям, а также ее дробления путем инспирирования расколов. Изучена попытка передачи управления Русской православной церковью группе духовенства, сформированной государственными органами, неканоническим путем.

С. А. Елизаров в статье «Местная советская номенклатура БССР позднего сталинизма (1945–1953)» рассматривает процесс восстановления и развития номенклатурного механизма кадровой политики в БССР в первое послевоенное десятилетие, получившее в современной историографии название «поздний сталинизм». Основное внимание обращено на руководящих работников местных орга-

нов государственного управления – исполкомов Советов депутатов трудящихся. Характеризуются основные тенденции в трансформации организации номенклатурной практики – централизация и децентрализация. Выделены ключевые иерархические уровни номенклатур (от ЦК ВКП(б) – КПСС до райкомов и горкомов КП(б)Б – КПБ), показано их конкретное наполнение во временной динамике. Отмечается, что существовавшая иерархия номенклатурных должностей во многом более точно, чем их официальный административный статус, определяла реальное положение того или иного работника в структуре власти и управления. В начале 1950-х гг. постоянное обновление состава председателей местных исполкомов сменилось относительной стабилизацией. На руководящие посты в местные структуры государственного аппарата управления стремились назначать уже проверенных на различных руководящих должностях коммунистов с довоенным стажем. Уровень образования играл роль лишь для районной и городской местной административной иерархии, в отношении ее высшей ступени – председателей облисполкомов – главное значение по-прежнему имел опыт руководящей работы. Несколько возросли стаж работы на занимаемых должностях и общий стаж руководящей работы, повысился уровень образования у председателей районных и городских исполкомов, что позволило перейти на более высокие требования в подборе кадров (наличие специализированного высшего, технического или сельскохозяйственного, образования).

И. Л. Жеребцов и И. И. Лейман обращаются к рассмотрению основных аспектов истории создания Коми автономии. В статье отмечается, что в начале XX в. территория современной Республики Коми была разделена между четырьмя губерниями, но Усть-Сысольск воспринимался как неофициальный центр Коми края. Показано, что в 1918 г. политический деятель Д. Я. Попов предложил провозгласить Коми автономию, и эта идея осуществилась в 1921 г., когда была образована Коми автономная область. Важнейший вклад в этот процесс внес политический деятель Д. А. Батиев. Отмечено, что большинство политиков Коми выступали за создание автономной республики, но Коми Автономная Советская Социалистическая Республика была образована только в 1936 г., а территория автономии неоднократно менялась.

ТЕМАТИЧЕСКИЙ РАЗДЕЛ

ТЕМАТИЧНИ РАЗДЗЕЛ

SPECIAL TOPIC SECTION

Советский Союз как объект исторического исследования

Савецкі Саюз як аб'ект гістарычнага даследавання

The Soviet Union as an object of historical research

УДК 32:94[(470+571)+477]:«1932-1933»

«ГОЛОДНЫЕ ИГРЫ»: ГОЛОД 1932–1933 гг. В ИСТОРИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКЕ УКРАИНЫ И РОССИИ

В. И. МЕНЬКОВСКИЙ¹⁾, М. ШМИГЕЛЬ²⁾, Л. ДУБИНКО-ГУЩА³⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

²⁾Университет Матей Бела, ул. Народна, 12, 97401, г. Банска-Бистрица, Словакия

³⁾Копенгагенская высшая школа экономики, Порцелансхавен, 24Б, 4.53С, 2000, г. Фредериксберг, Дания

Анализируется историческая политика Украины и России на современном этапе. Применяется методология *historical memory studies*, т. е. исследование исторического сознания, коллективной памяти, исторической памяти. Методология основана на анализе ситуации, когда представления о прошлом, национальной истории зависят от

Образец цитирования:

Меньковский ВИ, Шмигель М, Дубинко-Гуща Л. «Голодные игры»: голод 1932–1933 гг. в исторической политике Украины и России. *Журнал Белорусского государственного университета. История*. 2021;4:7–20.
<https://doi.org/10.33581/2520-6338-2021-4-7-20>

For citation:

Menkovski VI, Šmigel' M, Dubinka-Hushcha L. The hunger games: famine 1932–1933 in the historical policy of Ukraine and Russia. *Journal of the Belarusian State University. History*. 2021;4:7–20. Russian.
<https://doi.org/10.33581/2520-6338-2021-4-7-20>

Авторы:

Вячеслав Иванович Меньковский – доктор исторических наук, профессор; профессор кафедры истории России исторического факультета.

Михал Шмигель – кандидат наук (история), доцент; доцент философского факультета.

Лизавета Дубинко-Гуща – кандидат наук (история); ассистент кафедры международной экономики, государственного управления и бизнеса.

Authors:

Viachaslau I. Menkovski, doctor of science (history), full professor; professor at the department of Russian history, faculty of history.

menkovski@bsu.by

Michal Šmigel', PhD (history), docent; associate professor at the faculty of arts.

michal.smigel@umb.sk

Lizaveta Dubinka-Hushcha, PhD (history); assistant at the department of international economics, government and business.

ld.egb@cbs.dk

ментальности и целеполагания конкретной социальной, национальной или иной группы. Исследуется современная общественно-политическая ситуация в Украине и России, связанная с осмыслением и оценкой голода 1932–1933 гг. как в Советском Союзе в целом, так и в Украине в частности. Рассматривается современная мемориальная культура двух государств, в качестве центральных проблем выделяются вопросы региональной и национальной идентичности, формирование мифов национальной памяти. Изучается трансформация мемориальных практик и законодательной базы России и Украины после распада Советского Союза. Делается вывод о том, что дискуссия российской и украинской сторон сегодня превратилась в выстраивание схемы реверсивной истории, основанной на проекции настоящего положения дел в прошлое. Отмечается, что в силу закрытости российских архивов найти принципиально новые свидетельства не представляется возможным и стороны часто прибегают к государственно-националистической аргументации. Обыгрывая название известного голливудского блокбастера, мы можем говорить о том, что «голодные игры» стали реальностью в современной политике памяти постсоветских государств.

Ключевые слова: Украина; Россия; голод 1932–1933 гг.; голодомор; геноцид; историческая политика; мемориальная культура; историография.

«ГАЛОДНЫЯ ГУЛЬНІ»: ГОЛАД 1932–1933 ГГ. У ГІСТАРЫЧНАЙ ПАЛІТЫЦЫ УКРАЇНЫ І РАСІЇ

В. І. МЕНЬКОЎСКІ^{1*}, М. ШМІГЕЛЬ^{2*}, Л. ДУБІНКА-ГУШЧА^{3*}

^{1*}Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, пр. Незалежнасці, 4, 220030, г. Мінск, Беларусь

^{2*}Універсітэт Мацея Бела, вул. Народна, 12, 97401, г. Банска-Бістрыца, Славакія

^{3*}Капенгагенская вышэйшая школа эканомікі, Парцелансхавен, 24Б, 4.53С, 2000, г. Фрэдэрыксберг, Данія

Аналізуецца гістарычная палітыка Украіны і Расіі на сучасным этапе. Выкарыстоўваецца метадалогія *historical memory studies*, гэта значыць даследаванне гістарычнай свядомасці, калектыўнай памяці, гістарычнай памяці. Метадалогія заснавана на аналізе сітуацыі, калі ўяўленні аб мінулым, нацыянальнай гісторыі залежаць ад ментальнасці і мэтапалагання канкрэтнай сацыяльнай, нацыянальнай ці іншай групы. Даследуецца сучасная грамадска-палітычная сітуацыя ва Украіне і Расіі, звязаная з асэнсаваннем і ацэнкай голаду 1932–1933 гг. як у Савецкім Саюзе ў цэлым, так і ва Украіне ў прыватнасці. Разглядаецца сучасная мемарыяльная культура дзвюх дзяржаў, у якасці цэнтральных праблем вылучаюцца пытанні рэгіянальнай і нацыянальнай ідэнтычнасці, фарміраванне міфаў нацыянальнай памяці. Даследуецца трансфармацыя мемарыяльных практык і заканадаўчай базы Расіі і Украіны пасля распаду Савецкага Саюза. Робіцца выснова аб тым, што дыскусія расійскага і ўкраінскага бакоў сёння пераўтварылася ў выбудоўванне схемы рэверсіўнай гісторыі, заснаванай на праекцыі сучаснага становішча спраў у мінулае. Адзначаецца, што па прычыне закрытасці расійскіх архіваў знайсці прынцыпова новыя сведчанні не ўяўляецца магчымым і бакі ўсё часцей звяртаюцца да дзяржаўна-нацыяналістычнай аргументацыі. Абагульваючы назву вядомага голівудскага блокбастера, мы можам казаць пра тое, што «галодныя гульні» сталі рэальнасцю ў сучаснай палітыцы памяці постсавецкіх дзяржаў.

Ключавыя словы: Украіна; Расія; голад 1932–1933 гг.; галадамор; генацыд; гістарычная палітыка; мемарыяльная культура; гістарыяграфія.

THE HUNGER GAMES: FAMINE 1932–1933 IN THE HISTORICAL POLICY OF UKRAINE AND RUSSIA

V. I. MENKOUSKI^a, M. ŠMIGEL^b, L. DUBINKA-HUSHCHA^c

^aBelarusian State University, 4 Niezaliežnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

^bMatej Bel University, 12 Narodna Street, Banska Bystrica 97401, Slovakia

^cCopenhagen Business School, 24B Porcelænshaven, 4.53C, Frederiksberg 2000, Denmark

Corresponding author: V. I. Menkovski (menkovski@bsu.by)

The modern historical policy of Ukraine and the Russia is analysed. The study uses the methodology of historical memory studies, specifically, research of historical consciousness, collective and historical memory. The methodology is based on the analysis of a situation when ideas about the past as national history depend on the mentality and goal setting of a particular social, national or other group. The object of the study is the modern socio-political situation in Ukraine and Russia associated with the understanding and assessment of the famine of 1932–1933 both in the Soviet Union as a whole, and in Ukraine in particular. The authors consider the modern memorial culture of the two nations, highlight issues of regional and national

identity and the formation of myths of national memory as central issues in the paper. The transformation of memorial practices and the legal framework of the Russia and Ukraine after the collapse of the Soviet Union is considered. The authors arrive at the conclusion that the discussion between the Russian and Ukrainian sides to this day has turned into constructing a scheme of the «reverse history» based on the projection of the present state of affairs into the past. It is not possible to find any fundamentally new evidence as long as the Russian archives remained classified, and the parties increasingly resort to a nationalist type of argumentation. Punning on the name of the famous Hollywood blockbuster, we can say that the «hunger games» have become a reality in the modern politics of memory of post-Soviet states.

Keywords: Ukraine; Russia; famine of 1932–1933; Holodomor; genocide; historical policy; memorial culture; historiography.

Не видя личностей, мы видим лишь цифры: тысячи умерших, сотни тысяч умерших, «число жертв может достигнуть миллиона». Прибавьте к статистическим данным мысли и чувства отдельных личностей, и они обратятся в людей.

Н. Гейман. Американские боги

Введение

На всем протяжении мировой истории голод был и остается одной из острейших проблем человечества. Даже в современный постиндустриальный период угроза голодной смерти для жителей многих стран и регионов по-прежнему сохраняется. В 2020 г. представители Всемирной продовольственной программы ООН (ВПП ООН) предупредили членов Совета Безопасности ООН об угрозе голода библейского масштаба примерно для 25 стран мира. Мировое сообщество ищет пути спасения голодающих и не ослабляет внимания к этой проблеме. В 2020 г. ВПП ООН стала лауреатом Нобелевской премии мира. Эта премия, отметил Нобелевский комитет в Осло, присуждена созданной в 1961 г. по инициативе Президента США Д. Эйзенхауэра организации не только «за усилия в борьбе с голодом», но и «за вклад в улучшение условий по достижению мира в конфликтных регионах и за деятельность в качестве движущей силы в предотвращении использования голода как оружия войны и конфликтов»¹.

В советской истории самым трагическим периодом голода стала первая половина 1930-х гг. По оценкам демографов, голод 1932–1933 гг. стал причиной смерти 8,7 млн человек в СССР. Около 98 % потерь пришлось на три советские республики: Украину (3,9 млн человек), Россию (3,3 млн) и Казахстан (1,3 млн). В Казахстане потери от голода составили 22 % от общей численности населения, в Украине – 17 %, в России – 3 %, в остальных республиках – менее 2 % населения [1, с. 87].

Отличие голода 1930-х гг. от голода начала 1920-х гг. заключалось не только в большем числе жертв, но и в том, что сам факт голода отрицался в официальной пропаганде. Серьезных мер по его преодолению принято не было. Если в 1920-х гг. советское правительство разрешило общественным деятелям обратиться за помощью к Западу, то в голодных 1930-х гг. хлеб вывозился из СССР за границу. По мнению российских исследователей, можно было предотвратить массовую смертность от голода только за счет использования запасов и прекращения экспорта [2, с. 34]. Н. А. Ивницкий подчеркивал: «В Советском Союзе в течение многих десятилетий о голоде ничего не говорилось. Это был поистине секретный голод! <...> Сталин знал о голоде в стране (по сводкам ОГПУ, докладам секретарей обкомов и крайкомов, письмам с мест), но мало что делал, чтобы хотя бы смягчить голод. Более того, в феврале 1933 г. на Первом Всесоюзном съезде колхозников-ударников он заявлял, что “главные трудности уже пройдены, а те трудности, которые стоят перед вами, не стоят даже того, чтобы серьезно разговаривать о них”. И это говорилось тогда, когда миллионы крестьян голодали и умирали!»².

Важным аспектом является персональная позиция советских лидеров. По мнению О. В. Хлевнюка, «...несмотря на критичность ситуации, Сталин не сталкивался с серьезными вызовами в руководящей верхушке партии-государства. Сталинские соратники, в полной мере разделявшие ответственность за голод и разруху, предпочитали тактику сплочения

¹Нобелевская премия мира – 2020. Что нужно знать о ее лауреате [Электронный ресурс]. URL: <http://www.dw.com/ru/nobelovskaja-premija-mira-2020-chto-nuzhno-znat-o-ee-laureate/a-55221313> (дата обращения: 02.02.2021).

²Голод 1932–1933 гг.: «геноцид украинского народа» или общая трагедия народов СССР? [Электронный ресурс]. URL: <http://www.hist.msu.ru/Labs/UkrBel/obrukr-golod.htm> (дата обращения: 02.02.2021).

вокруг вождя» [3, с. 128]. «Пока ни один архивный документ не дает хотя бы косвенных подтверждений концепции раскола в политбюро» [3, с. 156]. Советские руководители были едины также в стремлении замолчать, скрыть как масштабы трагедии, так и сам факт голода. «Голод 1932–1933 гг. отличался именно тем, что его пытались скрыть, население не только было брошено на произвол судьбы, но и стало объектом террора голодом, а международный резонанс этой катастрофы был приглушен усилиями западных политиков, журналистов, широких кругов просоветских западных интеллектуалов, ориентированных на сотрудничество с СССР» [4, с. 244]. Советское правительство категорически отрицало какие-либо проблемы в деревне и, напротив, необычайно гордилось своими успехами. В резолюции ЦИК СССР в декабре 1933 г. утверждалось: «Огромная победа в этом году одержана трудящимися СССР в сельском хозяйстве, где достигнуто значительное организационно-хозяйственное укрепление колхозов и совхозов... значительно повысились урожайность и валовой сбор зерновых и технических культур, а также обеспечены улучшение и подъем животноводства. Все это в соединении с успешной борьбой против кулацких элементов обеспечило значительный рост жизненного уровня широких масс колхозников»³.

Суммируя «очевидные и общепризнанные факты», российский историк О. В. Хлевнюк отмечает, что в результате хлебозаготовок 1932 г. основные сельскохозяйственные районы страны поразили жестокий голод, который продолжался до нового урожая. Причиной этого голода были не природные катаклизмы, а целенаправленные действия сталинского руководства, жесткой рукой изымавшего из деревни последние ресурсы, невзирая на миллионные жертвы. Голодающему крестьянству практически не оказывалась государственная помощь, являвшаяся обычным способом смягчения голода в истории досоветского и начального советского периода. Основная часть голодающих районов (прежде всего Украина и Северный Кавказ) были окружены полицейскими кордонами, не допускавшими выезд крестьян в более благополучные области, что вело к еще большему увеличению смертности [3, с. 129].

Немецкий исследователь Ш. Мерль, считающий, что «голод... стал результатом жестко проводимой государством линии на изъятие зерна» [5, с. 51], добавляет еще один аспект. Когда в конце 1932 г. участились случаи голодной смерти, правительство издало закон о паспортах с тем, чтобы вос-

препятствовать массовому оттоку населения из голодающих областей в города, продовольственное снабжение которых также оставляло желать лучшего. Милиция получила право выселять из городов крестьян, у которых не было договоров о найме с промышленным предприятием, а также препятствовать их самовольному уходу из деревни. В телеграмме, подписанной И. В. Сталиным и В. М. Молотовым, местной администрации предписывалось снимать с поездов и отправлять обратно беженцев, которые назывались в документе организованными врагами советской власти. Согласно статистическим данным в связи с этой акцией были задержаны 220 тыс. человек [5, с. 50–51].

По мнению О. В. Хлевнюка, общая картина эскалации голода и факторы этой эскалации вполне изучены. Разрушение наиболее жизнеспособных крестьянских хозяйств и создание вместо них низкоэффективных колхозов, государственные реквизиции не только излишков продукции, но и значительной части основных фондов вели к сокращению посевных площадей, катастрофическому сокращению поголовья скота, падению агрокультуры. Основой этого быстро нараставшего кризиса и его главным результатом было невероятное ослабление трудового потенциала деревни [3, с. 132].

Сергей Максудов отмечает намерение государства взять необходимую долю зерна независимо от того, какой будет собран урожай и сколько зерна останется в деревне. Это делало наступление тяжелого голодного времени неизбежным⁴. Началась тотальная реквизиция последних ресурсов, включая семенные фонды и личные продовольственные запасы крестьян, в том числе законно полученные за трудодни. «Власти фактически действовали как шайка разбойников, которая вторглась в чужую страну» [3, с. 135].

Конечно, без технической реконструкции сельскохозяйственного производства, подъема общей культуры деревни нельзя было обойтись. Труд на мелких клочках земли с помощью примитивных орудий сдерживал экономическое развитие страны. Со временем мелкотоварное крестьянское хозяйство должно было измениться. Но это могло происходить естественным добровольным путем (при экономической заинтересованности крестьянства). А коллективизация в принудительной форме означала попытку проигнорировать экономические законы, интересы производителей, превратила насилие в норму и привела к массовому голоду, унесшему миллионы человеческих жизней.

³Цит. по: Максудов Сергей [Бабёнышев А. П.]. Коллективизация и голодомор [Электронный ресурс]. URL: <http://www.maksudovsergei.com/> (дата обращения: 02.02.2021).

⁴Там же.

Методология исследования

В работе применена методология *historical memory studies*, т. е. исследование исторического сознания, коллективной памяти, исторической памяти. Методология основана на анализе ситуации, когда представления о прошлом, национальной истории зависят от ментальности и целеполагания конкретной социальной, национальной или иной группы. В исследовательское поле входят практики коммеморации, использование образов прошлого при формировании коллективной идентичности, деятельность различных институтов памяти, механизмы общественных дебатов о прошлом, методы работы средств массовой информации с историче-

ским материалом, преподавание истории в учебных заведениях.

Объектом изучения стала современная общественно-политическая ситуация в Украине и России, связанная с осмыслением и оценкой голода 1932–1933 гг. как в Советском Союзе в целом, так и в Украине в частности. Авторы рассматривают современную мемориальную культуру двух государств, в качестве центральных проблем выделяют вопросы региональной и национальной идентичности, формирование мифов национальной памяти. Рассмотрена трансформация мемориальных практик и законодательной базы России и Украины после распада Советского Союза.

Результаты и их обсуждение

Оценка государственной политики и властной практики в период голода 1932–1933 гг. является одним из самых дискуссионных моментов постсоветской историографии и исторической политики. В политическом и юридическом отношении для Украины и России дискуссия окончена. В Украине в 2006 г. принят закон о голодоморе 1932–1933 гг., в котором определено, что голодомор – геноцид украинского народа. Согласно социологическим опросам 86 % украинцев признают голодомор геноцидом, на уровне коллективной памяти это событие уже зафиксировано как геноцид⁵. Подобные оценки приводит и бывший глава Украинского института национальной памяти В. М. Вятрович, отмечая, что 81 % украинцев считают голодомор геноцидом⁶.

День памяти жертв голодоморов (ранее назывался Днем памяти жертв голодомора и политических репрессий) в Украине приходится на четвертую субботу ноября. Отмечается с 1998 г. (согласно Указу Президента Украины Л. Д. Кучмы от 26 ноября 1998 г. № 1310/98). Первые десять лет церемония проходила перед памятным знаком на Михайловской площади в Киеве, с 2008 г. проводится в Национальном музее голодомора-геноцида. После минуты молчания (в 16:00) по всей Украине проходит акция «Зажги свечу», в рамках которой все желающие несут свечи к памятникам жертвам.

Украина. В украинской академической среде научные дискуссии на эту тему продолжаются. Г. В. Касьянов считает, что термин «геноцид» по отношению к событиям 1932–1933 гг. употребляют прежде всего те исследователи, которые входят в Ассоциацию исследователей голодоморов в Украине, поскольку, по их оценке, он отвечает положениям

Конвенции ООН «О предупреждении преступлений геноцида и наказании за него» 1948 г. [4, с. 258]. По мнению многих других ученых, использовать данную терминологию не следует из-за ее юридической неопределенности. А. Грациози определил ситуацию следующим образом: «...одни историки – назовем их историками категории А – называют голод 1932–1933 годов геноцидом и считают, что он был устроен искусственно с целью: а) сломать хребет крестьянству и/или б) подточить или даже вовсе уничтожить жизнеспособность украинской нации, мешавшей превращению Советского Союза в деспотическую империю. Другие историки – назовем их историками категории Б – соглашались с тем, что сталинская политика была преступна, но настаивают на необходимости изучать голод как “сложное явление” и не забывать о том, что на намерения и решения Москвы повлиял целый ряд факторов, включая геополитическую ситуацию и стремление к модернизации экономики» [6].

Руководитель Центра исследований геноцида украинского народа В. И. Марочко подчеркивает, что современная историографическая мысль находится под косвенным политическим влиянием, одна часть исследователей пытаются опровергнуть претензии другой, и голодомор в Украине – не героическая страница нашей истории, а позорное для европейской цивилизации XX в. событие, поскольку произошло с ее молчаливого попустительства [7, с. 197]. С нашей точки зрения, после принятия государственных актов о голоде 1932–1933 гг. противостоять официальному варианту интерпретации событий историку на постсоветском пространстве становится чрезвычайно сложно.

⁵Историк Касьянов: гнусно всегда пересматривать цифры умерших от голодомора [Электронный ресурс]. URL: <http://rian.com.ua/interview/20161127/1019083515.html> (дата обращения: 02.02.2021).

⁶В Национальном музее «Мемориал жертвам голодомора» открылась выставка «Люди правды» [Электронный ресурс]. URL: <http://gordonua.com/news/culture/v-nacionalnom-muzee-memorial-zhertv-golodomora-otkrylas-vystavka-lyudi-pravdy-108043.html> (дата обращения: 02.02.2021).

Поскольку аргументы как сторонников, так и противников концепции геноцида достаточно спорны, достижение академического согласия представляется маловероятным. Показательно, что участники дискуссии часто меняют собственную позицию, то признавая голод 1932–1933 гг. геноцидом, то отказываясь от такой трактовки. Например, С. В. Кульчицкий сегодня разделяет позицию признания голодомора геноцидом [8]. Однако, когда в 1988 г. коммунистическое руководство Украины поручило ему возглавить секретную комиссию по расследованию этого голода, в статье, опубликованной в 1988 г. в издании «Украинский исторический журнал», а затем в брошюре «1933: трагедия голода» он писал, что представление об организованном голоде в Украине не только глубоко ошибочное, но и иррациональное, антинаучное [9].

Г. В. Касьянов проделал путь в обратном направлении – от признания концепции геноцида до его отрицания. Так, в 2004 г. он писал: «...если абстрагироваться от современных идеологических практик и взглянуть на 1932–1933 гг. именно с позиций рационального анализа, можно вполне определенно заявить, что по всем формальным признакам, описанным в конвенции ООН 1948 г., в Украинской ССР имел место факт геноцида» [4, с. 260]. По мере накопления и осмысления фактического материала, изменения историко-политической ситуации у него появилась другая точка зрения.

Основные споры исследователей возникают именно на стадии политико-правовой оценки голода. Наибольшие споры вызывает даже не количество жертв, где определяющими являются методика и принципы статистического анализа, а толкование голода с позиции международного права, мотива применения и ответственности. «Для подкрепления тезиса о геноциде не имеет особого смысла доказывать, что голод действительно был. Общее количество жертв при этом также не имеет существенного значения. Гораздо существеннее показать, что украинцы погибали из-за своей национальной принадлежности и что голодный мор был вызван именно с таким умыслом» [5, с. 51].

С точки зрения Г. В. Касьянова, высказанной им в 2016 г., «...если мы говорим о событии такого масштаба и таких последствий, то, чтобы снять идеологическую и политическую подоплеку в этих рассуждениях, нам не стоит употреблять слово “геноцид”, которое политизировано и сейчас затерто до неузнаваемости. Чтобы отразить суть этого события, достаточно говорить о голодоморе как о преступлении

против человечности. И в этом случае мы снимаем этнические контексты. Да, действительно, это правда, подавляющее большинство умерших в Украинской ССР были этническими украинцами, поскольку почти 90 % крестьянства были этническими украинцами, и, естественно, раз голод был на территории Украины, большинство умерших составляли крестьяне. Хотя вымирали целые еврейские, польские, немецкие, болгарские села. <...> Тезис, что якобы голод был организован специально с целью уничтожения украинцев, весьма сомнителен»⁷.

Однако для украинской зарубежной исторической науки и публицистики голод 1932–1933 гг. в Украине был и остается геноцидом. Классическое обоснование этой позиции дал Р. Лемкин⁸: «То, о чем я хочу сказать, возможно, является классическим примером советского геноцида, самого долгого и широкомасштабного эксперимента по русификации. Это – уничтожение украинской нации. <...> Первый удар предназначался интеллигенции, мозгу нации, чтобы парализовать остальные части ее тела. <...> Параллельно с уничтожением интеллигенции проводились репрессии против церквей и священнослужителей – души Украины. <...> Третий удар советского плана был направлен на фермеров, большую массу независимых крестьян, которые являлись хранилищем украинских традиций, фольклора и музыки, национального языка и литературы, национального духа. Оружие, использованное против этой группы, было, пожалуй, самым страшным из всех – голод. <...> Четвертым шагом в этом процессе стала фрагментация украинского народа путем заселения Украины другими этническими группами и рассеяния украинцев по Восточной Европе. <...> Это – не просто случай массового убийства. Это – акт геноцида, уничтожения не только людей, но и культуры и нации в целом»⁹.

Современную интерпретацию концепции голодомора-геноцида можно проиллюстрировать позицией В. И. Марочки: «Мы рассматриваем голодомор украинский в соответствии с положениями конвенции ООН для осуществления его политико-правовой оценки, выяснения самого преступления и его общественного признания, а не ущемления моральных прав других народов, подвергшихся подобной катастрофе. Тезис зарубежных историков о параллельном сосуществовании голодоморов в регионах СССР как аргумент опровержения антиукраинского направления террора голодом является аморальным, а с точки зрения элементарной диалектики – бессмысленным. Если исследователи

⁷Историк Касьянов: гнусно всегда пересматривать цифры умерших от голодомора [Электронный ресурс]. URL: <http://rian.com.ua/interview/20161127/1019083515.html> (дата обращения: 02.02.2021).

⁸Лемкин Р. Советский геноцид в Украине [Электронный ресурс]. URL: <http://argumentua.com/stati/rafael-lemkin-sovetskii-genotsid-v-ukraine> (дата обращения: 02.02.2021).

⁹В России тексты Р. Лемкина официально оцениваются как экстремистские материалы (Федеральный список экстремистских материалов [Электронный ресурс]. URL: <http://minjust.gov.ru/ru/extremist-materials/?page=32&> (дата обращения: 02.02.2021)).

признают причины голода, идентифицируют его как преступление, определяют административно-географические границы, в конце концов, называют его организованным, то почему они пытаются оспорить особое среди общего, а возможно, и единичное?»¹⁰ [7, с. 196].

Россия. Оценки украинских исследователей вызывают практически однозначную негативную реакцию российских коллег. В. В. Кондрашин, признанный специалист¹¹, известный ученый, а в течение определенного времени и российский политик, неоднократно формулировал это неприятие: «Первое, самое главное и важное... Эта тема уже давно выходит за рамки чисто научной дискуссии и получила общественно-политическое звучание особенно в последние годы в Украине и в настоящее время, как мы видим, начинает приобретать его и в России. Почему? Для российских исследователей, как свидетельствуют опубликованная литература, периодика, очевидным является факт, к сожалению, политической ангажированности украинских ученых, некоторые из которых, при всем моем к ним уважении, следуют не в лучших традициях советской историографии в том смысле, что следуют за желаниями власти, официальной политики государства в этом вопросе, которая неоднозначно воспринимается у нас в России. <...> Российские ученые и публицисты, как и многие зарубежные авторы, не разделяют официальную точку зрения руководства Украины и ученых Национальной академии наук Украины о голоде 1932–1933 годов в СССР как “геноциде голодомором народов Украины”»¹².

С российской стороны громче слышен голос политиков и публицистов, а государственная историческая политика¹³ России направлена в первую очередь на противодействие Украине по всему спектру исторической проблематики. Один из примеров, иллюстрирующих ситуацию, относится еще к «докрымскому» периоду, когда в 2008 г. Президент России Д. А. Медведев направил послание Президенту Украины В. А. Ющенко. В документе говорится, что «на Украине трагические события начала 1930-х годов используются, по нашему мнению, для достижения сиюминутных конъюнктурных политических целей. В этой связи упорно муссируется тезис о “целенаправленном голодоморе-геноциде украинцев”. В результате в том числе и Ваших личных усилий эта

линия даже получает законодательное оформление. Имею в виду, в частности, принятый 2 ноября 2006 г. Верховной радой и подписанный Вами закон, в котором утверждается, что “голодомор 1932–1933 годов на Украине является геноцидом украинского народа”. Упомяну и Вашу инициативу установить уголовную ответственность за отрицание изложенной в законе версии событий этого периода. <...> Голод 1932–1933 годов в Советском Союзе не был направлен на уничтожение какой-либо отдельной нации. Он стал следствием засухи и проводившихся в отношении всей страны, а не одной только Украины насильственной коллективизации и раскулачивания. <...> Решения о коллективизации принимались многонациональным руководством СССР и союзных республик, а политика насильственных продзаготовок осуществлялась в Украинской ССР преимущественно украинскими кадрами. <...> С учетом изложенного не считаю возможным свое участие в мероприятиях по случаю отмечаемой на Украине 75-й годовщины голодомора»¹⁴.

Следует отметить ряд моментов в этом послании, которые, с нашей точки зрения, заслуживают внимания, поскольку в дальнейшем будут неоднократно повторяться российскими политиками. Голодомор определяется как «так называемый». Голод не отрицается, но в качестве причины на первое место ставится засуха. Ответственность за насильственные меры возлагается прежде всего на местные кадры.

Обратим внимание на то, что подобная аргументация будет использоваться российскими официальными структурами не только по отношению к Украине, но и по отношению к «сторонникам националистических взглядов» других постсоветских государств. Так, в 2019 г. Департамент информации и печати МИД Российской Федерации выступил с комментарием «в связи с инсинуациями вокруг трагедии, вызванной голодом в СССР в 1932–1933 годах». В документе говорится: «В последнее время в информпространстве ряда государств Центральной Азии искусственно раздувается тема голода 30-х годов прошлого века.

При этом сторонники националистических взглядов навязывают общественности своих стран трактовку этого трагического события как голодомора и даже геноцида коренных народов региона, организованного руководством СССР.

¹⁰Здесь и далее перевод наш. – В. М., М. Ш., Л. Д.-Г.

¹¹В. И. Марочко говорил: «В. В. Кондрашина я очень уважаю. Это единственный историк сейчас в России, который после “могучей кучки” И. Е. Зеленина, которая, к сожалению, сейчас ушла... профессионально занимается проблемами голода» (Голод 1932–1933 гг.: «геноцид украинского народа» или общая трагедия народов СССР? : материалы междунар. конф. «Украина и Россия: история и образ истории» (Москва, 4 апр. 2008 г.) [Электронный ресурс]. URL: <http://www.hist.msu.ru/Labs/UkrBel/obrukr-golod.htm> (дата обращения: 02.02.2021).

¹²Там же.

¹³Историческая политика – инструментальное использование истории (или коллективных представлений о прошлом и его репрезентаций) в политических целях (Касьянов Г. К проблеме дефиниций: историческая память, историческая политика // *Історія. Пам'ять. Політика* : зб. ст. / упоряд.: Г. Касьянов, О. Гайдай. Київ, 2016. С. 112–135).

¹⁴Дмитрий Медведев направил послание Президенту Украины Виктору Ющенко, посвященное проблематике так называемого голодомора [Электронный ресурс]. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/2081> (дата обращения: 02.02.2021).

Исторические документы свидетельствуют о том, что в результате голода, поразившего обширные районы страны, погибло около семи миллионов человек, в том числе более 2,5 миллиона в российской ее части. Голод 30-х годов имел массовый и неизбирательный характер. Он начался с сильной засухи и неурожая, на которые наслонились чрезвычайные меры правительства (крайне высокие квоты на заготовку зерна, конфискация продовольствия, запрет на торговлю продуктами). Их реализация с равной жесткостью обеспечивалась во всех без исключения земледельческих районах СССР. В силу этого рассматривать общую для народов СССР трагедию как целенаправленное истребление отдельных групп населения по расовым, национальным или религиозным мотивам по меньшей мере лишено каких-либо оснований, а по большей – умышленная провокация, направленная на разжигание антироссийских настроений и межнациональной розни в дружественных нам странах с большим числом русскоязычного населения. Трагические ошибки, приведшие к голоду, были признаны уже в 1933 году. Тогда же советское правительство организовало масштабную продовольственную помощь пострадавшим регионам, включая Центральную Азию»¹⁵.

В комментарии не называются виновники гибели миллионов людей, а советское правительство выступает как организатор помощи пострадавшим от неизвестно чьих трагических ошибок.

«Украина – не Россия»¹⁶. Возвращаясь к украинской ситуации, подчеркнем, что упомянутое нами послание 2008 г. было политическим документом, отражавшим негативные взаимоотношения российского и украинского истеблишмента. Когда пост Президента Украины занял В. Ф. Янукович, российский лидер нашел возможность посетить Киев и почтил память жертв голодомора. В сообщении РИА «Новости» уже не употреблялась формулировка «так называемый голодомор» и подчеркивалось, что «...события тех лет долгое время были предметом расхождения между Москвой и Киевом. <...> Бывший

украинский президент Виктор Ющенко заявлял, что голод 1930-х годов был геноцидом украинского народа, и пытался убедить в этом мировое сообщество.

Янукович, возглавивший Украину два с половиной месяца назад, в апреле на встрече с парламентариями ПАЕ [Парламентская ассамблея Совета Европы] заявил, что признавать голодомор фактом геноцида того или иного народа будет неправильно, несправедливо, так как это была общая трагедия»¹⁷.

Однако сближение позиций продолжалось недолго. В 2010 г. Апелляционный суд Киева подтвердил предварительные выводы Службы безопасности Украины. Среди виновных в организации голода были названы И. В. Сталин, В. М. Молотов, Л. М. Каганович, П. П. Постышев. В постановлении суда были указаны цифры людских потерь Украины от голодомора: 10 млн 63 тыс. человек. Из них 3 млн 941 тыс. человек погибли непосредственно от голода, нерожденные составляют 6 млн 122 тыс. человек. Вердикт суда не содержал претензий к Российской Федерации как к правопреемнице Советского Союза. Тем не менее председатель Государственной думы России Б. В. Грызлов заявил, что решение украинского суда направлено на то, чтобы рассорить Украину с Россией¹⁸. Терминология и аргументация, используемые официальными лицами, повторяются, становятся привычными, заполняют средства массовой информации и, безусловно, оказывают влияние на корпорацию историков.

Сергей Максудов, бывший диссидент и сторонник нынешней российской исторической политики¹⁹, писал: «Признание украинского народа жертвой геноцида позволяет показать пальцем на палача, виновного в трагедии, и возложить ответственность на Кремль, Москву, а заодно на Россию и русский народ»²⁰. Этот штамп повторяется сегодня почти всеми российскими политиками, а вслед за ними и российскими историками. Нам представляется, что в данной позиции происходит как смешение, так и искажение понятий. О смешении мы можем говорить потому, что ставится знак равенства,

¹⁵Комментарий Департамента информации и печати МИД России в связи с инсинуациями вокруг трагедии, вызванной голодом в СССР в 1932–1933 годах [Электронный ресурс]. URL: http://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news/-asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/3540615 (дата обращения: 02.02.2021).

¹⁶Мы используем название книги второго Президента Украины Л. Д. Кучмы, опубликованной в 2003 г.

¹⁷Медведев и Янукович почтили память жертв голодомора 1930-х годов [Электронный ресурс]. URL: <http://ria.ru/20100517/235339510.html> (дата обращения: 02.02.2021).

¹⁸Народецкий А. Голодомор в Украине предан суду. Может, это когда-нибудь аукнется в Казахстане [Электронный ресурс]. URL: http://rus.azattyq.org/a/ukraine_golodomor_famine/1939787.html (дата обращения: 02.02.2021).

¹⁹В интервью прессе он указывал: «Очень важные и теплые отношения связывали меня с историком Виктором Петровичем Даниловым и группой его сослуживцев и учеников. Их работы времен оттепели были для меня самым ценным источником по истории коллективизации. Когда во время моего приезда в Москву я познакомился с ними, Н. А. Ивницкий сказал мне, что он насчитал в моей книге 150 ссылок на его труды. Это было действительно так, я чувствовал в его материалах какую-то высокую достоверность. И я оказался прав. Оказалось, что он в годы оттепели был допущен в президентский архив, где переписал большое количество документов. Его записки были пересланы в спецчасть института истории, где он вторично переписал их и без ссылок включал в свои публикации. Сейчас мы переписываемся с учеником Данилова Виктором Викторовичем Кондрашиным» (Интервью с юбиляром // Демоскоп Weekly [Электронный ресурс]. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2018/0763/print.php> (дата обращения: 02.02.2021)).

²⁰Максудов Сергей. Коллективизация и голодомор...

во-первых, между русским народом и Кремлем (Москвой) и, во-вторых, между русским народом и многонациональной Россией. А об искажении идет речь, поскольку ни в одном из современных украинских документов, оценивающих голод 1932–1933 гг., не говорится об ответственности русского народа²¹.

А в отношении возможности «показать пальцем на палача, виновного в трагедии», если не пользоваться сленгом, а вернуться к терминологии, принятой в научном сообществе, т. е. назвать властные структуры и персоналии, ответственные за гибель миллионов людей, позиции современных историков вне зависимости от страны проживания не противоречат друг другу. Сам Сергей Максудов признает: «Искусственный характер голода, если не вызванного, то, бесспорно, многократно усиленного действиями советского правительства, признается сегодня большинством ученых во всем мире. <...> Несомненно, что коллективизация и голод являются чудовищными преступлениями против человечества и что ответственность за них несет Коммунистическая партия большевиков тех лет, в первую очередь ее руководство и весь руководящий аппарат ОГПУ»²².

Почему же тогда возникает такое резкое неприятие украинской исторической политики и историографии голода 1932–1933 гг.? Недовольство тем, что украинские власти и украинские историки говорят и пишут об украинской трагедии, представляется необоснованным. Национальная история, как и национальная историческая политика, совершенно естественно находится в центре внимания в процессе национально-государственного строительства, которое необходимо сейчас всем постсоветским независимым государствам. Соотношение степени «советскости» и независимости отличается в каждом из государств, но все, включая Россию, еще только начали писать свою национальную историю, находятся в процессе выстраивания прошлого, которое могло бы стать основой самоидентификации. Исторические события интерпретируются по-разному, часто с противоположных позиций, прошлое закономерно приобретает и героические, и трагические черты.

Может быть, проблема не только и не столько в украинской позиции, сколько в отношении рос-

сийской власти к сталинскому режиму. Как отмечал А. И. Миллер, «...российская историография тут попадает в ловушку, потому что в России ведь что происходит: с одной стороны, мы должны дать достойный ответ клеветникам по поводу голодомора. Поэтому мы должны защищать Сталина и говорить, что он не хотел... <...> Вся история с голодом 1932–33 года – часть заметно более широкой проблемы в российской историографии: что мы до сих пор не можем сказать, что это был чудовищный, преступный, античеловеческий режим. Он был по-другому античеловеческий режим, чем нацистский, он не уничтожал людей по расовому признаку, но все равно чудовищный, и чем скорее мы вынесем этот однозначный вердикт, тем скорее нам станет проще не только в отношениях с Украиной или с кем-то еще, но и в отношениях с самими собой»²³.

Сотрудник общества «Мемориал» Н. В. Петров в связи с этим объяснил, почему в России всячески уклоняются расследовать события, связанные с голодом 1932–1933 гг. По его мнению, Кремль совершенно не заинтересован в раскрытии преступлений сталинизма, ибо выбрана другая тактика, согласно которой российское руководство пытается представить советскую историю как исключительно историю славы, побед и успехов²⁴.

Более того, как отмечал чешский советолог В. Вебер, в российской историографии практически нет более конкретных результатов исследований, посвященных «другой части баррикады» – крестьянскому сопротивлению в годы коллективизации и голода. «Это бесславие русской историографии, – подчеркивал он, – что о сопротивлении мы многое не знаем (за исключением статистики ОГПУ). Мы не знаем конкретной деятельности, лидеров, их планы, программные положения и т. д. Это неизвестные герои в полном смысле этого слова» [10, с. 50].

Однако в реальности происходит другое: «эффективному менеджеру» И. В. Сталину ставят памятники, на его могилу у Кремлёвской стены возлагают цветы, социологические опросы показывают постоянный рост популярности «сталинского мифа». Российский историк Ю. А. Борисёнок, подводя итоги дискуссии в редакции журнала «Родина», говорил: «Иосиф Виссарионович не был так велик и демоничен, как до сих пор кажется многим коллегам. Чем больше появляется достоверных источников

²¹ Даже в период наибольшего обострения российско-украинских отношений в речи 24 ноября 2018 г. на панихиде по жертвам голодомора 1932–1933 гг. Президент Украины П. А. Порошенко говорил об ответственности российского государства, а не народа: «Историческая ответственность за голодомор лежит на Российской Федерации как правопреемнице СССР, и это преступление не имеет срока давности. Голодомор был устроен Кремлем» (Порошенко: Історична відповідальність за голодомор – на Російській Федерації // Українська правда [Электронный ресурс]. 2018. URL: <http://www.pravda.com.ua/news/2018/11/24/7199187/> (дата обращения: 02.02.2021)).

²² Максудов Сергей. Коллективизация и голодомор...

²³ Россия – Украина: как пишется история [Электронный ресурс]. URL: <http://polit.ru/article/2009/03/10/golodomor/> (дата обращения: 02.02.2021).

²⁴ Народецкий А. Голодомор в Украине предан суду...

о событиях начала 1930-х годов, тем явственнее просматривается, что это не организованный (тем более одним человеком) голод, а несовершенство всей большевистской системы. Торжествующая доктрина не сочеталась с реально существующим аграрным сектором, и в борьбе с ним применялись разнообразные и почти всегда неэффективные методы. Гибель миллионов людей была вызвана не тревогой Сталина по поводу возможного отделения Украины от СССР, а следствием куда более серьезного явления – вопиющего несовершенства всей системы управления государством (именно оно затем и погубило Советский Союз)²⁵.

И. Е. Кознова подчеркивает, что «в Украине и в России сложились разные траектории исторической памяти о голоде 1932–1933 гг., отличаются и состояния общественного сознания в отношении к этим событиям. <...> Это два совершенно разных полюса государственной политики памяти. Уже с конца 1980-х гг. и вплоть до настоящего момента тема голода в Украине – это тема № 1. Причем с точки зрения описанных в литературе моделей восприятия событий прошлого память о голоде в Украине предстает как “катастрофа” (“память жертвы”). В России акценты официальной политики в отношении событий коллективизации и связанного с ними голода были расставлены иначе. <...> У россиян сильнее память о голодных военных и послевоенных годах. <...> На мой взгляд, в России память о коллективизации и сопровождавшем ее голоде оказалась вытесненной (и на официальном и на низовом уровне) памятью о Великой Отечественной войне. Память о войне – это “память-триумф” (геройство и жертвенность), это другой (в отличие от “памяти-катастрофы”) вектор проработки прошлого, формируемой культурной памяти»²⁶.

Международная реакция. Э. Эпплбаум отмечает, что «долгие годы западные левые вали во имя Сталина и советской системы»²⁷. На практике получалась некая совместная постановка, которую иностранные интеллектуалы и политики разыгрывали вместе с советским руководством. Советский Союз старался создать иллюзию благополучия в колхозной деревне, а «западные пилигримы» делали вид, что не замечают постановочного характера того, что им преподносилось как советская реальность. «Так происходило с премьер-министром Франции Эдуардом Эррио, архиепископом Кентерберийским и самим Бернардом Шоу, прославлен-

ным и противоречивым ирландским драматургом. Он посетил СССР в один из худших голодных периодов и описал свое пребывание несколько фривольно: “Никогда я так хорошо не ел, как во время моей поездки в Россию”»²⁸. Кто-то из западных деятелей руководствовался политическими интересами, кто-то – своими идеалистическими концепциями, кто-то – прямой материальной выгодой.

Корреспондент газеты «Нью-Йорк таймс» У. Дюранти даже получил в 1932 г. Пулицеровскую премию за серию восторженных репортажей о жизни в СССР. Одна из статей 1933 г. называлась «Русские голодают, но не умирают от голода». Почему он отказался от правды? «“Любые отчеты о голоде в СССР являются простым преувеличением или злой пропагандой. Никакого голода нет, и никто не умирает от истощения”, – писал журналист вскоре после получения знаменитой премии. <...> Сталин знал, что со временем заполучит Дюранти, если обеспечит ему настолько высокое качество жизни в Москве, что тот полностью потеряет интерес к трагедиям остальной части страны. Ему была предоставлена прекрасная квартира и роскошный автомобиль с шофером для поездок к русской любовнице. Он получил доступ к государственной информации (той, которую Сталин хотел распространить) и даже смог дважды взять интервью у Сталина, что являлось огромной привилегией»²⁹.

Можно ли было действительно не видеть того, что происходило в стране, и искренне верить сталинской пропаганде? Конечно, сегодня это риторический вопрос, но, судя по свидетельствам современников, о голоде знали все. Академик Д. С. Лихачёв вспоминает: «О голоде на селе мы знали по рынкам. Крестьянки (все только женщины) с цеплявшимися за их платья детьми продавали на рынках за бесценок шитые полотенца: самое дорогое, “бабушкино”, что смогли захватить с собой, убегая от коллективизации. Беженки! Я знал, что такое беженцы, по Первой мировой войне и по гражданской. Но это было несравнимо. О тех заботились... Беженцы из деревень с детьми ночевали зимой 1933 г. на лестницах домов. Вскоре дворникам было велено их не пускать, но они приходили поздно, а утром, идя на работу, любой мог обнаруживать следы их ночевки; я видел, что кто-то живет на верхнем этаже лестницы, где была наша квартира. Большое окно, большая площадка, на ней ночевало несколько семей с детьми» [11, с. 268–269].

²⁵Голодомор: история и мифы. Дискуссия историков // Родина. 2007. № 9 [Электронный ресурс]. URL: <http://tverdyi-znak.livejournal.com/14982.html> (дата обращения: 02.02.2021).

²⁶Голод 1932–1933 гг.: «геноцид украинского народа» или общая трагедия народов СССР? [Электронный ресурс]. URL: <http://www.hist.msu.ru/Labs/UkrBel/obrukr-golod.htm> (дата обращения: 02.02.2021).

²⁷Голодомор – политическое оружие Сталина [Электронный ресурс]. URL: <http://inosmi.ru/social/20180403/241879359.html> (дата обращения: 02.02.2021).

²⁸Израэль В. Почему «Нью-Йорк таймс» скрывала ужасающие преступления Сталина в 1930-е годы? [Электронный ресурс]. URL: <http://inosmi.ru/social/20190217/244589837.html> (дата обращения: 02.02.2021).

²⁹Там же.

Конечно, были западные писатели, политики, журналисты, которые совершенно по-другому оценивали советскую реальность. Зарубежные журналисты первыми сообщили о голоде 1932–1933 гг. Англичанин М. Магеридж в марте 1933 г. в статьях о поездке по Украине и Северному Кавказу в газете «Манчестер гардиан» показал массовую гибель крестьян, но не привел конкретных данных. Первые количественные оценки погибших от голода появились в августе 1933 г. Газета «Нью-Йорк геральд трибюн» опубликовала материал Р. Барнса, в котором говорилось об 1 млн смертей от голода. Иностранные журналисты не владели статистической информацией, но пытались донести до своих стран, что в СССР творится что-то страшное [12, с. 137].

Корреспондент газет «Манчестер гардиан» и «Нью-Йорк ивнинг пост» Г. Джонс писал: «Я ходил по деревням и колхозам. Везде я слышал один и тот же крик: “Нет хлеба! Мы умираем!”»³⁰. В 2015 г. в Национальном музее голодомора-геноцида в Киеве открылась выставка «Люди правды». «Экспозиция посвящена тем, кто не боялся рассказывать правду об ужасном преступлении сталинизма». <...> Советник главы Администрации Президента Украины Н. Попович сообщила, что в ближайшее время планируется основать премию имени Гарета Джонса. “Этот британский журналист был одним из первых западных корреспондентов, который начал рассказывать правду о голодоморе”³¹.

А. Ассман, анализируя состояние мемориальной культуры в постсоветских и посткоммунистических государствах, отмечала, что «...государства, получившие независимость после крушения Восточного блока, основывали свою идентичность... преимущественно на роли жертвы, сделав травматическую историю сталинских репрессий и советской оккупации коллективной опорой отношения к прошлому. <...> При этом жертвенные нарративы обычно отнюдь не фиктивны; они основаны на реальном историческом опыте и глубоких долговременных травмах» [13, с. 159]. На этот аспект обращал внимание и Г. В. Касьянов. «Миф о многострадальности той или иной нации является общим практически для всех историографий периода “национальных возрождений” не только в Европе, но и во всем мире (собственно, он является необходимой частью сценария “национального возрождения”). На постсо-

ветском пространстве он пользуется особой популярностью» [4, с. 266].

В отличие от всех постсоветских государств российская власть, позиционирующая себя как силу, поднимающую Россию с колен, правопреемницу одновременно и Советского Союза, и Российской империи, хочет видеть в советском прошлом триумфальное шествие, призывает не очернять историю. Сторонниками подобной позиции сегодня выступают многие (большинство?) известные российские историки, публицисты, политологи. Например, Г. О. Павловский пишет: «Сегодня политика памяти в Европе, Америке и Азии превращается в эквивалент идеологических войн прошлого. Проблема с политикой памяти в России состоит в том, что ее нет, и это отсутствие уже стало важным спектрообразующим фактором русской политики. <...> Метод гласности состоял в выкрикивании оскорблений в адрес прошлого. Советскую цивилизацию свели к цепи преступлений, в соучастии с ними уличали ее авторитетов, как покойных, так и любых, кто еще мог возразить»³².

Можно принимать или не принимать концепцию геноцида украинского народа, но, высказав и обосновав свою точку зрения, следует признать право другой стороны на собственную позицию, право на память о миллионах безвинно погибших людей и право на осуждение тех, кто довел этих людей до голодной смерти.

После публикации своего исследования «Красный голод» Э. Эпплбаум пыталась объяснить, что это не антироссийская книга. «Речь в ней идет о преступлениях советского режима. И несмотря на то что Путин считает современную Россию продолжательницей советской империи и полагает, что развал Советского Союза был одной из крупнейших катастроф XX столетия, мне кажется, что эти вещи все же стоит разделять», – заявила автор на презентации своей книги, состоявшейся в рамках дней истории в Копенгагене³³.

Тем исследователям, которые изначально не стояли на проукраинской или пророссийской позиции, а стремились объективно разобраться в ситуации 1932–1933 гг., приходится объяснять, что их публикации не являются антироссийскими или антиукраинскими. Но резкой критике они подвергаются с обеих сторон. Так, книга Э. Эпплбаум, представлявшаяся российским пропагандистам

³⁰Цит. по: *Израэль В.* Как корреспондент «Нью-Йорк таймс» скрыл сталинские преступления и получил Пулицеровскую премию [Электронный ресурс]. URL: <http://inosmi.ru/history/20180811/242967784.html> (дата обращения: 02.02.2021).

³¹В Национальном музее «Мемориал жертвам голодомора» открылась выставка «Люди правды» [Электронный ресурс]. URL: <http://gordonua.com/news/culture/v-nacionalnom-muzee-memorial-zhertv-golodomora-otkrylas-vystavka-lyudi-pravdy-108043.html> (дата обращения: 02.02.2021). Напомним, что фильм «Гарет Джонс» польского режиссера А. Холланд в 2019 г. был номинирован на премию «Золотой медведь» на 69-м Берлинском международном кинофестивале.

³²Павловский Г. Плохо с памятью – плохо с политикой [Электронный ресурс]. URL: <http://www.russ.ru/layout/set/print/pole/Ploho-s-pamyat-yu-ploho-s-politikoj> (дата обращения: 02.02.2021).

³³Голодомор – политическое оружие Сталина [Электронный ресурс]. URL: <http://inosmi.ru/social/20180403/241879359.html> (дата обращения: 02.02.2021).

антироссийской, показалась антиукраинской некоторым украинским специалистам. Например, В. И. Марочко писал: «Презентация “Красного голода” на украинском языке развеяла какие-либо сомнения: лауреат Пулицеровской премии отрицает геноцидную составляющую голодомора в Украине, подвергает сомнению его юридическую квалификацию согласно положениям конвенции 1948 г., сознательно занижает общее количество жертв искусственного голода. <...> Под влиянием советчиков автор становится на позицию признания факта общесоюзного голода. Он является историографической схемой, даже идеологемой, которыми пользуются российские и отдельные украинские историки для нивелирования геноцидной составляющей и национальной особенности причин, обстоятельств и последствий голодомора в Украине»³⁴.

Когда А. Грациози сформулировал концепцию, согласно которой общесоюзный голод 1931–1933 гг. с определенного момента превратился в Украине и на Северном Кавказе в голодомор [14], то столкнулся с непониманием как с украинской, так и с российской стороны. Итальянский историк считал, что «...сегодня мы обладаем запасом сведений, позволяющим предложить новую, более удовлетворительную интерпретативную гипотезу, которая учитывала бы и общесоветский контекст, и значение национального вопроса. Ее можно построить на основе превосходных работ, опубликованных в последние годы украинскими, русскими и западными историками, и тем самым разрушить ту стену, которая до сих пор в той или иной степени разделяет этих исследователей. <...> Надеюсь, что моя гипотеза поможет не только лучше понять сам феномен “великого голода” (общее название всех эпизодов 1931–1933 годов, связанных с массовым голодом), но и вызовет дискуссию, благодаря которой рухнет та по-прежнему высокая и прочная стена, которая до сих пор отделяет исследователей голода от историков европейского XX столетия – столетия, которое просто невозможно ни понять, ни оценить, если не признать голод на Украине неотъемлемой частью его истории» [6].

Лишь немногие исследователи, в частности О. В. Хлевнюк, согласились с такой позицией. «Многочисленные документы подтверждают точку зрения А. Грациози о коренном изменении сталинской политики в конце 1932 г. Начавшись как нежелательное и в этом смысле “случайное” (хотя и вполне предсказуемое) следствие сталинской политики коллективизации, голод приобрел особую

остроту в результате дополнительных действий (бездействия) властей в конце 1932 – начале 1933 г. Дискуссионным остается вопрос о причинах этих вполне осознанных действий Сталина» [3, с. 140].

Оценки большинства российских и украинских специалистов были значительно более резкими. По мнению В. И. Марочко, аргументация А. Грациози представляется очень неожиданной. «Он признает антиукраинской политику Сталина, фактически доказывает его персональную ответственность за причастность к созданию голодомора, признает 20–30 % потерь этнического украинского населения, цитирует положения конвенции, но выражает сомнение в отношении геноцида, правда, со знаком условности: “Был украинский голод геноцидом? Очевидно, следует ответить “нет”, если принять тезис, что целью скрываемого режимом (или Россией, что, впрочем, выглядит неправдоподобно) голода было уничтожить украинский народ”» [7, с. 195].

Была ли у голода 1932–1933 гг. «украинская специфика»? На наш взгляд, отрицать это невозможно и бессмысленно. Точно так же как специфику Кубани, Северного Кавказа, Казахстана и других регионов СССР. Точно так же как признание голода общесоюзной трагедией. Украинский историк Ю. И. Шаповал сформулировал подобный подход следующим образом: «...антиукраинская направленность действий сталинского режима все-таки имела место. Не видеть это – значит выпрямлять голодную ситуацию начала 1930-х. Видеть и понимать это – не означает игнорировать ситуацию, которая тогда сложилась в Казахстане или в российских областях»³⁵.

Сформулированная позиция украинского историка не противоречит подходу российского исследователя В. В. Кондрашина. «Внимательное изучение источников указывает на единый в своей основе механизм создания голодной ситуации в зерновых районах страны. Повсюду – это насильственная коллективизация, принудительные хлебозаготовки и госпоставки других сельскохозяйственных продуктов, раскулачивание, подавление крестьянского сопротивления, разрушение традиционной системы выживания крестьян в условиях голода (ликвидация кулака, борьба с нищенством, стихийной миграцией и т. д.). Самое главное, что шел процесс одновременного вхождения коллективизированных регионов СССР в голод»³⁶. В такой историографической ситуации, когда базовые оценки ученых практически совпадают, можно было ожидать сотрудничества академического сообщества. Однако этого не произошло.

³⁴Марочко В. Голодомор-геноцид: отрицание пулицеровскими лауреатами [Электронный ресурс]. URL: <http://zn.ua/article/print/HISTORY/golodomor-genocid-otricanie-pulitzerovskimi-laureatami-287384.html> (дата обращения: 02.02.2021).

³⁵Голод по-большевистски: организаторы и вдохновители // Родина. 2007. № 9 [Электронный ресурс]. URL: <http://tverdyi-znak.livejournal.com/14412.html> (дата обращения: 02.02.2021).

³⁶Там же.

Заключение

Дискуссия российской и украинской сторон сегодня превратилась в выстраивание схемы реверсивной истории, основанной на проекции настоящего положения дел в прошлое. О. В. Хлевнюк совершенно справедливо, с нашей точки зрения, считает, что, кроме политических факторов, важной причиной нерешенности многих аспектов истории голода 1932–1933 гг. «...является полное закрытие ряда существенных архивных фондов, прежде всего тематических папок политбюро в Архиве Президента Российской Федерации. Только обнародование этих документов во всей их полноте, исследование потоков информации о голоде, поступавшей руководству страны, а также его реакции на эту информацию

могут поставить точку в явно затянувшейся и все более запутанной дискуссии» [3, с. 153]. Такую же точку зрения высказывает и польский историк Т. А. Ольшанский: «...пока московские архивы будут закрыты, ответов на все вопросы, и, главное, были ли голодомор результатом преступного решения, мы знать не будем»³⁷. В силу закрытости российских архивов найти принципиально новые свидетельства не представляется возможным и историки прибегают к официальной государственной аргументации. Обыгрывая название известного голливудского блокбастера, мы можем говорить о том, что «голодные игры» стали реальностью в современной политике памяти постсоветских государств.

Библиографические ссылки

1. Левчук НМ, Борjak ТГ, Воловина О, Рудницький ОП, Ковбасюк АБ. Втрати міського й сільського населення України внаслідок голодомору в 1932–1934 рр.: нові оцінки. *Український історичний журнал*. 2015;4:84–112.
2. Данилов В, Маннинг Р, Виола Л, редакторы. *Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. Документы и материалы. Том 3. Конец 1930–1933*. Москва: РОССПЭН; 2001. 1008 с.
3. Хлевнюк ОВ. *Хозяин. Сталин и утверждение сталинской диктатуры*. Москва: РОССПЭН; 2010. 479 с. (История сталинизма).
4. Касьянов Г. Разрытая могила: голод 1932–1933 годов в украинской историографии, политике и массовом сознании. *Ab Imperio*. 2004;3:237–269.
5. Мерль Ш. Голод 1932–1933 годов – геноцид украинцев для осуществления политики русификации? *Отечественная история*. 1995;1:49–61.
6. Грациози А. Советский голод и украинский голодомор. *Отечественные записки* [Интернет]. 2007 [процитировано 2 февраля 2021 г.];1(34). Доступно по: www.strana-oz.ru/2007/1/sovetskiy-golod-i-ukrainskiy-golodomor.
7. Марочко ВІ. Сучасна зарубіжна історіографія голоду 1932–1933 рр. в Україні. *Український історичний журнал*. 2006;3:186–199.
8. Меньковский ВІ. Рецензия на: Stanislav Kulchytsky. The Famine of 1932–1933 in Ukraine. An Anatomy of Holodomor. Edmonton and Toronto: Canadian Institute of Ukrainian Studies Press, 2018. *Ab Imperio*. 2019;4:219–224.
9. Кульчицький СВ. До оцінки становища в сільському господарстві УСРР у 1931–1933 рр. *Український історичний журнал*. 1988;3:15–27.
10. Veber V. *Rudý car. Stalin v čele Sovětského svazu v letech 1924–1953*. Praha: Stanislav Juhaňák – Triton; 2016. 192 s.
11. Лихачёв ДС. *Воспоминания*. Санкт-Петербург: Logos; 1995. 519 с.
12. Ісакова НІ. Історіографія проблеми голодомору 1932–1933 рр. в українській та зарубіжній літературі. *Сторінки історії*. 2012;33:135–146.
13. Ассман А. *Новое недовольство мемориальной культурой*. Москва: Новое литературное обозрение; 2016. 232 с. (Библиотека журнала «Неприкосновенный запас»).
14. Грациози А. *Великая крестьянская война в СССР. Большевики и крестьяне. 1917–1933*. Москва: РОССПЭН; 2008. 136 с. (История сталинизма).

References

1. Levchuk NM, Borjak TG, Volovyna O, Rudnyckiy OP, Kovbasjuk AB. [Losses of urban and rural population of Ukraine as a result of the Holodomor in 1932–1934: new estimates]. *Ukrainian's history journal*. 2015;4:84–112. Ukrainian.
2. Danilov V, Manning R, Viola L, editors. *Tragediya sovetskoy derevni. Kollektivizatsiya i raskulachivanie. Dokumenty i materialy. Tom 3. Konec 1930–1933* [The tragedy of the Soviet village. Collectivisation and dispossession. Documents and materials. Volume 3. End of 1930–1933]. Moscow: ROSSPEN; 2001. 1008 p. Russian.
3. Khlevnyuk OV. *Khozyain. Stalin i utverzhdenie stalinskoi diktatury* [Master of house. Stalin and the establishment of the Stalinist dictatorship]. Moscow: ROSSPEN; 2010. 479 p. (Istoriya stalinizma). Russian.
4. Kasianov G. The open grave: the 1932–1933 famine in Ukrainian historiography, politics, and mass consciousness. *Ab Imperio*. 2004;3:237–269. Russian.
5. Merl' Sh. [Famine of 1932–1933 – genocide of Ukrainians for the implementation of the policy of Russification?]. *Otechestvennaya istoriya*. 1995;1:49–61. Russian.
6. Gratsiozi A. [Soviet famine and Ukrainian Holodomor]. *Otechestvennye zapiski*. [Internet]. 2007 [cited 2021 February 2];1(34). Available from: www.strana-oz.ru/2007/1/sovetskiy-golod-i-ukrainskiy-golodomor. Russian.

³⁷ Ольшанский Т. 80 лет назад: как голод убивал Украину [Электронный ресурс]. URL: <http://inosmi.ru/world/20140126/216866555.html> (дата обращения: 02.02.2021).

7. Marochko VI. [Contemporary foreign historiography of the famine of 1932–1933 in Ukraine]. *Ukrai'ns'kyj istorychnyj zhurnal*. 2006;3:186–199. Ukrainian.
8. Menkouski VI. Review of: Stanislav Kulchytsky. The Famine of 1932–1933 in Ukraine. An Anatomy of Holodomor. Edmonton and Toronto: Canadian Institute of Ukrainian Studies Press, 2018. *Ab Imperio*. 2019;4:219–224. Russian.
9. Kul'chits'kii SV. [To assess the situation in agriculture of the USSR in 1931–1933]. *Ukrai'ns'kij istorichnij zhurnal*. 1988;3:15–27. Ukrainian.
10. Veber V. *Rudý car. Stalin v čele Sovětského svazu v letech 1924–1953* [Red Tsar. Stalin led the Soviet Union in 1924–1953]. Praha: Stanislav Juhaňák – Triton; 2016. 192 s.
11. Likhachev DS. *Vospominaniya* [Memories]. Saint Petersburg: Logos; 1995. 519 p. Russian.
12. Isakova NP. [Historiography of the Holodomor problem of 1932–1933 in Ukrainian and foreign literature]. *Storinky istorii*. 2012;33:135–146. Ukrainian.
13. Assman A. *Novoe nedovol'stvo memorial'noi kul'turoi* [New dissatisfaction with memorial culture]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie; 2016. 232 p. (Biblioteka zhurnala «Neprikosnovennyi zapas»). Russian.
14. Graciozi A. *Velikaya krest'yanskaya voina v SSSR. Bol'sheviki i krest'yane. 1917–1933* [The Great Peasant War in the USSR. Bolsheviks and peasants. 1917–1933]. Moscow: ROSSPEN; 2008. 136 p. (Istoriya stalinizma). Russian.

Статья поступила в редколлегию 08.02.2021.
Received by editorial board 08.02.2021.

УДК 94(476)«19»+322(476)(091)«19»

ВМЕШАТЕЛЬСТВО ОРГАНОВ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ В ДЕЛА РЕЛИГИОЗНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ В 1917–1928 гг. (НА ПРИМЕРЕ ПРАВОСЛАВИЯ И ПРОТЕСТАНТИЗМА)

И. И. ЯНУШЕВИЧ¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

На примере православной и протестантских церквей рассмотрен процесс вмешательства органов государственной власти во внутренние дела религиозных организаций в 1917–1928 гг. Проанализированы механизмы воздействия на верующих, клир и руководство этих структур. Определено, что основное давление оказывалось в целях получения поддержки, в том числе публичной, всех государственных решений, касающихся внутренней и внешней политики. Установлено, что уменьшить количество прихожан канонической Русской православной церкви власти планировали посредством предоставления преференций иным конфессиям и религиозным течениям, а также дробления церкви путем инспирирования расколов. Изучена попытка передачи управления Русской православной церковью группе духовенства, сформированной государственными органами, неканоническим путем.

Ключевые слова: Русская православная церковь; сектантские организации; коммунистическая партия; обновление.

УМЯШАННЕ ОРГАНАЎ Дзяржаўнай УЛАДЫ Ў СПРАВЫ РЭЛІГІЙНЫХ АРГАНІЗАЦЫЙ У 1917–1928 гг. (НА ПРЫКЛАДЗЕ ПРАВАСЛАЎЯ І ПРАТЭСТАНТЫЗМУ)

І. І. ЯНУШЭВІЧ^{1*}

^{1*}Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, пр. Незалежнасці, 4, 220030, г. Мінск, Беларусь

На прыкладзе праваслаўнай і пратэстанцкіх цэркваў разгледжаны працэс умяшання органаў дзяржаўнай улады ва ўнутраныя справы рэлігійных арганізацый у 1917–1928 гг. Прааналізаваны механізмы ўздзеяння на вернікаў, клір і кіраўніцтва гэтых структур. Вызначана, што асноўны ціск аказваўся з мэтай атрымання падтрымкі, у тым ліку публічнай, дзяржаўных рашэнняў, звязаных з унутранай і знешняй палітыкай. Устаноўлена, што паменшыць колькасць вернікаў кананічнай Рускай праваслаўнай царквы ўлады планавалі з дапамогай прадастаўлення прэферэнцый іншым канфесіям і рэлігійным плыням, а таксама драбнення царквы шляхам інспіравання расколаў. Вывучана спроба перадачы кіравання Рускай праваслаўнай царквой групе духавенства, сфарміраванай дзяржаўнымі органамі, некананічным шляхам.

Ключавыя словы: Руская праваслаўная царква; сектанцкія арганізацыі; камуністычная партыя; абнаўленцтва.

Образец цитирования:

Янушевич ИИ. Вмешательство органов государственной власти в дела религиозных организаций в 1917–1928 гг. (на примере православия и протестантизма). Журнал Белорусского государственного университета. История. 2021;4:21–30.
<https://doi.org/10.33581/2520-6338-2021-4-21-30>

For citation:

Yanushevich II. Interference of state authorities in the internal affairs of religious organisations in 1917–1928 (on the example of Orthodoxy and Protestantism). Journal of the Belarusian State University. History. 2021;4:21–30.
<https://doi.org/10.33581/2520-6338-2021-4-21-30>

Автор:

Иван Иванович Янушевич – кандидат исторических наук, доцент; проректор по воспитательной работе и социальным вопросам.

Author:

Ivan I. Yanushevich, PhD (history), docent; vice-rector for social and educational work.
yanush@bsu.by

INTERFERENCE OF STATE AUTHORITIES IN THE INTERNAL AFFAIRS OF RELIGIOUS ORGANISATIONS IN 1917–1928 (ON THE EXAMPLE OF ORTHODOXY AND PROTESTANTISM)

I. I. YANUSHEVICH^a

^aBelarusian State University, 4 Niezaliežnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

Using the example of the Orthodox and Protestant churches, the process of interference by state authorities in the internal affairs of religious organisations in 1917–1928 is considered. The mechanisms of influence on believers, clergy and the leadership of these structures are analysed. It is determined that the main pressure was exerted to obtain, including public, support for all decisions of state bodies concerning domestic and foreign policy. It is established that the authorities planned to reduce the number of parishioners of the canonical Russian Orthodox Church by granting preferences to other confessions and religious movements, as well as its fragmentation by inspiring schisms. An attempt to transfer the management of the Orthodox Church formed by state bodies in a group of clergy in a non-canonical way has been studied.

Keywords: Russian Orthodox Church; sectarian organisations; communist party; renovationism.

Коренные изменения в Российской империи в 1917 г. установили власть политических сил новой формации, остро нуждавшихся в обосновании закономерности своего появления. Программные документы РСДРП требовали ликвидации религии и Церкви, однако уже в первые годы стало ясно, что быстро осуществить это невозможно и для поступательного уничтожения религиозных организаций необходимо задействовать и негласные формы работы.

В советской историографии вопрос не мог быть рассмотрен. И партийная пропаганда, и историки, и религиоведы однозначно указывали на невмешательство Советского государства в дела религиозных организаций, что и было закреплено в действующих нормативных актах. Проводимую властями политику исследователи оценивали исключительно на основании ленинских принципов, а внутрицерковные процессы трактовали как приспособленчество старорежимных сил к социалистической действительности и конкуренцию культов за своих последователей [1–3]. Следует отметить, что, кроме идеологических рамок, ученые сталкивались со значительными ограничениями по использованию архивных источников. Только доступ к материалам дел непосредственных исполнителей государственной политики по отношению к религии и Церкви и опубликование этих данных в сборниках документов [4–6] позволили определить степень влияния официальных органов на внутрицерковные вопросы [7–8]. Особенно значимо было влияние властей при организации и насаждении расколов в Русской православной церкви (РПЦ) посредством поддержки и курирования центробежных сил [9–10]. Формируемая в СССР политическая система не допускала возможности существования реальных оппозиционных сил. В полной мере это касалось религиозных организаций, руководство и клир ко-

торых должны были не только не допускать каких-либо антигосударственных действий, но и публично оказывать поддержку социально-экономическим преобразованиям. В то же время исполнение пастьерского долга требовало обеспечить верующим возможность полноценного исповедования своей религии¹ [11–13].

Молодое советское правительство уже в 1917–1918 гг. заявило о полном отделении Церкви от государства и школы от Церкви. Власти определили органы, на которые была возложена функция контроля за соблюдением религиозными структурами соответствующего законодательства². Государство, провозгласившее своей целью построение безрелигиозного общества, допускало временное существование церковных структур при полном их подчинении интересам уполномоченных органов: ВЧК (ОГПУ), коммунистической партии, исполнительной вертикали. В 1920-х гг. церковный вопрос достаточно остро стоял на повестке дня, в том числе в рамках внутривластной борьбы и привлечения сторонников из региональных партийных организаций. Это касалось главным образом резких пропагандистских кампаний, которые вызывали массовое возмущение граждан, ликвидации монастырей и храмов, арестов священнослужителей. Информация о проведении мероприятий негласного характера была известна очень ограниченному кругу лиц даже в высших эшелонах власти [7, с. 362].

Стратегической задачей ответственных за церковный вопрос лиц было формирование в государстве нового конфессионального поля. Необходимо было создать ситуацию, при которой ни одна из религиозных организаций не сможет образовать протестное движение, критичное для власти. В конце 1910-х гг. в европейской части бывшей Российской империи это касалось РПЦ. Начиная

¹Никольская Т. К. Русский протестантизм и государственная власть в 1905–1991 гг. : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02. СПб., 2003. 27 с.

²Гос. арх. Рос. Федерации (ГАРФ). Ф. 393. Оп. 27. Д. 1387. Л. 1–12.

с ноября 1917 г. высшее партийное военное руководство стало реализовывать мероприятия по разрушению РПЦ как единого административного и духовного института. Для этого необходимо было ликвидировать экономический потенциал, организационно-управленческую структуру Церкви, физически уничтожить часть клира и активных прихожан. Способствовать этому должны были отпадение от Церкви колеблющихся прихожан, создание условий для перехода православных в иные культы, а в дальнейшем – инспирирование отделения от канонической структуры всякого рода ответвлений. В программных документах РСДРП, теоретических выкладках К. Маркса, Ф. Энгельса и В. И. Ленина массовое распространение материалистического мировоззрения указывалось как приоритетная задача антирелигиозной работы [2, с. 14, 19, 27, 74]. С практической точки зрения руководство приняло стратегически верную тактику отрыва верующих от православия различными способами. Стоит отметить, что сил и средств на организацию действенной антирелигиозной пропаганды в 1920-х гг. в государстве не оказалось³. Исследователи и компетентные органы фиксировали религиозность среди населения на уровне 80–90 % в 1928–1929 гг.⁴ По мнению руководства партии, достаточный уровень функционирования системы антирелигиозной агитационно-пропагандистской работы, начавшейся в 1922–1923 гг., в рассматриваемый период достигнут не был⁵. Стимулирование принятия православными иных вероисповедований, в том числе оккультно-мистических, в конце 1910-х – начале 1920-х гг. было вынужденной мерой. По классификации Бонч-Бруевича секты, закрепившиеся и получившие развитие в Советском государстве, подразделялись на свободомыслящих и евангеликов [3, с. 161–164]. Только некоторые из них действовали на основании устоявшейся культовой практики и религиозного учения [3, с. 164–165]. Идентифицировать секты могли только специалисты. Перед реализующими антирелигиозную политику службами стояла достаточно сложная задача. С одной стороны, власти широко декларировали демократичность советского законодательства в области обеспечения подлинной свободы совести, равенства культов перед законом. Вместе с тем партийная пропаганда однозначно указывала на несовместимость советского строя с религией и Церковью [8, с. 7, 12, 74]. С другой стороны, РПЦ обладала колоссальным потенциалом по организации противостояния нововведениям большевиков, и с этим надо было что-то делать. Массового отхода верующих от Церкви в 1917–1919 гг. не произошло [12, с. 51].

Законными и легальными способами бороться с РПЦ было нерационально. Даже в более благоприятных в данном отношении 1930-х гг. это являлось очевидным. По организационному потенциалу вероучительной практики наибольшие перспективы прирастания новыми членами были у протестантских структур, которые наравне со всеми нехарактерными для Российской империи культами относились в исследуемый период к сектантству [3, с. 3–5]. Еще на II съезде РСДРП В. И. Ленин указывал на то, что сектантство – одно из демократических движений в России, которое может стать базой для распространения социал-демократии⁶. Сразу после Октябрьской революции ведущие протестантские организации выступили резко против мер, реализуемых большевиками, однако достаточно быстро лидеры сектантов изменили мнение и не исключали «союза с социалистами» в борьбе «за свободу веры Христовой» [7, с. 359–360; 10, с. 13]. Религиозные организации, да еще и имеющие свои духовные центры за рубежом, не могли относиться одобряюще к марксизму, а тем более к его экспериментальному внедрению на практике в крайне воинственных формах в 1917–1918 гг. Между тем сектанты осознавали узость своей социальной базы и оценивали возможности воздействия на нее ВЧК и регулярной армии. В то же время перспектива сотрудничества с новой властью или демонстрация лояльности сулили значительные дивиденды. До 1929 г. интересы протестантских организаций и структур, реализующих государственную политику по отношению к религии и Церкви, во многом совпадали.

Среди причин перехода православных организаций в протестантские следует выделить две основные. Первая причина имела мировоззренческую основу. Человек в поиске ответов на сокровенные вопросы обращался к тому или иному протестантскому учению [13, с. 384–388]. Вторая причина была связана с меркантильными интересами православных, что значительно настораживало пастырей протестантских церквей во второй половине 1920-х гг. [7, с. 364–365]. Массовый террор и категорические заявления большевистских лидеров о враждебности всех и всего, связанного с бывшим режимом, заставляли людей дистанцироваться от особо опасных в этом отношении общественно-политических институтов и персон. РПЦ была одним из проявлений бывшего режима. Безусловными преимуществами, которые могли дать человеку власть перед человеком, выступали его безопасность, жизнь и возможность социализироваться в советском обществе. Долгая Первая мировая война, дальнейшие боевые действия сделали возможность не служить в армии

³Нац. арх. Респ. Беларусь (НАРБ). Ф. 4п. Оп. 1. Д. 3508. Л. 1.

⁴Рос. гос. арх. соц.-полит. истории (РГАСПИ). Ф. 89. Оп. 4. Д. 125. Л. 2.

⁵ГАРФ. Ф. 5263. Оп. 2. Д. 7. Л. 1–2.

⁶Ленин В. И. Полное собрание сочинений. 5-е изд. Т. 6. Январь – август. 1902. М. : Госполитиздат, 1963. С. 431.

недостижимой мечтой потенциальных призывников и их родственников. Декрет СНК РСФСР «Об освобождении от воинской повинности по религиозным убеждениям» от 4 января 1919 г. упорядочил принимаемые с весны 1918 г. меры по предоставлению подобной привилегии отдельным категориям граждан⁷. Несомненно, это имело важное значение для привлечения adeptов в сектантские организации⁸. Декрет советской власти давал на это право, а первым признаком того, что человек не может по религиозным убеждениям держать в руках оружие, тем более убивать других людей, была принадлежность к соответствующему культу. С учетом того что приверженцы большинства сектантских групп до 1917 г. служили в царской армии и не высказывали по этому поводу категорических суждений, это был политический жест, а не гуманистический порыв со стороны Л. Д. Троцкого и В. И. Ленина [6, с. 400, 413]. Такая возможность избежать сложного, а часто и смертельно опасного периода в своей жизни вынуждала многих воспользоваться случаем и перейти в соответствующее религиозное течение⁹. Причем это никак не было связано с их религиозными убеждениями¹⁰. Подобная поправка ограничивалась множеством бюрократических процедур, подводивших некоторых призывников под уголовную статью как отказников¹¹. Окончательное решение принимали уполномоченные органы и ВЧК (ОГПУ), но, по мнению ответственных антирелигиозников и клириков, это стимулировало переход православных (возможно, и атеистов) в секты¹². Прельщались такой возможностью и православные клирики¹³.

Подобная поддержка религиозных организаций властью могла осуществляться только на взаимовыгодной основе с безусловным приоритетом интересов государственных структур. Задача ослабления РПЦ была значимой, но и создавать новые религиозные структуры, не согласовывающие свои действия с компетентными органами, было нерационально¹⁴. Первоначально хаотичный процесс распространения новых религиозных направлений с 1923 г., особенно после совещания идеологических работников в Москве в 1926 г., начал активно изучаться и в значительной степени регулироваться в сторону ограничительных мер¹⁵. Другое дело, что спрогнозировать развитие ситуации с неизвестны-

ми ранее религиозными организациями в условиях начала 1920-х гг. не представлялось возможным¹⁶. Практически отсутствовали серьезные научные труды на эту тему, анализ ситуации основывался на вероучении культов и декларациях их руководства, а не на объективных данных. Политический аспект превалировал над научной объективностью [7, с. 47, 53; 10, с. 47, 61]. Властям к 1922 г. нужны были не активно занимающиеся прозелитизмом сектантские группы, а пассивные исполнители решений как в области политики, так и в области социально-экономических нововведений¹⁷. В 1922–1923 гг. государственная политика по отношению к сектантским деноминациям проводилась в следующих направлениях: полный контроль над руководящими органами религиозных организаций, стимулирование разделов и объединений внутри различных направлений.

Религиозные лидеры были интересны Антирелигиозной комиссии (АРК) при ЦК ВКП(б) по двум главным причинам. Во-первых, они имели связь с внешним миром. Духовные и финансовые центры основных протестантских организаций находились на Западе. Их влияние на мировую политику и экономику было определяющим. Советы стремились к международному признанию. Народное хозяйство остро нуждалось в концессиях и технологиях. В этом плане протестантские организации на определенный период получили своеобразную охранную грамоту. Однако за это необходимо было не только нацеливать братьев по вере на сотрудничество с хозяйствующими субъектами в СССР, но и демонстрировать на международном уровне демократичность советской политики по отношению к религии и Церкви, отсутствие ограничений по вероисповедному признаку [4, с. 88; 6, с. 427]. В зависимости от поведения руководства того или иного культа власти давали возможность его последователям общаться с единоверцами из-за рубежа, получать оттуда печатную продукцию и финансовые средства [4, с. 56; 6, с. 425]. Во-вторых, лидеры религиозных организаций демонстрировали лояльность по отношению к советской власти [6, с. 427]. Они должны были обеспечить по крайней мере нейтральное отношение к мероприятиям официальных органов у простых верующих в знак благодарности за возможность полноценно исповедовать свою веру [4, с. 59, 68, 88, 97].

⁷ГАРФ. Ф. А353. Оп. 8. Д. 8. Л. 69–70.

⁸НАРБ. Ф. 4п. Оп. 1. Д. 658. Л. 22.

⁹Там же. Д. 2325. Л. 22.

¹⁰Там же. Д. 1103. Л. 152об.

¹¹ГАРФ. Ф. А353. Оп. 8. Д. 8. Л. 70, 72.

¹²НАРБ. Ф. 4п. Оп. 1. Д. 2429. Л. 9–10об.

¹³Там же. Л. 10об.

¹⁴РГАСПИ. Ф. 89. Оп. 4. Д. 56. Л. 13.

¹⁵НАРБ. Ф. 4п. Оп. 1. Д. 3508. Л. 14–15, 25–26 ; Там же. Д. 2429. Л. 5–10об., 63–64об.

¹⁶Гос. арх. обществ. об-ний Гомел. обл. Ф. 2. Оп. 1. Д. 338. Л. 53–53об.

¹⁷НАРБ. Ф. 4п. Оп. 1. Д. 2429. Л. 40–41.

Следует отметить, что доктринальные основы деятельности протестантских церквей требовали лояльности к властям в стране проживания, в то же время в Советском государстве протестантские организации, по сравнению с жесточайше гонимой РПЦ, были притесняемы в меньшей степени¹⁸. В 1920-х гг. они могли проводить свои съезды, с определенными ограничениями издавать и получать из-за рубежа печатную продукцию, однако, как и все не скрывающие своего положительного отношения к религии граждане, были отнесены к категории неблагонадежных [13, с. 221–222, 384–387]. Большевики не собирались поддерживать формирование мощных религиозных новообразований и популяризировать их идеи, хотя и такие мнения иногда проскальзывали¹⁹. Некоторые же новые культы имели такие темпы роста и такую степень влияния на население, особенно на молодежь, что угрожали уже не только традиционным конфессиям, но и органам государственного управления, партийным и комсомольским структурам [6, с. 425; 8, с. 54–62]. Перед антирелигиозниками стояла задача не допустить подобной степени влияния сектантов на население, но при этом сохранить внешне терпимое отношение к гонимым царским режимом культам в 1920-х гг.²⁰ Особая тонкость работы компетентных органов состояла в том, чтобы все нужные для властей, но не популярные среди сектантов решения принимали сами единоверцы [6, с. 426]. И здесь были приемлемы все непубличные способы: аресты, угрозы²¹, шантаж, подкуп и т. д. [4, с. 46, 62, 64]. В случае отказа вышестоящего руководства «простимулированные» низшие организации должны были продвигать те или иные согласованные с кураторами из ОГПУ решения. В целях разделения деноминаций на части или объединения лояльных групп для противостояния не идущим на уступки руководящим органам религиозных организаций инспирировались внутрицерковные разногласия [4, с. 428; 6, с. 83].

Между тем взгляды некоторых сектантских направлений на государственное строительство, реальное отношение к правящему режиму, их подчинение духовным центрам и лидерам, находящимся за рубежом, во многом не учитывались²². При этом на официальном уровне лидеры ведущих сектантских организаций всячески старались подчеркнуть свою лояльность по отношению к советской вла-

сти, близость идеалов коммунизма и христианства протестантского толка [10, с. 45–53]. В совместном заявлении евангельских христиан, баптистов, адвентистов, молокан и духоборов, опубликованном в середине 1920-х гг. в советской прессе, указывалось, что «советско-коммунистическое строительство» только выиграет от многочисленности сектантов [10, с. 53, 77]. Ответственные антирелигиозники уже понимали, что количество лишь официально зарегистрированных организаций и их членов становится критическим²³. Только в молодежном сектантском движении было объединено около 2 млн юношей и девушек [10, с. 69]. По оценкам компетентных органов, в Стране Советов могло быть от 18 до 30 млн сектантов²⁴. В Восточной Беларуси за 10–12 лет численность некоторых общин увеличилась в 7–8 раз, хотя были и такие, которые прирастали, скорее всего, за счет увеличения количества членов семей²⁵. Следует отметить, что в высокой доле сектантов были заинтересованы как сторонники жесткого курса по отношению к сектантам и остальным религиозникам в целях ужесточения давления, так и протестантские организации и лидеры, значительно укрепившиеся материально и рассчитывавшие на большие объемы финансирования из-за рубежа²⁶.

С учетом возможностей государственного регулирования вопросов, связанных с миссионерской, организационно-управленческой, административно-хозяйственной деятельностью религиозных организаций, ОГПУ и АРК надеялись получить в большинстве своем лояльное сектантское движение²⁷. Важным был и рычаг давления через разрешение или запрет на общение с единоверцами и духовными центрами за рубежом [6, с. 427]. Тем более от решений АРК зависел и объем возможной финансовой помощи [6, с. 425]. Руководители баптистов и евангельских христиан вынуждены были идти на уступки властям в их оценке общественно-политической ситуации, в том числе по вопросу службы в рядах Красной армии [6, с. 342, 361, 426]. Первоначально компетентные органы сконцентрировали внимание на руководящих органах. Путем сложных манипуляций удалось установить контроль за лидерами основных протестантских направлений, которые проводили политику, не входящую в острые противоречия с официальными структурами.

¹⁸Никольская Т. К. Русский протестантизм и государственная власть в 1905–1991 гг. 27 с.

¹⁹НАРБ. Ф. 4п. Оп. 1. Д. 2429. Л. 40.

²⁰Там же. Д. 3508. Л. 1.

²¹Там же. Д. 1000. Л. 26.

²²РГАСПИ. Ф. 5 Оп. 2. Д. 55. Л. 158–161.

²³Там же. Ф. 17. Оп. 60. Д. 793. Л. 111–117.

²⁴ГАРФ. Ф. Р1235. Оп. 38. Д. 52. Л. 4.

²⁵НАРБ. Ф. 4п. Оп. 1. Д. 2429. 64–64об.

²⁶Дьяченко О. В. Формирование протестантского меньшинства в восточной Беларуси в конце XIX – первой половине XX века // Этнография Белорус. Поднепровья : материалы науч. конф.; 30 нояб. – 1 дек. 1999 г.; Могилёв, Беларусь. Могилёв : МогГУ, 1999. С. 40–50.

²⁷РГАСПИ. Ф. 5 Оп. 2. Д. 55. Л. 161.

Рядовые верующие не всегда были согласны с решениями своих руководителей или не могли понять некоторые их действия²⁸, что стимулировало отделение наиболее радикально настроенных адептов [6, с. 409–413, 427]. Дробление новых культов и стимулирование роста численности сектантов за счет православных привели к увеличению количества людей, не относящих себя к официально зарегистрированным организациям и враждебно настроенных на мероприятия властей. Контролировать и тем более привлекать их на свою сторону было невозможно.

К началу 1930-х гг. подобные образования на территории СССР сформировались в том числе из православных верующих и клира в силу проводимых властями мероприятий по дроблению РПЦ [5, с. 290]. Процесс административного воздействия был запущен еще в начале 1920-х гг.²⁹ Уничтожение православия являлось для антирелигиозников самой сложной задачей. Широкая социальная база, традиции, моральные принципы клириков, особенно высших иерархов, существенно ограничивали возможности воздействия на внутрицерковную жизнь. Тем более что обозначенные Поместным собором РПЦ преобразования значительно модернизировали административно-управленческую структуру организации³⁰. Возвращаемая в лоно РПЦ соборность утверждала коллективное участие и коллективную ответственность и за судьбу прихода, епархии, и за судьбу всей РПЦ. Восстановление патриаршества и избрание патриархом иерарха, неспособного на компромиссы с совестью, значительно усложнили задачу уничтожения православия. Успехи в этом направлении деятельности к началу 1920-х гг. уже имелись. Значительная часть клира или была убита, или покинула страну. Такая же судьба постигла и многих воцерковленных светских лиц [11, с. 133–150]. Практически полностью было отобрано движимое и недвижимое имущество, максимально ограничены возможности получения средств к существованию [7, с. 83–88]. Однако православных в стране насчитывалось десятки миллионов. В основном это были крестьяне, приветствовавшие экспроприацию собственности крупных землевладельцев, но никак не желавшие терять традиционный строй, где религия и церковь были важнейшими составляющими. И пускай для него Иисус Христос, Богородица и Николай Чудотворец были троицей единосущной и нераздельной, но отношение к миру у него было православным. С начала 1920-х гг. православные храмы все активнее начали наполняться верующими. Из казенной православная церковь все больше

превращалась в народную. К своим пастырям население относилось уже с большим доверием, чем до революции, и это не давало возможности продолжать активную репрессивную политику в отношении духовенства. Миряне активно включились в создание церковно-приходских советов и обеспечение функционирования храмов. Хотя и процессы секуляризации общества набирали обороты [1, с. 69–85]. Социально-экономический кризис и попытки проведения НЭПа не позволяли властям полностью игнорировать общественное мнение, а влияние на него РПЦ, особенно в деревне, было значительным. В. И. Ленин совместно с Л. Д. Троцким в начале 1922 г. под предлогом борьбы с голодом в Поволжье инициировали резкую краткосрочную атаку на религиозные организации, главным образом на РПЦ [5, с. 69]. Верующие в большинстве своем догадывались о предназначении кампании по изъятию церковных ценностей³¹. Многие указывали на то, что они уходят не на борьбу с голодом. Однако миллионы людей ждала голодная смерть и им надо было помочь, а открытое сопротивление означало немедленные репрессивные меры. РПЦ активно помогала голодающим, но приоритетной для государственных органов в данном случае была задача нанести по ней наиболее сильный удар [5, с. 88–92]. Переход к НЭПу требовал и отказа от резких антирелигиозных кампаний. Значительный объем работ по борьбе с влиянием РПЦ в 1922 г. перешел в непубличную плоскость и сконцентрировался на дроблении православия. Именно раскол выступал и как трагедия для РПЦ, и как возможность создания подконтрольного властям церковного управления [5, с. 88–92; 6, с. 395–398]. Главный лозунг нового движения должен был мотивировать на отказ от прошлого, его ломку и построение нового будущего в русле социал-демократических идей. В церковном варианте это звучало как обновление, отсюда и название движения – «обновленчество». Работа по данному направлению была сконцентрирована в руках секретного отдела ОГПУ и АРК [4, с. 32–60]. На первоначальном этапе окружение патриарха, иерархов РПЦ, в том числе заявлявших о необходимости дальнейших преобразований согласно решениям Поместного собора РПЦ 1917–1918 гг., к планируемой операции привлечь не удалось [11, с. 218–220, 237]. В 1922 г. необходимо было форсировать события. Проведение НЭПа не могло не отразиться на общественно-политической ситуации в стране. Остро стоял вопрос нормализации отношений с иными государствами, а для этого необходимо было лояльное церковное управление.

²⁸НАРБ. Ф. 4п. Оп. 1. Д. 1103. Л. 151–152.

²⁹РГАСПИ. Ф. 89. Оп. 4. Д. 57. Л. 2.

³⁰ГАРФ. Ф. 3431. Оп. 1. Д. 161. Л. 1–139.

³¹Янушевич И. И. Конфессиональная политика советского государства: уроки истории (1917–1928 гг.). Минск : БГУ, 2005. С. 88–90.

Попытка расчленения РПЦ на отдельные приходы посредством советского законодательства не могла быть реализована в силу православного вероучения. Внешне соглашавшиеся на сотрудничество клирики ссылались на зависимость от решений вышестоящего церковного руководства. Для ликвидации «контрреволюционной верхушки» ОГПУ 21 марта 1922 г. внесло в Политбюро ЦК РКП(б) предложение о необходимости ареста синода и патриарха Тихона, организации их переизбрания и замены руководства на местах «настроенными более лояльно к советской власти» клириками и членами церковно-приходских советов [9, с. 93]. Из числа духовенства чекисты определили группу лиц, считавших для себя возможным подобное взаимодействие с официальными структурами. Один из будущих организаторов обновленческого раскола А. И. Введенский еще в 1919 г. предлагал свои услуги в разработке механизмов взаимоотношений между государством и РПЦ [10, с. 16–17; 11, с. 67]. Как человек образованный, изучавший историю и проживший в Стране Советов к 1922 г. более четырех лет, он, безусловно, отчетливо осознавал, на каких условиях возможно такое сотрудничество. Еще один из лидеров обновленческого движения В. Д. Красницкий в том же 1919 г. активно популяризировал идею сотрудничества РПЦ и атеистической власти на условиях последней³².

На высшем государственном уровне стратегию разрушения и подчинения Церкви всячески продвигал Л. Д. Троцкий, который на заседании политбюро 30 марта 1922 г. предложил следующий план действий: «Спровоцировать церковный раскол, устранить патриарха Тихона и содействовать приходу в высшее церковное управление обновленческих деятелей, тогда можно будет не принимать православную церковь в расчет как фактор политической жизни в России» [5, с. 78]. Накопившиеся экономические и политические противоречия в обществе вынуждали власти действовать менее агрессивно. Помочь найти точки соприкосновения для достижения определенного консенсуса в сложившейся ситуации могла лояльная позиция духовенства. На местах данная работа проводилась, и были желающие использовать текущий момент в корыстных целях [11, с. 185–192]. Различного рода помощь и угрозы обусловили дезориентацию некоторых клириков³³. С апреля 1922 г. в соответствии с распоряжением секретаря ЦК РКП И. В. Сталина в штате парторганов назначался ответственный работник по церковным вопросам, а также по вопросам раскола внутри духовенства: «Лояльные элементы

духовенства должны получить уверенность, что советская власть не позволит контрреволюционным иерархам расправиться над демократическими элементами духовенства»³⁴. Таким образом правящая партия четко указывала на необходимость вмешательства во внутренние дела РПЦ. Для легитимации подобранного ВЧК контингента в качестве руководства РПЦ была развернута целая штабная операция. Государственные органы начали активно помогать обновленцам по трем основным направлениям: легализации высшей церковной власти, отъему богослужебных зданий и иной собственности у сторонников патриарха Тихона, оказанию финансовой и организационной помощи на местах [6, с. 249–250, 331–332, 345, 360, 396–397].

Для легитимации подобранного ВЧК контингента в качестве руководства РПЦ следовало изолировать существующее церковное управление. Патриарх Тихон был помещен под домашний арест как обвиняемый по преступлениям, за которые могла быть применена высшая мера революционной защиты. В целях получения резолюции о передаче церковного управления 12 мая 1922 г. к нему была допущена инициативная обновленческая группа. С учетом неблагоприятных перспектив участия в данном процессе первосвятитель разрешил членам делегации упорядочить патриаршую канцелярию, а своим заместителем на время отсутствия назначить митрополита Ярославского Агафангела [1, с. 88]. Но уже 16 мая 1922 г. обновленцы объявили о переходе к ним управления РПЦ. Митрополит не был допущен в Москву. Создавалось альтернативное Высшее церковное управление (ВЦУ). Учредительное собрание обновленческой организации «Живая церковь» состоялось 29 мая 1922 г. [4, с. 283]. Теперь властям предстояло обеспечить видимость преемственности и легитимности перехода высшей церковной власти к новой модели управления, ликвидировать сопротивление нововведениям иерархов РПЦ, обеспечить поддержку обновленческого движения церковно-приходскими советами и духовенством на местах. Задача АРК первоначально рассматривалась как фактически механическое устранение патриарха Тихона, его «контрреволюционного» окружения и проведение «поместного собора» для избрания новой церковной власти [4, с. 31, 38]. С учетом выдвинутых против патриарха обвинений мера наказания должна была соответствовать текущему моменту и степени «раскаяния» Тихона, его участия в оперативной игре [4, с. 50, 69, 78–81, 83]. Здесь необходимо было учитывать два основных фактора – организационный и пропагандистский. К осени

³²ГАРФ. Ф. А353. Оп. 3. Д. 795. Л. 1–14.

³³Там же. Ф. Р1235. Оп. 140. Д. 60. Л. 521.

³⁴Сосуд избранный. История российских духовных школ в ранее не публиковавшихся трудах, письмах деятелей Русской православной церкви, а также в секретных документах руководителей Советского государства. 1888–1932 / сост. М. Складорова. СПб. : Борея, 1994. 316 с.

1922 г. Тихон и его сторонники в центральном регионе были либо арестованы, либо смещены с должностей, либо намечены к высылке [4, с. 32, 38, 49]. Работа продолжалась. Похожая ситуация складывалась и в епархиях. Центральной фигурой выступали патриарх Тихон и сам институт патриаршества как гарант сохранения РПЦ. Проведение грамотно «срежиссированного» суда над патриархом и его «соучастниками» с привлечением лучших специалистов в юриспруденции со стороны обвинения, необходимой «доказательной базы» не представляло особых затруднений [4, с. 50, 67, 69]. Признать патриарха невиновным советский суд не мог по определению. Однако с пропагандистской точки зрения любой приговор был невыгоден и для имиджа страны за рубежом, и для восприятия властей православными верующими. Выдвигаемые обвинения в контрреволюционных действиях не несли угрозы социалистическому строю и советским гражданам, а для православных подобная независимая позиция первосвященника усиливала его авторитет. В случае применения высшей меры наказания Тихон стал бы священномучеником, что, безусловно, не входило в планы антирелигиозников [6, с. 401]. Давление на патриарха можно было оказать только состоянием дел в РПЦ. К весне 1923 г. перед большевиками стоял вопрос уже не только о том, как ослабить тихоновцев, но и как не допустить критичного усиления обновленцев и перехода полномочий в ВЦУ к псевдообновленцам.

Не могла не настораживать ситуация вокруг созыва «поместного собора». С августа 1922 г. он не единожды переносился [6, с. 363]. Было обеспечено финансовое сопровождение мероприятий. АРК разработала повестку дня [4, с. 61, 64, 66]. Собравшиеся 29 апреля – 9 мая 1923 г. сторонники обновленчества приняли нужные ОГПУ решения. Патриарх был лишен сана и монашества. Патриаршество в РПЦ ликвидировалось. Были узаконены ряд нововведений, нехарактерных для православия. Делегация «поместного собора» была допущена к патриарху 8 мая 1923 г. и передала ему приговор, с которым он не согласился «ни по форме, ни по существу» [9, с. 100]. Не располагая достоверной информацией о состоянии дел в РПЦ, Тихон пошел на уступки ОГПУ и 16 июня 1923 г. подал в Верховный суд РСФСР заявление с признанием в своей «антисоветской деятельности» и просьбой об освобождении [4, с. 82; 9, с. 101]. АРК, рассмотрев заявление патриарха, рекомендовало ему «усилить» некоторые позиции и 26 июня 1923 г. приняло решение «Тихона из-под стражи освободить 27 июня» [4, с. 81–83]. Заявления патриарха были восприняты неодно-

значно³⁵. Следует отметить, что амнистия патриарха способствовала освобождению многих иных клириков, обвиняемых в сопротивлении изъятию церковных ценностей. Вместо «вышки» или заточения на Валаам патриарх Тихон вышел на свободу. Безусловно, внезапное освобождение, просьба о помиловании в суд, публичное раскаяние, растиражированное советской прессой, вызвали смущение у отдельных граждан. Для некоторых в дальнейшем это стало поводом отхода от официальных церковных структур. Однако стремительное возвращение иерархов и простых клириков в ложе тихоновской церкви с лета 1923 г. нивелировало результат труда огромного отряда борцов с религией. В рядах обновленцев могли остаться только те, кто никоим образом не мог соответствовать статусу православного пастыря. Среди принесших покаяние был и митрополит Минский Мелхиседек³⁶. Несмотря на рост числа приходов, влияние обновленцев на верующих было ограничено. Органы предпринимали меры к сдерживанию «раскаившихся» и параллельно вели работу по дальнейшему расчленению окружения, сторонников патриарха на противоборствующие группы. Представители ОГПУ категорически стали настаивать на необходимости формирования объединенной с обновленцами системы управления РПЦ [6, с. 443]. Представителем в патриарший Синод был делегирован протоиерей В. Д. Красницкий³⁷. Репутация данного клирика была к этому времени уже крайне сомнительна и скандальна. Следует отметить, что, несмотря на освобождение патриарха и возвращение в лоно Церкви многих отпавших по разным причинам ее чад, государство не признавало руководящих органов РПЦ. Единственным законным церковным институтом был приход. В то же время обновленческие структуры имели легальный статус. Объединение могло узаконить управленческие структуры РПЦ, но одновременно могло и разрушить церковь. Недоверие к провластным обновленцам компрометировало всех сотрудничающих с ними [6, с. 446]. Патриарх отчетливо понимал, что они уже переступили черту невозврата как представители организации, называвшей себя православной церковью. Интерпретации текстов публичных покаяний патриарха 1923 и 1925 гг. и вопрос с определением кандидатуры его правопреемника спровоцировали несколько новых подконтрольных ОГПУ расколов [9, с. 116–119; 12, с. 140–156]. Группы григорьевцев, даниловцев, непоминающих, автокефалистов, истинно православных отказались признавать митрополита Сергия главой Церкви и фактически вышли из лоно канонической РПЦ [12, с. 149, 155].

³⁵РГАСПИ. Ф. 89. Оп. 4. Д. 118. Л. 37–40.

³⁶Акты Святейшего Патриарха Тихона и позднейшие документы о преемстве высшей церковной власти. 1917–1943 гг. / сост. М. Е. Губонин. М.: Изд-во Православ. Св.-Тихон. богосл. ин-та, 1994. 1064 с.

³⁷Там же. С. 317, 329.

Таким образом, новое политическое руководство минимизировало любые возможности оппозиционных сил. В рамках политики по снижению религиозности населения реализовывался комплекс мер по сужению социальной базы РПЦ. Среди способов решения поставленной задачи были оказание максимально жесткого давления на клир и верующих, а также разрушение административно-управленческой структуры РПЦ. Иные культы не испытывали такого рода гонений в исследуемый период. Деятельность получивших поддержку протестантских

организаций подвергалась негласному вмешательству компетентных органов. Отход от РПЦ части колеблющихся прихожан не оказал существенно-го влияния на ее функционирование в силу того, что в ее лоне остались главным образом верующие, готовые на определенные ограничения и жертвы. Вмешательство во внутренние дела РПЦ в 1920-х гг. не привело к переходу ее управления к представителям органов государственной власти, однако положило начало череде расколов и формированию ряда противоборствующих групп.

Библиографические ссылки

1. Шишкин АА. *Сущность и критическая оценка «обновленческого» раскола русской православной церкви*. Казань: Издательство Казанского университета; 1970. 367 с.
2. Бонч-Бруевич ВД. *Избранные сочинения. Том 1. О религии, религиозном сектантстве и церкви*. Москва: Академия наук СССР; 1959. 410 с.
3. *О религии и церкви: сборник высказываний классиков марксизма-ленинизма, документов КПСС и Советского государства*. Москва: Политиздат; 1981. 176 с.
4. Лобанов ВВ, составитель. *Протоколы Комиссии по проведению отделения церкви от государства при ЦК РКП(б)–ВКП(б) (Антирелигиозной комиссии). 1922–1929 гг.* Москва: Издательство Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета; 2014. 381 с.
5. Шапов ЯН, редактор, Масальская АС, составитель. *Русская православная церковь и коммунистическое государство, 1917–1941. Документальные и фотоматериалы*. Москва: Библийско-богословский институт святого апостола Андрея; 1996. 328 с.
6. Покровский НН, Петров СГ, составители. *Политбюро и церковь. 1922–1925 гг. Книга 1*. Новосибирск: Сибирский хронограф; 1997. 597 с. (Архивы Кремля).
7. Митрохин ЛН. *Бaptизм: история и современность*. Санкт-Петербург: РХГИ; 1997. 480 с.
8. Кривова НА. *Власть и церковь в 1922–1925 гг. Политбюро и ГПУ в борьбе за церковные ценности и политическое подчинение духовенства*. Москва: АИРО-XX; 1997. 247 с.
9. Шкаровский МВ. *Русская православная Церковь в XX веке*. Москва: Вече; 2010. 480 с. Совместно с издательством «Лепта».
10. Алексеев ВА. *Штурм небес отменяется? Критические очерки по истории борьбы с религией в СССР*. Москва: Россия молодая; 1992. 304 с.
11. Цыпин В. *Русская церковь (1917–1925)*. Москва: Издательство Сретенского монастыря; 1996. 335 с.
12. Поспеловский ДВ. *Русская православная церковь в XX веке*. Москва: Республика; 1995. 351 с.
13. Бычков АМ. *История евангельских христиан-баптистов в СССР*. Москва: Издательство ВСЕХБ; 1989. 623 с.

References

1. Shishkin AA. *Sushchnost' i kriticheskaya otsenka «obnovlencheskogo» raskola russkoi pravoslavnoi tserkvi* [The essence and critical assessment of the «renovationist» split of the Russian Orthodox Church]. Kazan: Izdatel'stvo Kazanskogo universiteta; 1970. 367 p. Russian.
2. Bonch-Bruevich VD. *Izbrannye sochineniya. Tom 1. O religii, religioznom sektantstve i tserkvi* [Selected Works. Volume 1. On religion, religious sectarianism and the church]. Moscow: Akademiya nauk SSSR; 1959. 410 p. Russian.
3. *O religii i tserkvi: sbornik vyskazyvaniy klassikov marksizma-leninizma, dokumentov KPSS i Sovetskogo gosudarstva* [On religion and the church: a collection of statements by the classics of Marxism-Leninism, documents of the CPSU and the Soviet State]. Moscow: Politizdat; 1981. 176 p. Russian.
4. Lobanov VV, compiler. *Protokoly Komissii po provedeniyu otdeleniya tserkvi ot gosudarstva pri TsK RKP(b)–VKP(b) (Anti-religioznoi komissii). 1922–1929 gg.* [Protocols of the Commission for the separation of church from state under the Central committee of the RCP(b)–VKP(b) (Anti-Religious Commission). 1922–1929]. Moscow: Izdatel'stvo Pravoslavnogo Svyato-Tikhonovskogo gumanitarnogo universiteta; 2014. 381 p. Russian.
5. Shchapov YaN, editor; Masal'skaya AS, compiler. *Russkaya pravoslavnaya tserkov' i kommunisticheskoe gosudarstvo, 1917–1941. Dokumental'nye i fotomaterialy* [The Russian Orthodox Church and the Communist State, 1917–1941. Documentary and photographic materials]. Moscow: Bibleisko-bogoslovskii institut svyatogo apostola Andreyaya; 1996. 328 p. Russian.
6. Pokrovskii NN, Petrov SG, compilers. *Politbyuro i tserkov'. 1922–1925 gg. Kniga 1* [Politburo and Church. 1922–1925. Book 1]. Novosibirsk: Sibirskii khronograf; 1997. 597 p. (Arkhiy Kremlya). Russian.
7. Mitrokhin LN. *Baptizm: istoriya i sovremennost'* [Baptism: history and modernity]. Saint Petersburg: Russkii khristianskii gumanitarnyi institut; 1997. 480 p. Russian.
8. Krivova NA. *Vlast' i tserkov' v 1922–1925 gg. Politbyuro i GPU v bor'be za tserkovnye tsennosti i politicheskoe podchinenie dukhovenstva* [Power and Church in 1922–1925. Politburo and GPU in the struggle for church values and political subordination of the clergy]. Moscow: AIRO-XX; 1997. 247 p. Russian.
9. Shkarovskii MV. *Russkaya pravoslavnaya Tserkov' v XX veke* [Russian Orthodox Church in the 20th century]. Moscow: Veche; 2010. 480 p. Co-published by the «Lepta». Russian.

10. Alekseev VA. *Shturm nebes otmenyaetsya? Kriticheskie ocherki po istorii bor'by s religiei v SSSR* [Is the storming of heaven canceled? Critical essays on the history of the struggle against religion in the USSR]. Moscow: Rossiya molodaya; 1992. 304 p. Russian.
11. Tsylin V. *Russkaya tserkov' (1917–1925)* [Russian Church (1917–1925)]. Moscow: Izdatel'stvo Sretenskogo monastyrja; 1996. 335 p. Russian.
12. Pospelovskiy DV. *Russkaya pravoslavnaya tserkov' v XX veke* [Russian Orthodox Church in the 20th century]. Moscow: Respublika; 1995. 351 p. Russian.
13. Bychkov AM, compiler. *Istoriya evangel'skikh khristian-baptistov v SSSR* [History of Evangelical Christians-Baptists in the USSR]. Moscow: Izdatel'stvo Vsesojuznogo soveta evangel'skih hristian-baptistov; 1989. 623 p. Russian.

Статья поступила в редколлегию 10.08.2021.
Received by editorial board 10.08.2021.

МЕСТНАЯ СОВЕТСКАЯ НОМЕНКЛАТУРА БССР ПОЗДНЕГО СТАЛИНИЗМА (1945–1953)

С. А. ЕЛИЗАРОВ¹⁾

¹⁾Гомельский государственный технический университет им. П. О. Сухого,
пр. Октября, 48, 246029, г. Гомель, Беларусь

Рассматривается процесс восстановления и развития номенклатурного механизма кадровой политики в БССР в первое послевоенное десятилетие, получившее в современной историографии название «поздний сталинизм». Основное внимание обращено на руководящих работников местных органов государственного управления – исполкомов Советов депутатов трудящихся. Характеризуются основные тенденции в трансформации организации номенклатурной практики – централизация и децентрализация. Выделены ключевые иерархические уровни номенклатур (от ЦК ВКП(б) – КПСС до райкомов и горкомов КП(б)Б – КПБ), показано их конкретное наполнение во временной динамике. Отмечается, что существовавшая иерархия номенклатурных должностей во многом более точно, чем их официальный административный статус, определяла реальное положение того или иного работника в структуре власти и управления. В начале 1950-х гг. постоянное обновление состава председателей местных исполкомов сменилось его относительной стабильностью. На руководящие посты в местные структуры государственного аппарата управления стремились назначать уже проверенных на различных руководящих должностях коммунистов с довоенным стажем. Образование играло роль лишь на районных и городских уровнях местной административной иерархии, для ее высшей ступени – председателей облисполкомов – главное значение по-прежнему имел опыт руководящей работы. Несколько возросли стаж работы на занимаемых должностях и общий стаж руководящей работы, повысился уровень образования у председателей районных и городских исполкомов, что позволило перейти на более высокие требования в подборе кадров (наличие специализированного высшего, технического или сельскохозяйственного, образования).

Ключевые слова: Белорусская ССР; поздний сталинизм; кадровая политика; номенклатура; коммунистическая партия; партийные комитеты; Советы депутатов трудящихся; исполкомы; органы власти и управления.

Благодарность. Статья подготовлена в рамках выполнения задания государственных программ научных исследований на 2021–2025 гг.

МЯСЦОВАЯ САВЕЦКАЯ НАМЕНКЛАТУРА БССР ПОЗНЯГА СТАЛІНІЗМУ (1945–1953)

С. А. ЕЛИЗАРАЎ^{1*}

^{1*}Гомельскі дзяржаўны тэхнічны ўніверсітэт імя П. В. Сухого,
пр. Кастрычніка, 48, 246029, г. Гомель, Беларусь

Разглядаецца працэс аднаўлення і развіцця наменклатурнага механізма кадровай палітыкі ў БССР у першае пасляваеннае дзесяцігоддзе, якое атрымала ў сучаснай гістарыяграфіі назву «позні сталінізм». Асноўная ўвага звернута на кіруючых работнікаў мясцовых органаў дзяржаўнага кіравання – выканкамаў Саветаў дэпутатаў працоўных.

Образец цитирования:

Елизаров С. А. Местная советская номенклатура БССР позднего сталинизма (1945–1953). *Журнал Белорусского государственного университета. История.* 2021; 4:31–43.
<https://doi.org/10.33581/2520-6338-2021-4-31-43>

For citation:

Elizarov SA. Local Soviet nomenclature of the BSSR of late Stalinism (1945–1953). *Journal of the Belarusian State University. History.* 2021;4:31–43. Russian.
<https://doi.org/10.33581/2520-6338-2021-4-31-43>

Автор:

Сергей Александрович Елизаров – доктор исторических наук, профессор; профессор кафедры социально-гуманитарных и правовых дисциплин гуманитарно-экономического факультета.

Author:

Sergey A. Elizarov, doctor of science (history), full professor; professor at the department of social-humanitarian and legal disciplines, faculty of economics and humanities. sergeyelizarov@mail.ru

Характарызуюцца ключавыя тэндэнцыі ў трансфармацыі арганізацыі наменклатурнай практыкі – цэнтралізацыя і дэцэнтралізацыя. Вылучаны асноўныя іерархічныя ўзроўні наменклатур (ад ЦК ВКП(б) – КПСС да райкамаў і гаркамаў КП(б)Б – КПБ), паказана іх канкрэтнае напаміненне ў часовай дынаміцы. Адзначаецца, што існаваўшая іерархія наменклатурных пасадаў шмат у чым больш дакладна, чым іх афіцыйны адміністрацыйны статус, вызначала рэальнае становішча таго ці іншага работніка ў структуры ўлады і кіравання. У пачатку 1950-х гг. пастаяннае абнаўленне складу старшынь мясцовых выканкамаў змянілася яго адноснай стабільнасцю. На кіруючыя пасады ў мясцовыя структуры дзяржаўнага апарату кіравання імкнуліся прызначаць ужо правяраных на розных кіруючых пасадах камуністаў з даваенным стажам. Адукацыя іграла ролю толькі на раённых і гарадскіх узроўнях мясцовай адміністрацыйнай іерархіі, для яе вышэйшай ступені – старшынь аблвыканкамаў – галоўнае значэнне па-ранейшаму меў вопыт кіруючай працы. Некалькі ўзраслі стаж працы на займаных пасадах і агульны стаж кіруючай працы, павысіўся ўзровень адукацыі ў старшынь раённых і гарадскіх выканкамаў, што дазволіла перайсці на больш высокія патрабаванні ў падборы кадраў (наяўнасць спецыялізаванай вышэйшай, тэхнічнай або сельскагаспадарчай, адукацыі).

Ключавыя словы: Беларуская ССР; позні сталінізм; кадравая палітыка; наменклатура; камуністычная партыя; партыйныя камітэты; Саветы дэпутатаў працоўных; выканкамы; органы ўлады і кіравання.

Падзяка. Артыкул падрыхтаваны ў рамках выканання задання дзяржаўных праграм навуковых даследаванняў на 2021–2025 гг.

LOCAL SOVIET NOMENCLATURE OF THE BSSR OF LATE STALINISM (1945–1953)

S. A. ELIZAROV^a

^a*Sukhoi State Technical University of Gomel, 48 Kastychnika Avenue, Homiel 246029, Belarus*

The article examines the process of restoration and development of the nomenclature mechanism of personnel policy in the BSSR in the first post-war decade, which received the name «late Stalinism» in modern historiography. The main attention is paid to the leading employees of local government bodies – the executive committees of the Soviets of Working People's Deputies. The article describes the main trends in the transformation of the organisation of nomenclature practice – centralisation and decentralisation. The main hierarchical levels of nomenclatures are highlighted (from the Central Committee of the all-Union Communist Party(b) – the CPSU to the district and city committees of the CP(b)B – CPB), their specific content is shown in the time dynamics. It is noted that the existing hierarchy of nomenclature positions in many respects more accurately than their official administrative status determined the real position of an employee in the structure of power and management. Initially the high level of renewal of the composition of the chairmen of local executive committees was replaced in the early 1950s by its relative stabilisation. They tried to appoint Communists with pre-war experience who had already been tested in various leadership positions to senior positions in the local structures of the state administration apparatus. The level of education played a role only at the district and city levels of the local administrative hierarchy, for its highest level – the chairmen of regional executive committees – the main importance was still the experience of leadership work. The work experience in the positions held and the general experience of managerial work increased somewhat, the level of education of the chairmen of district and city executive committees increased, which made it possible to move to a higher level of requirements in the selection of personnel (the availability of specialised higher, technical or agricultural, education).

Keywords: Belarusian SSR; late Stalinism; personnel policy; nomenclature; Communist Party; party committees; executive committees; Soviets of Working People's Deputies; government and management bodies.

Acknowledgements. The article is prepared within the framework of the state research programs task for 2021–2025.

Введение

Номенклатура партийных комитетов как список должностей (в том числе выборных) по всем отраслям жизнедеятельности Советского государства (партийной, советской, хозяйственной, культуры, образования и т. п.), по которым назначение, перемещение и замена осуществлялись только после соответствующего решения партийных органов, представляла собой основу всей кадровой политики в советский период истории. Именно номенклатур-

ный механизм (в том числе через партийный контроль за кадрами органов государственной власти и управления) обеспечивал реализацию постулата о ведущей роли коммунистической партии в жизни советского общества.

В советский период было опубликовано большое количество работ по вопросам кадровой политики в СССР, однако традиционно ее номенклатурный характер замалчивался [1–4]. Среди исследований

белорусских советских историков можно отметить две монографии А. В. Люцко, посвященные деятельности белорусских управленцев в 1943–1955 гг. [5; 6]. Основное внимание в них уделено работникам партийных органов (что для того времени вполне понятно), но приводятся и статистические сведения о качественном и количественном составе руководящих работников местных органов государственной власти и управления.

Исследование сущности советской номенклатурной системы, ее роли в структуре власти и управления советского общества, механизма функционирования уже многие десятилетия популярно среди западных политологов и историков тоталитарного и ревизионистского направлений [7–9]. Изучением кадровой политики в СССР в рамках номенклатурного подхода в последние два-три десятилетия активно занимаются российские ученые, причем растет интерес к региональным аспектам проблемы [10–14]. Однако среди работ региональной тематики абсолютное большинство посвящено 1920–30-м гг. Среди исследований послевоенной региональной номенклатуры следует выделить прежде всего монографии сибирского ученого А. Б. Коновалова, в которых на основе архивных материалов характеризуется функционирование номенклатурной системы подбора и расстановки руководящих партийных кадров сибирских регионов [15; 16].

В белорусской историографии номенклатурная проблема лишь фрагментарно исследуется в ряде

работ белорусских историков тоталитарного направления при изучении политических процессов 1920–30-х гг. [17; 18]. Белорусский ученый А. Ф. Великий дал общий обзор номенклатурных практик применительно ко всей истории БССР, но работу на эту тему не продолжил [19]. В целом весь послевоенный период номенклатурной истории БССР до настоящего времени практически не исследован.

В статье внимание сосредоточено только на одной, но крайне важной для понимания советских реалий группе номенклатурных кадров – группе руководящих работников местных органов государственного управления, исполкомов Советов депутатов трудящихся. Цель работы – описать систему органов, обеспечивавших функционирование номенклатурного механизма, выявить уровни номенклатурной иерархии местных государственных управленцев БССР и показать их конкретное наполнение в 1945–1953 гг., качественный состав в динамике.

В статье использован термин «поздний сталинизм», закрепившийся в современной историографии для характеристики периода советской истории (1945–1953) от победы в Великой Отечественной войне до смерти И. В. Сталина.

Работа подготовлена на основе сборников советских документов¹, а также материалов Национального архива Республики Беларусь (НАРБ) и Государственного архива общественных объединений Гомельской области (ГАООГО).

Методология исследования

В работе мы придерживались принципов системности, историзма и холизма. Принцип системности реализуется через рассмотрение кадров местной вертикали власти как составной части номенклатурной системы. Принцип историзма предполагает исследование процессов функционирования кадровой политики в контексте общих тенденций политического и социально-экономического развития советского общества в первое послевоенное

десятилетие. С позиций холизма советская номенклатура представлена как естественный элемент механизма сохранения и воспроизводства советской политической системы с доминирующей ролью монополюльно правящей коммунистической партии. Используются традиционные общенаучные и конкретно-исторические методы (историко-генетический, историко-сравнительный, историко-системный).

Результаты и их обсуждение

Органы номенклатурной работы. Как и до войны, в первые послевоенные годы подбором кадров белорусской номенклатуры для их последующего утверждения на заседаниях бюро парткомов занимались Управление кадров ЦК ВКП(б), отделы кадров ЦК, обкомов и райкомов КП(б)Б. В отделе кадров ЦК КП(б)Б номенклатурная работа строилась по секторам. На 1 января 1946 г. функционировали 16 секторов: партийных и комсомольских кадров;

советских кадров; кадров суда и прокуратуры; торговли; транспорта и связи; лесной промышленности; финансов; строительства; промышленности; сельского хозяйства; заготовок; государственного трудового резерва; науки, культуры и искусства; печати и издательств; НКВД и НКГБ; профсоюзов². В ЦК, обкомах, горкомах и райкомах КП(б)Б существовали должности секретарей по кадрам, которые одновременно возглавляли отделы кадров.

¹Хлевнюк О. В., Горлицкий Й., Кошелева Л. П. и др. Политбюро ЦК ВКП(б) и Совет Министров СССР. 1945–1953. М.: РОССПЭН, 2002. 656 с.; Денисов В. В., Квашонкин А. В., Малашенко Л. И. и др. ЦК ВКП(б) и региональные партийные комитеты. 1945–1953. М.: РОССПЭН, 2004. 496 с.

²НАРБ. Ф. 4п. Оп. 41. Д. 302. Л. 2.

Непосредственно за подбор и расстановку руководящих работников советских органов государственной власти отвечал сектор советских кадров.

В 1948 г. проведена реорганизация системы управления номенклатурной работой: постановлением Политбюро ЦК ВКП(б) от 10 июля 1948 г. функциональный принцип построения партийного аппарата был в очередной раз заменен на производственно-отраслевой. В аппарате ЦК управления заменены на десять производственно-отраслевых отделов: пропаганды и агитации; партийных, профсоюзных и комсомольских органов; внешних сношений; тяжелой промышленности; легкой промышленности; машиностроения; транспортный; сельскохозяйственный; административный; планово-финансово-торговый. Вопросы подбора кадров распределены между отделами³.

Перестраивалась и организационная структура нижестоящих парткомитетов. Первоначально были реорганизованы ЦК нацкомпартий, обкомы и крайкомы, где постановлением Политбюро ЦК ВКП(б) «О реорганизации аппарата обкомов, крайкомов и ЦК компартий союзных республик» от 25 октября 1948 г. создавались отделы пропаганды и агитации, партийных, профсоюзных и комсомольских органов, сельскохозяйственный, административный, планово-финансово-торговый, промышленности, транспорта, а также ряд отделов согласно специальному приложению (для ЦК КП(б)Б – отделы тяжелой и легкой промышленности, машиностроения, транспортный)⁴.

Аппарат городских и районных парторганов был перестроен в соответствии с постановлением Политбюро ЦК ВКП(б) «О реорганизации аппарата райкомов, горкомов, окружкомов и укомов ВКП(б)» от 4 января 1949 г. Были созданы следующие отделы: пропаганды и агитации; партийных, профсоюзных и комсомольских органов; сельскохозяйственный (в сельских райкомах); промышленно-транспортный (в горкомах и городских райкомах); административный (в горкомах первой группы); планово-финансово-торговый. Их основными задачами являлись подбор кадров и проверка исполнения решений вышестоящих партийных и государственных органов власти и управления⁵. Соответствующие изменения были произведены и в партийных аппаратах КП(б)Б.

Очередная попытка усилить централизацию номенклатурной работы была предпринята в 1952 г. На этот раз застаревшие проблемы регулирования

состава руководящих кадров (подбор кадров по соображениям приятельских или земляческих отношений, бюрократизм в кадровой работе) решили нивелировать созданием единого органа, который координировал бы номенклатурную работу всех парторганов. Постановлением бюро Президиума ЦК КПСС от 17 октября 1952 г. создавался отдел по подбору и распределению кадров во всех партийных, государственных и хозяйственных органах во главе с секретарем ЦК КПСС Н. М. Пеговым. Отдел, как единый орган ЦК КПСС по кадрам, должен был контролировать подбор и распределение кадров всех отделов ЦК КПСС, республиканских и местных партийных органов, министерств, ведомств и общественных организаций⁶.

Однако на более низкие уровни партийных комитетов эта система не была распространена. Дело ограничилось тем, что из номенклатур отраслевых отделов выделили ряд должностей, по которым передвижение необходимо было согласовывать с отделом партийных, профсоюзных и комсомольских органов соответствующих партийных комитетов. Так, решением бюро Гомельского обкома КПБ от 25 марта 1953 г. в этот список вошли 62 человека, в том числе заведующие областным, городским и районными отделами по делам культурно-просветительных учреждений (культпросветучреждений), председатели комитетов и отделов облисполкома по кинофикации, радиофикации, физкультуре и спорту, по делам искусств, а также районных отделов кинофикации⁷.

Еще одним поворотом к прошлому опыту было возвращение с 1947 г. к двойной довоенной номенклатуре. Существовали основная номенклатура, по должностям которой парткомитет принимал решение, и учетно-резервная номенклатура, включавшая должности, по которым решения принимались нижестоящим партийным комитетом, но с обязательным информированием парткома, имевшего эти должности в своем номенклатурном списке. Учетно-резервная номенклатура должна была, с одной стороны, распределить кадровую ответственность по вертикали, разгрузить прежде всего ЦК ВКП(б) и ЦК компартий союзных республик, передав значительную часть кадровой ответственности обкомам партии, с другой – стать базой для выявления и создания резерва должностей основной номенклатуры. Однако довольно быстро от этой идеи отказались: вслед за ЦК ВКП(б) постановлением ЦК КП(б)Б от 20 августа 1948 г. учетно-резервная номенклатура

³Хлевнюк О. В., Горлицкий Й., Кошелева Л. П. и др. Политбюро ЦК ВКП(б)... С. 61.

⁴Денисов В. В., Квашонкин А. В., Малашенко Л. И. и др. ЦК ВКП(б) и региональные партийные комитеты... С. 25–26, 34.

⁵Хлевнюк О. В., Горлицкий Й., Кошелева Л. П. и др. Политбюро ЦК ВКП(б)... 1945–1953. С. 34–35.

⁶Там же. С. 92, 95.

⁷ГАООГО. Ф. 144. Оп. 60. Д. 53. Л. 60.

ликвидировалась, часть должностей перешли в основную, часть – в обкомовские номенклатуры⁸. Постепенно такую же трансформацию осуществили и областные комитеты КП(б)Б.

Номенклатурные уровни. Основные руководящие должности в местном аппарате власти и управления входили в партийные номенклатуры от райкома КП(б)Б – КПБ до ЦК ВКП(б) – КПСС. В соответствии с рангом в иерархии каждый партийный орган имел собственные номенклатурные списки. При этом одна и та же должность могла фигурировать в номенклатурах разных по статусу партийных комитетов, но решающее слово оставалось именно за высшим из них. Так, для назначения на должности председателей облисполкомов высшей (окончательной) инстанцией был ЦК ВКП(б) – КПСС, однако они автоматически входили в номенклатуру и ЦК КП(б)Б – КПБ, и обкомов КП(б)Б – КПБ. Назначение и снятие с должностей председателей райисполкомов окончательно решал ЦК КП(б)Б – КПБ, но они в то же время входили в обкомовские и райкомовские номенклатуры. Таким же образом руководители ряда отделов райисполкомов входили в три номенклатуры: ЦК, обкомов и райкомов КП(б)Б – КПБ.

В сравнении с довоенным временем количественный состав номенклатуры ЦК КП(б)Б значительно сократился: в ней числилось перед войной около 17 тыс. человек, а на 1 января 1945 г. только 7780 человек. Это было связано, во-первых, с уменьшением в 2,5 раза общего количества представителей партийной организации БССР за годы войны; во-вторых, со стремлением сосредоточить внимание на подборе кадров на главных (с точки зрения партийного руководства республики) направлениях работы восстановительного характера с учетом продолжавшейся войны; в-третьих, с мнением о том, что это будет способствовать переориентации работы отдела кадров ЦК с подготовки материалов на работников для изучения этих кандидатур на бюро ЦК КП(б)Б «по-настоящему, серьезно»⁹.

Номенклатурные списки партийных комитетов представляли собой еще одну, параллельную административной, систему должностной иерархии. Включение в номенклатуру ЦК ВКП(б) – КПСС означало вхождение в высший слой местной вертикали власти. В этот список входили должности на постоянной основе, а также те, которые время от времени попадали туда с более низкого «этажа» как отражение смены приоритетных направлений государственной политики.

В преддверии победы в Великой Отечественной войне белорусские кадры были широко представлены в номенклатуре ЦК ВКП(б): на август 1944 г. в нее входили по линии местных советских кадров председатели облисполкомов и их первые заместители, руководители ряда подразделений облисполкомов (плановых комиссий, управлений и отделов юстиции, здравоохранения, народного образования, по делам литературы и издательств (обллитов), бюро по учету и распределению рабочей силы, земельных отделов) и их заместители, председатели городских исполкомов областных центров, уполномоченные союзного наркомата заготовок, руководители областных управлений (облуправлений) статистики и трудовых резервов¹⁰.

С переходом к мирному развитию произошло значительное перераспределение номенклатурной ответственности. В 1946–1953 гг. в номенклатуре ЦК ВКП(б) – КПСС по линии местных органов государственной власти и управления в высшую номенклатуру на постоянной основе входили только председатели облисполкомов. На короткий срок появлялись в этом списке уполномоченные Наркомата заготовок СССР (Министерства заготовок СССР), начальники облуправлений связи и статистики, межрайонные госинспекторы по определению урожайности.

Второй уровень местной номенклатурной иерархии – номенклатура ЦК КП(б)Б – КПБ, в которой на 1 января 1946 г. насчитывалось 7922 человека, на 1 января 1948 г. – 3944, на 1 января 1949 г. – 3679, на 1 января 1953 г. – 4648 человек¹¹. В 1945–1953 гг. по советской линии в номенклатуре ЦК КП(б)Б – КПБ постоянно присутствовали (кроме должностей номенклатуры ЦК ВКП(б) – КПСС) заместители председателей областных и городских (областного подчинения) исполкомов, ответственные секретари облисполкомов, председатели областных плановых комиссий, заведующие основными областными отделами и управлениями (финансовым, земельным (сельского хозяйства), образования, здравоохранения, торговли, социального обеспечения коммунального хозяйства, юстиции), председатели райисполкомов. Переходили в номенклатуру ЦК ВКП(б) – КПСС и возвращались обратно председатели городских (областного подчинения) исполкомов, начальники облуправлений статистики и связи. «Переменными величинами» были и руководители ряда других структурных подразделений облисполкомов: заведующие областными отделами (облотделами), управлениями и комитетами по сельскому и колхозному строительству, по делам обллита, искусств, кинофикации, радиовещания,

⁸НАРБ. Ф. 4п. Оп. 81. Д. 69. Л. 67.

⁹Там же. Оп. 41. Д. 303. Л. 4.

¹⁰ГАООГО. Ф. 144. Оп. 3. Д. 3060. Л. 2.

¹¹НАРБ. Ф. 4п. Оп. 41. Д. 302. Л. 1 ; Там же. Оп. 109. Д. 3. Л. 140 ; Там же. Д. 14. Л. 1 ; Там же. Д. 37. Л. 1.

культпросветучреждений, по автотранспорту, промышленности, а также заведующие райотделами народного образования и здравоохранения.

Третий уровень – обкомовские номенклатуры. Номенклатура 12 обкомов КП(б)Б на 1 января 1946 г. насчитывала 16 543 человека, на 1 января 1948 г. – 11 841, на 1 января 1949 г. – 10 729, на 1 января 1953 г. – 19 052 человека¹². Эти сведения (как и данные по номенклатуре ЦК КП(б)Б – КПБ) наглядно свидетельствуют о смене тенденций в степени охвата работников номенклатурными практиками: от значительного снижения в 1940-х гг. до роста в начале 1950-х гг.

На постоянной основе в обкомовских номенклатурах находились (кроме должностей номенклатур ЦК ВКП(б) – КПСС и ЦК КП(б)Б – КПБ) руководители ряда подразделений райисполкомов и горисполкомов (народного образования, здравоохранения, торговли, финансов, плановой комиссии, земельного (сельского хозяйства), социального обеспечения), на переменной – заместители некоторых заведующих облотделами и облуправлениями (здравоохранения, народного образования, земельного (сельского хозяйства), гострудрезервов, торговли, юстиции), заведующие некоторыми отделами райисполкомов (кинофикации, культпросветучреждений, мелиорации, по заготовкам, физкультуре и спорту, дорожным), районные уполномоченные облита и по оргнабору, районные и городские инспекторы Центрального статистического управления, главные контролеры-ревизоры контрольно-ревизионного управления Министерства финансов СССР по областям, старшие инспекторы по кадрам областных финотделов, главные инженеры облуправлений связи, заместители уполномоченных Министерства заготовок СССР по областям, уполномоченные по делам Русской православной церкви и т. п.

Четвертый уровень – номенклатура райкомов и горкомов КП(б)Б. Несмотря на то что здесь в наибольшей степени наблюдался разброс в номенклатурных списках, можно выделить и некоторый относительно типичный набор должностей, по которым райкомы принимали окончательные решения. По линии советских органов это были заведующие некоторыми отделами райисполкомов (отделом кадров и общим отделом), председатели и секретари сельсоветов, работники районных земельных (сельского хозяйства) отделов (главный агроном, главный ветврач, старший зоотехник), финансовых отделов (агенты и инспекторы), заместители районных уполномоченных по заготовкам, их агенты и инспекторы.

В целом от трети до половины должностей приходились на номенклатуру ЦК КП(б)Б – КПБ, осталь-

ные – на номенклатуру ЦК ВКП(б) – КПСС, обкомов, горкомов и райкомов партии.

Изменения в номенклатурных списках по советским кадрам были связаны либо со сменой приоритетов государственной политики, либо с волнами централизации (децентрализации) номенклатурной работы, либо с переменами в структуре органов власти и управления. Так, в 1946 г. областные и районные земельные отделы были реорганизованы в три самостоятельных отдела – земельный, животноводства и технических культур, а в 1947 г. вновь объединены, но уже в облуправления и районные отделы сельского хозяйства. В 1946 г. из отделов по делам репатриации советских граждан и групп по обслуживанию эвакуированного и выходящего из тыла противника населения в облисполкомах создали отделы по делам переселения и репатриации. В том же году областные и районные отделы по государственному обеспечению семей военнослужащих и партизан вошли в состав соответствующих отделов социального обеспечения.

Во второй половине 1940-х гг. в областях значительно увеличилось число контролирующих органов вышестоящего подчинения: в областях появились группы госконтроля за расходованием и сохранностью хлебопродуктов, межрайонные инспекторы Главной государственной инспекции по определению урожайности сельскохозяйственных культур при Госплане СССР, группы госконтроля за расходованием и сохранностью спирта. Несмотря на то что они не подчинялись напрямую местным партийным и советским структурам, действовать совершенно автономно они не могли и фактически включались в систему местного государственного управления.

Как и в довоенное время, практика была далека от нормативных требований к функционированию номенклатурного механизма. Во-первых, в послевоенные годы массово нарушался номенклатурный принцип: назначение на номенклатурные должности, освобождение и снятие с должностей нередко осуществлялись без утверждения соответствующими парторганами. Так, на 1 января 1945 г. на бюро ЦК КП(б)Б были утверждены лишь 12,3 % работников номенклатуры ЦК КП(б)Б (по линии советских органов – 9,6 %), на 1 января 1946 г. – 53 % (по линии советских органов – 45 %); на бюро обкомов КП(б)Б на 1 января 1945 г. утверждены 17 % номенклатурных работников, на 1 января 1946 г. – 48 %¹³. В последующие годы эта практика сохранилась (правда, значительно сократилась).

Во-вторых, присутствовал формализм в подборе кадров, часто на руководящие должности назначали людей только на основании документов, без личного общения или «по признакам знакомства

¹²НАРБ. Ф. 4п. Оп. 109. Д. 3. Л. 29–40, 141 ; Там же. Д. 14. Л. 2 ; Там же. Д. 37. Л. 2.

¹³Там же. Оп. 41. Д. 302. Л. 56 ; Там же. Оп. 109. Д. 3. Л. 1, 28.

и приятельских отношений». В январе 1947 г. ЦК ВКП(б) постановил установить порядок, «при котором назначение или освобождение руководящих работников рассматривалось бы на заседаниях с предварительным вызовом работников в ЦК КП(б)Б, обкомы, горкомы и райкомы партии»¹⁴. Это требование вошло в постановление Пленума ЦК КП(б)Б (февраль 1947 г.)¹⁵. В марте 1948 г. на Пленуме ЦК КП(б)Б вновь была поставлена задача «покончить с практикой изучения работников только по анкетным данным»¹⁶. Как результат, в постановлении ЦК КП(б)Б «О мерах по улучшению работы по подбору, расстановке и воспитанию кадров и по контролю за деятельностью партийных организаций Компартии Белоруссии» от 11 февраля 1953 г. опять указывалось на необходимость «покончить с имеющимся пороком, когда к подбору кадров подходят бюрократически, по-канцелярски, зачастую лишь по анкетным данным и формальным справкам»¹⁷.

В-третьих, фиксировались многочисленные недостатки в ведении учета номенклатурных кадров, например отсутствие либо небрежное состояние личных дел номенклатурных работников. В феврале 1953 г., на восьмом послевоенном году и на тридцатом году существования партийных номенклатур, ЦК КПБ вынужден был еще раз указать на необходимость организовать единый персональный учет всех руководящих кадров по всем отраслям работы, иметь на каждого руководящего работника личное дело¹⁸.

В-четвертых, продолжалась осуждавшаяся все предвоенные годы практика кооптации на руководящие выборные должности без соблюдения даже выборных формальностей. В частности, об этом свидетельствует постановление ЦК КП(б)Б (февраль 1952 г.) с требованием «решительно не допускать кооптации в руководящие партийные органы, имея в виду, что подмена выборности кооптацией фактически превращает выборы партийных органов в пустую формальность»¹⁹. Такими же выражениями в начале 1953 г. описывалась кооптация и в постановлении ЦК КПБ о кадровой работе в Гомельской областной парторганизации²⁰. В ноябре 1952 г. в ЦК КПСС был подготовлен проект постановления «О запрещении кооптации в руководящие партийные органы», в котором предусматривалось даже

исключение из партии руководителей, допустивших кооптацию [16, с. 110]. Несмотря на то что речь шла только о партийных комитетах, постановление трактовалось гораздо шире и распространялось на все структуры власти.

В-пятых, номенклатурные работники очень часто нарушали социалистическую законность и использовали служебное положение в личных целях. Многочисленные примеры злоупотребления властью и нарушения законодательства содержатся в отчетах отдела кадров ЦК КП(б)Б за 1944–1945 гг. («грубый произвол и издевательства над населением», «нарушение советских законов и зажим критики и самокритики», «недостойное поведение в быту», «присвоение трофейных коров», «неправильное проведение хлебозаготовок под силой оружия и избиения крестьян и систематическое пьянство», «самоснабжение, присвоение государственных ценностей, трофейного имущества и спекуляция» и т. п.). «Примерами» такого поведения чаще всего служили секретари райкомов и горкомов партии, за которыми следовали и советские руководители. За 1945 г. только решениями ЦК КП(б)Б за подобного рода нарушения были сняты с занимаемых должностей, привлечены к партийной и уголовной ответственности партийные и советские руководители десяти районов²¹.

В январе 1947 г. вышло постановление ЦК ВКП(б), в котором утверждалось, что в белорусской парторганизации имеется немало фактов «нарушения советских законов, морально-бытового разложения, распущенности и недисциплинированности среди руководящих работников», строительства ими собственных домов с использованием государственных средств и материалов, приобретения в собственность трофейных автомашин и другого имущества²². Это было признано в феврале 1947 г. на Пленуме ЦК КП(б)Б, постановившем «решительно пресекать среди руководящих работников элементы распущенности, недисциплинированности и морально-бытового разложения»²³.

Довольно показателен пример заведующей отделом социального обеспечения Гомельского горисполкома Л. Г. Игнатович. Используя свое служебное положение, она бесплатно получила от государства корову, которую продала на рынке по спекулятивной

¹⁴Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Т. 8. 1946–1955. М. : Политиздат, 1985. С. 92.

¹⁵Коммунистическая партия Белоруссии в резолюциях и решениях съездов и пленумов ЦК. Т. 4. 1945–1955. Минск : Беларусь, 1986. С. 126.

¹⁶Там же. С. 209.

¹⁷Там же. С. 472.

¹⁸Там же. С. 474.

¹⁹Там же. С. 476.

²⁰ГАООГО. Ф. 144. Оп. 60. Д. 85. Л. 9–10.

²¹НАРБ. Ф. 4п. Оп. 41. Д. 395. Л. 54–67.

²²Коммунистическая партия Советского Союза... С. 89.

²³Коммунистическая партия Белоруссии... С. 126.

цене, назначила сама себя заведующей конторой пастбищ (организацией инвалидов), отца – конюхом, мать – работницей по уходу за племенными быками. Кроме того, оформляла фиктивно работающих, присваивая их зарплату. В результате махинаций ущерб составил более 58 тыс. руб. Решением бюро Гомельского горкома КП(б)Б в мае 1948 г. она была исключена из членов партии и отдана под суд²⁴. Немало подобных примеров приведены в справках о работе с кадрами в Гродненском, Берестовицком, Мостовском, Свислочском, Новогрудском районах, Гомельской областной парторганизации.

В сентябре 1948 г. на заседании Совета Министров БССР был заслушан доклад прокурора БССР о фактах нарушения социалистической законности исполкомами местных советов и мерах по их устранению. Отмечалось, что ряд исполкомов областных, районных и сельских исполкомов советов «допускает грубое администрирование по отношению к колхозам, колхозникам и единоличникам, а также нарушение гарантированных Конституцией прав советских граждан». Приводились многочисленные факты «разбазаривания общественных земель колхозов» (в частности, их изъятия руководящими советскими работниками для собственных нужд), незаконного привлечения колхозов, колхозников, единоличников на разные работы, отчуждения жилых домов у собственников и проведения оргнабора рабочей силы в нарушение существовавшего законодательства, административного выселения людей без санкции прокурора и т. п.²⁵

Кадровый состав. Восстановление местной советской вертикали власти и управления проходило в условиях острого дефицита квалифицированных управленческих кадров. На начало 1945 г. из 190 председателей районных и городских исполкомов 156 (82 %) заняли эту должность впервые, еще 12,6 % имели стаж работы менее 2 лет. Главным источником пополнения состава председателей районных и городских исполкомов являлись бывшие партизаны и подпольщики (76,4 %)²⁶. По оценке работников отдела кадров ЦК КП(б)Б, в 1946 г. лишь 36,2 % председателей районных и городских исполкомов, подобранных из числа партизан в 1943–1944 гг., работали неплохо²⁷. Среди них – М. Е. Криштофович, комиссар партизанской бригады в годы Великой Отечественной войны, который после освобождения Пружан стал сначала председателем Пружанского райисполкома, затем заместителем председателя Брестского облисполкома, а с 1948 г. его председателем. Один из руко-

водителей партизанского движения на Витебщине, комиссар партизанской бригады имени В. И. Ленина, секретарь Сиротинского подпольного райкома КП(б)Б А. В. Сипко в 1944 г. стал председателем Сиротинского райисполкома, а в 1947 г. был избран депутатом Верховного Совета БССР. Примерно такая же ситуация наблюдалась и среди председателей сельсоветов: 71,2 % назначенных впервые заняли такую должность, 71,2 % составляли бывшие партизаны²⁸.

Отсутствие опыта работы на партийных и государственных должностях, а также необходимых для гражданской работы организационных управленческих качеств руководителя советского типа было основной причиной большой текучести кадров среди местных руководящих кадров, которая росла в масштабах по мере возвращения из рядов Советской армии и тыловых районов СССР управленцев с довоенным опытом. В связи с этим в 1944 г. относительно низкий уровень мобильности районных руководителей (за год сменились лишь 24,1 % председателей райисполкомов, 13,9 % председателей районных плановых комиссий (райпланов), 23,8 % заведующих райотделами финансов (райфинотделов), 22,9 % заведующих районными земельными отделами (райземотделами)) резко возрос в 1945 г.: за год были заменены 53,1 % председателей городских и районных исполкомов, 50,9 % председателей райпланов, 58,5 % заведующих райземотделами, 39 % заведующих райфинотделами²⁹.

В 1946 г. темпы сменяемости районных руководителей еще более возросли: за год сменились почти две трети заведующих райотделами торговли, половина председателей райисполкомов и райпланов, заведующих райземотделами, районными и городскими финотделами и отделами народного образования, а в целом в райисполкомах более половины номенклатурных работников³⁰.

В 39,4 % случаев причиной такой сменяемости являлось то, что руководители «не справились с порученной работой» (от 28,5 % председателей городских и районных плановых комиссий до 48,4 % заведующих городскими и районными отделами народного образования). Однако большой процент текучести кадров по указанной причине вовсе не означал выпадения из состава номенклатурных руководящих кадров и не закрывал перспектив вернуться на прежние должности. Около 10 % уволенных работников скомпрометировали себя или нарушили директивы вышестоящих органов.

²⁴ГАООГО. Ф. 144. Оп. 13. Д. 86. Л. 49.

²⁵Там же. Д. 47. Л. 80–81.

²⁶НАРБ. Ф. 4п. Оп. 41. Д. 303. Л. 17.

²⁷Там же. Д. 395. Л. 16.

²⁸Там же. Д. 303. Л. 18.

²⁹Там же. Л. 30.

³⁰Там же. Оп. 109. Д. 6. Л. 20–32.

В итоге по негативным основаниям потеряли должности половина сменивших место работы управленцев районного звена. Если в предыдущие годы в условиях острого кадрового дефицита часто приходилось мириться с тем, что должности занимали лица, неспособные в силу своей некомпетентности, низкого образовательного уровня, отсутствия управленческого опыта решать поставленные задачи, то массовое возвращение из армии и эвакуации лиц с довоенным управленческим опытом создавало реальную возможность изменить ситуацию к лучшему.

Позитивные причины сменяемости управленцев – перевод на более высокую или вновь созданную должность, укрепление отстающих участков, учеба, а также перевод «в целях более правильного использования» – составили 24,6 %. Высокое количество (14,2 %) сменяемости руководителей было связано с семейными обстоятельствами, болезнью или смертью, а также с другими причинами (9,2 %), нередко за этими формулировками скрывались реальные мотивы замены³¹.

Качественные характеристики местных советских управленцев снижались по мере убывания административного статуса Совета депутатов трудящихся. На 1 июня 1946 г. все председатели, их заместители, начальники управлений и заведующие отделами облисполкомов были коммунистами, при этом большинство (91 %) имели партийный стаж до 1940 г., у 36,2 % было высшее или неоконченное высшее образование, у 52,1 % – среднее и неполное среднее образование. Тем не менее для уровня областного звена власти и управления было много лиц с начальным образованием – 49 человек (12,1 %). Несмотря на то что большинство руководящих работников облисполкомов заняли должности лишь после освобождения белорусской территории, в сфере управления они были людьми не новыми: 64,1 % из них имели опыт руководящей работы более 5 лет (в том числе 43,9 % – свыше 10 лет), примерно половина работников обладали таким же стажем непосредственно в сфере государственного управления. При первенстве белорусов (43,7 %) среди управленцев высоким был удельный вес русских (37,5 %).

В целом среднестатистический руководящий работник облисполкома БССР на 1 июня 1946 г. – мужчина, белорус (русский), коммунист с партийным стажем до 1940 г., со средним или неполным средним образованием, занимающий свою должность до 2 лет с общим стажем руководящей работы свыше 5 лет³².

Председатели облисполкомов и их заместители. На 1 июня 1946 г. все 12 председателей облис-

полкомов были коммунистами с партийным стажем до 1940 г., 3 руководителя – с высшим и неполным высшим образованием, 6 – со средним, 3 человека, занимая вершину местной советской вертикали власти, имели лишь начальное образование. Более одного года на этой должности находились 8 человек (66,6 %). Только 2 из них были с довоенным опытом работы на таком посту, 3 сотрудника заняли его, будучи ранее заместителями председателей, 4 работника пришли из партийной сферы, еще 3 – из хозяйственных органов. При этом все председатели имели стаж руководящей работы свыше 10 лет. Большинство из них в годы Великой Отечественной войны либо принимали активное участие в организации партизанского движения на белорусской территории и руководили им (председатель Барановичского облисполкома – П. В. Бондаренко, Бобруйского – А. Ф. Жданович, Могилёвского – И. М. Кардович, Минского – Р. П. Мачульский, Полоцкого – В. Е. Лобанок), либо сражались в рядах Советской армии (председатель Гомельского облисполкома – Н. П. Абраменко, Гродненского – П. И. Ратайко). Среднестатистический председатель облисполкома в конце 1946 г. – мужчина, белорус, коммунист с партийным стажем до 1940 г., со средним или неполным средним образованием, занимающий свою должность до 2 лет с общим стажем руководящей работы свыше 10 лет³³.

Среднестатистический руководитель областного управления или отдела в середине 1946 г. – мужчина, белорус (русский), коммунист со средним или неполным средним образованием, стаж работы в занимаемой должности – до 2 лет, общий стаж руководящей работы – свыше 5 лет. Таким образом, работники среднего звена областного управления значительно превосходили первых лиц облисполкома (председателей и их заместителей) по уровню образования: высшее образование имели 37,8 % работников среднего звена против 25 % председателей и 11,5 % их заместителей, но значительно им уступали по общему стажу руководящей работы во всех отраслях по номенклатурному стажу³⁴.

В сравнении со среднестатистическим работником облисполкома их председатель отличался только одним преимуществом – значительно большим стажем работы во всех сферах управления.

По районным и городским исполкомам Советов депутатов трудящихся в середине 1946 г. из 200 занимавших свои должности председателей 93 возвратились из Советской армии и партизанских отрядов на прежнюю работу, 25 прибыли по путевкам ЦК ВКП(б), 18 – из эвакуации из восточных областей,

³¹НАРБ. Ф. 4п. Оп. 109. Д. 6. Л. 20–32.

³²Там же. Оп. 41. Д. 302. Л. 46.

³³Там же.

³⁴Там же.

64 были выдвинуты с «низовой» партийной, советской и хозяйственной работы из числа лиц, проявивших себя в борьбе с немецкими оккупантами³⁵.

Среди руководящего состава районных и городских исполкомов (председателей и заведующих отделами) абсолютно доминировали белорусы: от 69 % председателей до 75,3 % руководителей отделов. И здесь председатели отличались более низким уровнем образования, чем их подчиненные: лишь 8,5 % имели высшее или неоконченное высшее образование, а 39 % – низшее. Вновь решающую роль играло наличие стажа работы на всех руководящих должностях: у 69 % из них был такой опыт свыше 5 лет, у 41 % – более 10 лет.

Уровень образования у руководителей райотделов был выше (высшее и неоконченное высшее образование имели 19,3 %, низшее – только 20 %), однако они, как и в случае с облисполкомами, значительно уступали председателям по общему стажу руководящей работы: 32,5 % имели такой стаж свыше 5 лет, в том числе 17,5 % – более 10 лет³⁶.

Таким образом, среднестатистический председатель районного (городского) исполкома в 1946 г. – мужчина, белорус, коммунист с партийным стажем до 1940 г., со средним (низшим) образованием, общим стажем работы в должности до 2 лет и стажем руководящей работы свыше 5 лет. Среднестатистический руководитель районного отдела – мужчина, белорус, коммунист в возрасте до 35 лет, со средним или неполным средним образованием, общим стажем руководящей работы до 2 лет. Среднестатистический руководитель городского отдела – мужчина, белорус, коммунист в возрасте до 40 лет, с высшим (средним) образованием и общим стажем руководящей работы до 5 лет.

Остановимся на характеристике номенклатурных кадров местных государственных органов управления БССР по состоянию на 1 января 1953 г.³⁷

В 1952 г. текучесть советских кадров основной номенклатуры ЦК КПБ (председателей областных, городских и районных исполкомов) снизилась до 17,8 %. При этом происходило реальное обновление кадров: 29 из 38 новых руководителей пришли на должность с «низовой» работы, и только 5 из них перемещены с аналогичной должности. О стабилизации состава председателей исполкомов свидетельствует и стаж работы в своей должности: из 213 человек 80 имели такой стаж от 2 до 5 лет, еще 60 человек – от 5 до 10 лет. У половины (50,2 %) руководителей был общий стаж руководящей работы более 15 лет. Этот показатель возрастал по мере повышения административного статуса исполкома: среди руководителей районных и городских исполкомов он составлял 44,8 %, среди председателей

и заместителей председателей облисполкомов – 83,3 %.

На 1 января 1953 г. все первые лица местной вертикали государственной власти и управления (председатели и заместители председателей облисполкомов, председатели районных и городских исполкомов) были членами коммунистической партии, большинство из них (71,2 %) имели довоенный партийный стаж. Наибольшее количество лиц с довоенным стажем было среди председателей облисполкомов и их заместителей (90,5 %), наименьшее – среди председателей райисполкомов (68,6 %).

По возрасту преобладала группа руководителей от 41 года до 50 лет (53 %). Однако этот показатель значительно отличался в зависимости от административного статуса исполкома: председателями областных и городских исполкомов преимущественно были люди старше 45 лет, а среди председателей райисполкомов преобладали более молодые – от 36 до 45 лет (официально к категории «молодые» относились руководители до 35 лет, таких среди председателей облисполкомов не было, из 201 председателя районных и городских исполкомов их было 20).

Среди руководителей местных исполкомов 42,8 % имели высшее или неоконченное высшее образование, 9,5 % – среднее специальное. Но по-прежнему высоким было число работников со средним и неоконченным средним образованием (38,3 %), при этом 8,2 % имели лишь начальное образование. Таким образом, в абсолютном выражении наблюдается преобладание (пусть и незначительное) лиц с высшим (неоконченным высшим) и средним специальным образованием – 52,3 %.

При этом уровень образования руководителей, как и ранее, значительно различался в зависимости от административного статуса исполкома. Высшее и неоконченное высшее образование имели 43,3 % председателей районных и городских исполкомов, 46,6 % заместителей председателей облисполкомов, 25 % председателей облисполкомов; среднее и неоконченное среднее образование было у 36,8; 43,3; 50 %, начальное – у 9,5; 0; 8,3 % соответственно. Заметно, что уровень образования председателей облисполкомов в начале 1953 г. (как и в 1946 г.) серьезного влияния на их карьеру не оказывал.

Большой проблемой (на которую до конца 1940-х гг. значительного внимания не обращали) в начале 1950-х гг. оставался дефицит местных руководителей со специальным высшим образованием. На 1 января 1953 г. только 3 из 185 председателей сельских райисполкомов получили сельскохозяйственное высшее образование, еще один руководитель – инженерное. Из 16 председателей горисполкомов номенклатуры ЦК КПБ лишь 2 сотрудника

³⁵НАРБ. Ф. 4п. Оп. 41. Д. 395. Л. 72.

³⁶Там же. Д. 302. Л. 125.

³⁷Там же. Оп. 109. Д. 32. Л. 107–111.

имели высшее инженерное образование. В существовавшей системе централизованного управления народным хозяйством председатели исполкомов должны были не только профессионально разбираться в экономических и производственных проблемах всего региона, но и часто выполнять функции прямого руководства субъектами хозяйствования. Без наличия специального технического (для городов) и сельскохозяйственного (для районов) образования делать это было крайне затруднительно.

По национальному составу абсолютное большинство руководителей областных, городских и районных исполкомов были белорусами – 74,5 % (от 70 % заместителей председателей облисполкомов до 75,1 % председателей районных и городских исполкомов), русские составляли 20,9 % (от 8,3 % председателей облисполкомов до 26,6 % заместителей председателей районных и городских горисполкомов).

Таким образом, среднестатистический руководитель областного, городского и районного исполкома в 1953 г. – мужчина, белорус, коммунист в возрасте от 41 года до 50 лет, с высшим (неоконченным высшим) или средним специальным образованием, работающий в данной должности от 2 до 10 лет и имеющий общий стаж руководящей работы более 15 лет.

Среднестатистический председатель облисполкома – мужчина, белорус, коммунист с довоенным партийным стажем, средним (неполным средним) образованием, занимающий эту должность от 5 до 10 лет и имеющий общий стаж руководящей работы более 15 лет.

Среднестатистический председатель городского (районного) исполкома – мужчина, белорус, коммунист с довоенным партийным стажем, высшим (неоконченным высшим) или средним специальным образованием, стажем работы в должности от 2 до 10 лет и общим стажем руководящей работы более 10 лет.

При этом среднестатистический белорусский работник партийных, советских, профсоюзных и комсомольских органов БССР номенклатуры ЦК КПБ на 1 января 1953 г. – мужчина в возрасте от 31 года до 45 лет, белорус, коммунист с довоенным партийным стажем, высшим (неоконченным высшим) или средним специальным образованием, стажем работы в занимаемой должности до 5 лет, общим стажем руководящей работы от 5 до 15 лет³⁸. Заметно, что в БССР руководители исполкомов отличались от среднестатистического руководителя большим возрастом, стажем работы в занимаемой должности и общим стажем руководящей работы.

Заключение

В период позднего сталинизма в номенклатурной работе по-прежнему, как в 1930-х гг., продолжалось противоборство двух тенденций – централизации и децентрализации. Централизация проявлялась в наличии в партийных комитетах специальных структур (управлений, отделов), в которых сосредоточивалась основная номенклатурная практика. Децентрализация находила свое выражение, во-первых, в распределении кадровой ответственности между профильными отделами парткомов, во-вторых, в передаче решений по номенклатурным должностям из вышестоящих номенклатур в нижестоящие (от ЦК ВКП(б) – КПСС до обкомов КП(б)Б – КПБ).

Существование различного уровня номенклатур (от ЦК ВКП(б) – КПСС до райкомов и горкомов КП(б)Б – КПБ) во многом более точно, чем их официальный административный статус, определяло реальное положение того или иного работника в структуре власти и управления. Руководитель областного отдела или управления, находившийся на одном должностном уровне с другими, но при этом входивший в номенклатуру партийного комитета более высокого уровня, в реальности имел более высокий вес в местной элите, более уверенно чувствовал себя в отношении не только к равным, но

и к вышестоящим по должности. Повышение номенклатурного статуса сразу поднимало его в глазах окружающих, расширяло возможности решения служебных и личных вопросов, понижало ограничения.

Дефицит управленцев с довоенным стажем в первые годы после освобождения БССР от нацистской оккупации восполнялся главным образом людьми, принимавшими активное участие в партизанской и подпольной борьбе с фашистами, но в большинстве своем не имевшими необходимого управленческого опыта, организационных навыков работы в государственных органах власти и управления и применявшими в новых, мирных условиях методы военного времени. По мере прибытия из частей Советской армии и тыловых районов СССР людей с довоенным опытом руководящей работы в органах государственного управления партизанские кадры заменялись и переводились на другие участки работы (главным образом на хозяйственные). В связи с этим в БССР в первые послевоенные годы наблюдалась высокая интенсивность обновления состава председателей исполкомов. Ситуация стабилизировалась в начале 1950-х гг.: возросла доля лиц, работавших в своей должности более 5 лет (с 12,9 % на 1 июня 1946 г. до 33,6 % на 1 января

³⁸НАРБ. Ф. 4п. Оп. 109. Д. 32. Л. 2–2 об.

1953 г.), сократилась доля лиц со стажем до одного года (с 47,6 до 28,8 % соответственно)³⁹.

В послевоенное десятилетие различного рода политически мотивированные знаковые кадровые изменения в составе региональной номенклатуры («ленинградское дело», «мингрельское дело», «ульяновское дело», «карельское дело», «челябинское дело» и т. п.⁴⁰) не носили, как в 1937–1938 гг., характера массового явления, а во многом служили своеобразным предупреждением, ограничителем самостоятельности и своеволия для всех региональных руководителей и не оказали влияния на интенсивность сменяемости местных советских кадров в БССР.

На руководящие посты в местные структуры государственного аппарата управления стремились назначать уже проверенных на различных руководящих должностях коммунистов с довоенным стажем. В связи с этим формировался своеобразный возрастной стандарт, сохранившийся и в последующие десятилетия: для руководителей облисполкомов – более 45 лет, для руководителей районных и городских исполкомов – от 36 до 45 лет. Уровень образования играл роль лишь на средних ступенях

местной административной иерархии (для председателей районных и городских исполкомов), в отношении ее высшей ступени – председателей облисполкомов – главное значение по-прежнему имел опыт руководящей работы. За 1946–1952 гг. несколько возросли стаж работы на занимаемых должностях и общий стаж руководящей работы, повысился уровень образования у председателей районных и городских исполкомов, что позволило перейти на более высокие требования в подборе кадров (наличие специализированного высшего, технического или сельскохозяйственного, образования). Постоянно присутствовавшая в повестке дня в 1920–30-х гг. тема привлечения женщин к руководящей работе отошла в послевоенное десятилетие на задний план и ограничивалась общей формулировкой – «шире привлекать женщин к активной работе в политической, хозяйственной и культурной жизни». На всем протяжении исследуемого периода должности председателей исполкомов областных, городских и районных Советов депутатов трудящихся занимали исключительно мужчины, женщины в редких случаях возглавляли отделы исполкомов (главным образом районных и городских).

Библиографические ссылки

1. Лебин БД, Перфильев МН. *Кадры аппарата управления в СССР*. Ленинград: Наука; 1970. 252 с.
2. Леонова ЛС. *Исторический опыт КПСС по подготовке партийных кадров в партийных учебных заведениях, 1917–1975*. Москва: Издательство Московского университета; 1979. 284 с.
3. Пронин ИИ. *Руководящие кадры: подбор, расстановка и воспитание*. Москва: Мысль; 1981. 224 с.
4. Разумов ЕЗ. *Проблемы кадровой политики КПСС*. Москва: Политиздат; 1983. 193 с.
5. Люцко АВ. *Деятельность КПБ по подбору, воспитанию и расстановке руководящих кадров (1943–1945 гг.)*. Минск: Издательство БГУ имени В. И. Ленина; 1975. 160 с.
6. Люцко АВ. *Деятельность КПБ по подбору, воспитанию и расстановке руководящих кадров (1946–1950 гг.)*. Минск: Издательство БГУ имени В. И. Ленина; 1975. 174 с.
7. Tucker RC. *Political culture and leadership in Soviet Russia: from Lenin to Gorbachev*. Brighton: Wheatsheaf Books; 1987. 214 p.
8. Lane D, editor. *Elites and political power in the USSR*. Hampshire: Edward Elgar; 1988. 299 p.
9. Brown A, editor. *Political leadership in the Soviet Union*. Basingstoke: Macmillan; 1989. 245 p.
10. Мохов ВП. *Региональная политическая элита России (1945–1991 гг.)*. Пермь: Пермское книжное издательство; 2003. 240 с.
11. Чистиков АН. *Партийно-государственная бюрократия Северо-Запада Советской России 1920-х годов*. Санкт-Петербург: Европейский дом; 2007. 296 с.
12. Воробей АП. Основные тенденции формирования системы номенклатурных кадров в 1920-е гг. *Вестник Северного (Арктического) федерального университета*. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2012;2:5–11.
13. Карелин ЕГ. *Региональный механизм власти и управления Западной области Советской России (1917–1937 гг.)*. Москва: Политическая энциклопедия; 2014. 422 с.
14. Туфанов ЕВ. *Кадры региональных управленцев в 1920–1930-е гг.: становление и функционирование (на материалах Северного Кавказа)*. Ставрополь: ОООИД ТЭСЭРА; 2018. 206 с.
15. Коновалов АВ. *Партийная номенклатура Кузбасса в годы «послевоенного сталинизма» и «оттепели» (1945–1964)*. Кемерово: Скиф; 2005. 312 с.
16. Коновалов АВ. *Партийная номенклатура Сибири в системе региональной власти (1945–1991)*. Кемерово: Кузбассвуиздат; 2006. 635 с.
17. Касцюк МП. *Большавіцкая сістэма ўлады на Беларусі*. Мінск: Экаперспектыва; 2000. 307 с.
18. Протьюк ТС. *Становление советской тоталитарной системы в Беларуси (1917–1941 гг.)*. Минск: Тесей; 2002. 688 с.
19. Вялікі АФ. КПБ – «перадавы атрад» таталітарнай сістэмы. У: Анціпенка АІ, рэдактар. *Таталітарызм: курс лекцый*. Мінск: [б. в.]; 2007. с. 67–87.

³⁹НАРБ. Ф. 4п. Оп. 41. Д. 302. Л. 46 ; Там же. Оп. 109. Д. 32. Л. 107–111.

⁴⁰Денисов В. В., Квашонкин А. В., Малашенко Л. И. и др. ЦК ВКП(б) и региональные партийные комитеты... С. 185–316.

References

1. Lebin BD, Perfil'ev MN. *Kadry apparata upravleniya v SSSR* [Personnel of the management apparatus in the USSR]. Leningrad: Nauka; 1970. 252 p. Russian.
2. Leonova LS. *Istoricheskii opyt KPSS po podgotovke partiinykh kadrov v partiinykh uchebnykh zavedeniyakh, 1917–1975* [The historical experience of the CPSU in the training of party cadres in party educational institutions, 1917–1975]. Moscow: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta; 1979. 284 p. Russian.
3. Pronin II. *Rukovodyashchie kadry: podbor, rasstanovka i vospitanie* [Management personnel: selection, placement and education]. Moscow: Mysl'; 1981. 224 p. Russian.
4. Razumov EZ. *Problemy kadrovoi politiki KPSS* [Problems of the personnel policy of the CPSU]. Moscow: Politizdat; 1983. 193 p. Russian.
5. Lyutsko AV. *Deyatel'nost' KPB po podboru, vospitaniyu i rasstanovke rukovodyashchikh kadrov (1943–1945 gg.)* [The activity of the CPB on the selection, education and placement of senior personnel (1943–1945)]. Minsk: Izdatel'stvo Belorusskogo gosudarstvennogo universiteta imeni V. I. Lenina; 1973. 160 p. Russian.
6. Lyutsko AV. *Deyatel'nost' KPB po podboru, vospitaniyu i rasstanovke rukovodyashchikh kadrov (1946–1950 gg.)* [The activity of the CPB on the selection, education and placement of senior personnel (1946–1950)]. Minsk: Izdatel'stvo Belorusskogo gosudarstvennogo universiteta imeni V. I. Lenina; 1975. 174 p. Russian.
7. Tucker RC. *Political culture and leadership in Soviet Russia: from Lenin to Gorbachev*. Brighton: Wheatsheaf Books; 1987. 214 p.
8. Lane D, editor. *Elites and political power in the USSA*. Hampshire: Edward Elgar; 1988. 299 p.
9. Brown A, editor. *Political leadership in the Soviet Union*. Basingstoke: Macmillan; 1989. 245 p.
10. Mokhov VP. *Regional'naya politicheskaya elita Rossii (1945–1991 gg.)* [The regional political elite of Russia (1945–1991)]. Perm: Permskoe knizhnoe izdatel'stvo; 2003. 240 p.
11. Chistikov AN. *Partiino-gosudarstvennaya byurokratiya Severo-Zapada Sovetskoi Rossii 1920-kh godov* [The party-state bureaucracy of the North-West of Soviet Russia in the 1920s]. Saint Petersburg: Evropeiskii dom; 2007. 296 p. Russian.
12. Vorobey AP. The main trends of forming the system of executives in the 1920s. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*. 2012;2:5–11. Russian.
13. Karelin EG. *Regional'nyi mekhanizm vlasti i upravleniya Zapadnoi oblasti Sovetskoi Rossii (1917–1937 gg.)* [Regional mechanism of power and management of the Western region of Soviet Russia (1917–1937)]. Moscow: Politicheskaya entsiklopediya; 2014. 422 p. Russian.
14. Tufanov EV. *Kadry regional'nykh upravlentsev v 1920–1930-e gg.: stanovlenie i funktsionirovanie (na materialakh Severnogo Kavkaza)* [Cadres of regional managers in the 1920s and 1930s: formation and functioning (based on the materials of the North Caucasus)]. Stavropol: OOOID TESERA; 2018. 206 p. Russian.
15. Konovalov AB. *Partiinaya nomenklatura Kuzbassa v gody «poslevoennogo stalinizma» i «ottepeli» (1945–1964)* [The party nomenclature of Kuzbass in the years of «post-war Stalinism» and «thaw» (1945–1964)]. Kemerovo: Skif; 2005. 312 p. Russian.
16. Konovalov AB. *Partiinaya nomenklatura Sibiri v sisteme regional'noi vlasti (1945–1991)* [Party nomenclature of Siberia in the system of regional power (1945–1991)]. Kemerovo: Kuzbassvuzizdat; 2006. 635 p. Russian.
17. Kascjuk MP. *Bal'shavickaja sistjema wldy na Belarusi* [The Bolshevik system of state power in Belarus]. Minsk: Jekaperspektyva; 2000. 307 p. Belarusian.
18. Prot'ko TS. *Stanovlenie sovetskoi totalitarnoi sistemy v Belarusi (1917–1941 gg.)* [Formation of the Soviet totalitarian system in Belarus (1917–1941)]. Minsk: Tesei; 2002. 688 p. Russian.
19. Vjaliki AF. [KPB – the «vanguard» of the totalitarian system]. In: Ancipenka AI, editor. *Tatalitaryzm: kurs lekcyj* [Totalitarianism: a course of lectures]. Minsk: [s. n.]; 2007. p. 67–87. Belarusian.

Статья поступила в редколлегию 18.08.2021.
Received by editorial board 18.08.2021.

СОЗДАНИЕ КОМИ АВТОНОМИИ КАК РЕЗУЛЬТАТ НАЦИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ БОЛЬШЕВИКОВ

И. Л. ЖЕРЕБЦОВ¹⁾, И. И. ЛЕЙМАН²⁾

¹⁾Институт языка, литературы и истории Коми научного центра Уральского отделения РАН,
ул. Коммунистическая, 26, 167982, г. Сыктывкар, Россия

²⁾Институт гуманитарных наук Сыктывкарского государственного университета им. Питирима Сорокина,
ул. Катаева, 9, 167001, г. Сыктывкар, Россия

Рассматривается история создания Коми автономии. Отмечается, что в начале XX в. территория современной Республики Коми была разделена между четырьмя губерниями, но Усть-Сысольск воспринимался как неофициальный центр Коми края. В 1918 г. политический деятель Д. Я. Попов предложил провозгласить Коми автономию. Эта идея осуществилась в 1921 г., когда была образована Коми автономная область. Показано, что важнейший вклад в данный процесс внес Д. А. Батиев. Отмечено, что большинство коми политиков выступали за создание автономной республики, но Коми Автономная Советская Социалистическая Республика была образована только в 1936 г. Показано, что территория автономии неоднократно менялась.

Ключевые слова: Коми автономная область; национальная политика большевиков; национально-государственное строительство; Первая мировая война; Октябрьская революция.

СТВАРЭННЕ КОМІ АЎТАНОМІІ ЯК ВЫНІК НАЦЫЯНАЛЬНАЙ ПАЛІТЫКІ БАЛЬШАВІКОЎ

І. Л. ЖАРАБЦОЎ^{1*}, І. І. ЛЕЙМАН^{2*}

^{1*}Інстытут мовы, літаратуры і гісторыі Комі навуковага цэнтра Уральскага аддзялення РАН,
вул. Камуністычная, 26, 167982, г. Сыктывкар, Расія

^{2*}Інстытут гуманітарных навук Сыктывкарскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя Піцірыма Сарокіна,
вул. Катаева, 9, 167001, г. Сыктывкар, Расія

Разглядаецца гісторыя стварэння Комі аўтаноміі. Адзначаецца, што ў пачатку XX ст. тэрыторыя сучаснай Рэспублікі Комі была падзелена паміж чатырма губерніямі, але Усць-Сысольск успрымаўся як неафіцыйны цэнтр Комі края. У 1918 г. палітычны дзеяч Д. Я. Папоў прапанаваў абвясціць Комі аўтаномію. Гэта ідэя ажыццявілася ў 1921 г., калі была ўтворана Комі аўтаномная вобласць. Паказваецца, што важнейшую ролю ў дадзеным працэсе адыграў Д. А. Батцёў. Адзначаецца, што большасць комі палітыкаў выступалі за стварэнне аўтаномнай рэспублікі, але Комі Аўтаномная Савецкая Сацыялістычная Рэспубліка была заснавана толькі ў 1936 г. Паказваецца, што тэрыторыя аўтаноміі неаднаразова змянялася.

Ключавыя словы: Комі аўтаномная вобласць; нацыянальная палітыка бальшавікоў; нацыянальна-дзяржаўнае будаўніцтва; Першая сусветная вайна; Кастрычніцкая рэвалюцыя.

Образец цитирования:

Жеребцов ИЛ, Лейман ИИ. Создание Коми автономии как результат национальной политики большевиков. Журнал Белорусского государственного университета. История. 2021;4:44–53.
<https://doi.org/10.33581/2520-6338-2021-4-44-53>

For citation:

Zherebtsov IL, Lejman II. Creation of Komi Autonomy as a result of the national policy of the Bolsheviks. Journal of the Belarusian State University. History. 2021;4:44–53. Russian.
<https://doi.org/10.33581/2520-6338-2021-4-44-53>

Авторы:

Игорь Любимович Жеребцов – доктор исторических наук; директор.
Ирина Игоревна Лейман – кандидат исторических наук; заведующий кафедрой связей с общественностью и рекламы.

Authors:

Igor L. Zherebtsov, doctor of science (history); director. isaid@bk.ru
Irina I. Lejman, PhD (history); head of the department of public relations and advertising. irinalleyman@gmail.com

CREATION OF KOMI AUTONOMY AS A RESULT OF THE NATIONAL POLICY OF THE BOLSHEVIKS

I. L. ZHEREBTSOV^a, I. I. LEJMAN^b

^a*Institute of Language, Literature and History, Komi Science Centre, Ural Branch, Russian Academy of Sciences,
26 Kommunisticheskaya Street, Syktyvkar 167982, Russia*

^b*Institute of Humanities, Pitirim Sorokin Syktyvkar State University,
9 Kataeva Street, Syktyvkar 167001, Russia*

Corresponding author: I. L. Zherebtsov (isaid@bk.ru)

Basic aspects of history of creation of the Komi Autonomy are considered. It is noted that in the beginning of 20th century the territory of modern Republic of Komi was divided between four provinces, but Ust-Sysolsk was perceived as the informal centre of the Komi land. It is elucidated that in 1918 Komi politician D. Ya. Popov suggested to proclaim Komi Autonomy, and this idea was carried out in 1921 when the Komi Autonomous Region was formed. It is shown that D. A. Batiev made the major contribution to this process. It is noted that the majority of Komi politicians supported the creation of autonomous republic, but the Komi Autonomous Soviet Socialist Republic was formed only in 1936. It is revealed that the territory of the Komi Autonomy was repeatedly changed.

Keywords: Komi Autonomous Region; national policy of Bolsheviks; national-state building; World War I; October revolution.

Новая административная единица, Коми автономная область, появилась на карте Советской России 22 августа 1921 г. Это событие стало одним из эпизодов Октябрьской революции, начавшейся в феврале 1917 г. с разрушения системы власти единой и неделимой Российской империи и завершившейся в декабре 1922 г. созданием нового федеративного государства – Союза Советских Социалистических Республик.

Теме развития национально-государственного строительства на европейском северо-востоке России посвящено много исследований. Цель данной статьи – осветить основные аспекты образования Коми автономии в контексте национальной политики большевиков, а именно: показать, что идея создания автономии сформировалась в ходе революционных событий 1917–1918 гг. под влиянием активной пропаганды большевиками права наций на самоопределение; подчеркнуть, что над осуществлением этой идеи работали как региональные большевистские руководители, так и местная интеллигенция небольшевистской ориентации; отметить различные подходы коми политиков к реализации национальной политики большевиков; продемонстрировать, что высокая значимость официального статуса Коми в период формирования автономии снижалась по мере того, как руководство большевистской партии уходило от федеративных принципов формирования государства, провозглашенных декларациями ноября 1917 – января 1918 г. (свободный союз свободных наций, свободное самоопределение народов).

В поисках союзников в борьбе за власть руководимые В. И. Лениным большевики еще до Первой мировой войны решили обратиться к национальным меньшинствам, рассчитывая привлечь их к активным выступлениям против правящих кру-

гов Российской империи. Идея о праве народов, не имеющих своей национальной государственности, на самоопределение с 1903 г. присутствовала в программе РСДРП, в преддверии войны обосновывалась в работе В. И. Ленина «О праве наций на самоопределение», а позднее и в других его публикациях. Как показали дальнейшие события, расчет оказался верным, и развернувшиеся в регионах национальные движения в немалой степени способствовали победе большевиков.

Разумеется, сложно поставить знак равенства между национальными движениями в Финляндии, Польше, Беларуси, Украине и ряде других регионов Российской империи и тем, что происходило на европейском северо-востоке России – в обширном, но слабозаселенном и периферийном регионе, в силу чего игравшем в грандиозных событиях 1917–1922 гг. весьма скромную роль. Здесь, в частности в Коми крае, разделенном между четырьмя губерниями, в начале XX в. национальная элита еще только формировалась и осознание национальной особенности, значимости культурного своеобразия было присуще немногим личностям. Одним из них был писатель, ученый и просветитель К. Ф. Жаков, в многочисленных публикациях и выступлениях которого были сформулированы принципы программы национального возрождения коми народа. Неслучайно не только деятели культуры, просвещения и науки Коми, но и многие политики 1920-х гг. постоянно обращались к его трудам, считая их чрезвычайно важными и актуальными в эпоху становления национальной государственности Коми [1].

Однако даже те местные деятели, которые «еще в 1903–1905 годах... осознали необходимость культурно-национального самоопределения коми народа, коми автономии» [2, с. 13] и позднее принимали активнейшее участие в национальном движении,

в предвоенный период сомневались в реализуемости идей К. Ф. Жакова. Например, А. А. Чеусов в 1911 г. заявлял: «Для коми, зырян, нет почвы ни для квасного зырянского патриотизма, ни для культурно-национального так называемого самоопределения, по меньшей мере в переживаемое время» [2, с. 7].

Большую роль в этом скептицизме играло осознание сильнейшей русификации общественной и культурной жизни края. Если в быту население говорило на коми языке, то в сфере образования, а также дело- и судопроизводства использовался русский язык. При написании литературных произведений, постановке любительских спектаклей русским языком пользовались немногочисленные представители национальной интеллигенции, часть которой намеренно старалась искоренить в себе национальные черты традиционной культуры и языка.

Тем не менее, несмотря на административную разобщенность этнической территории Коми, отдельные местные земские и общественные деятели стали осознавать себя представителями особого народа коми (зырян), имеющего свою специфику культурного и исторического развития. Это заложило основу для появления в недалеком будущем политиков, формулировавших идеи создания национальной государственности Коми. Наиболее ярко это проявилось в Усть-Сысольском уезде, абсолютное большинство жителей которого составляли коми. Этническое своеобразие города и уезда признавалось и на региональном уровне. Неофициальный титул столицы Зырянского края прочно закрепился за Усть-Сысольском. Характерно, например, сообщение одной из вологодских газет о мероприятиях по случаю 300-летия Дома Романовых в 1913 г.: «Юбилейные торжества... в столице Зырянши прошли очень шумно» [3, с. 5].

До 1918 г. пропаганда большевистских взглядов (включая национальные) в регионе практически не велась. Об этом позднее сообщали сами руководители местных партийных организаций. В докладе Яренского уездного комитета РКП(б) от 19 марта 1919 г. говорилось: «Организационная и агитационная работа [коммунистов] началась вестись только в сентябре 1918 года... До сентября наша деревня знала о коммунистах только понаслышке» [4, с. 32]. Сходное положение было и в других частях Коми края. Популярнее в регионе была партия социалистов-революционеров, программа которой также предусматривала право наций на самоопределение, однако и ее влияние в этом вопросе на местных жителей в 1917 г. было незначительным.

Ситуация стала меняться во второй половине 1917 г. по мере укрепления позиций крайне левых партий и активизации их пропагандистской работы в регионах, включая Коми край, и армии. Идея автономии для зырян стала проникать в умы, особен-

но после того, как захватившие власть большевики обнародовали в ноябре 1917 г. Декларацию прав народов России, предусматривавшую право народов России на свободное самоопределение, вплоть до отделения и образования самостоятельного государства, их равенство, отмену всех национальных привилегий и ограничений, свободное развитие национальных меньшинств и этнографических групп [5; 6].

В январе 1918 г. идея Коми автономии была вынесена на обсуждение вновь созданного высшего органа власти Усть-Сысольского уезда – уездного Совета рабочих, крестьянских и солдатских депутатов. К этому времени III Всероссийский съезд Советов принял Декларацию прав трудящегося и эксплуатируемого народа (позднее стала частью первой Конституции РСФСР), которая гласила, что РСФСР является федерацией советских национальных республик, учрежденной на основе свободного союза свободных наций. Вероятно, принятие этой декларации подтолкнуло одного из известнейших коми политиков начала XX в. Д. Я. Попова (постепенно эволюционировавшего от кадетов до эсеров, а затем до сочувствующих большевикам) заявить о чрезвычайной важности автономии для Коми. Так была сформулирована первая программа создания автономии Коми в составе России [7].

Разгоревшаяся борьба за власть в России и на местах между различными политическими силами привела к тому, что проекты государственного строительства, создания автономии перестали разрабатываться, если, конечно, не считать таковым отвергнутое красными предложение командующего троцкиско-печорской группировкой белых войск капитана В. Шульгина о создании в феврале 1920 г. в верховьях Печоры и Вычегды так называемой печорской республики, руководители которой назначались бы на основе всеобщего избирательного права [4].

К проектам автономии Коми вернулись только во второй половине 1920 г., когда власть коммунистов в России окончательно укрепилась. Еще раз отметим существенную роль национальной политики большевиков в этом процессе. Декларирование ими признания независимости Польши, Украины, Беларуси, Финляндии, прибалтийских стран, создание в 1918–1919 гг. автономных образований в Поволжье (Башкирской АССР и Трудовой коммуны немцев Поволжья), обещание предоставить автономию другим народам способствовали тому, что несоветские национальные движения отказали в поддержке противникам большевиков, выступавшим против права на самоопределение (в лучшем случае откладывая решение этого вопроса) [8].

Отметим, что большевизация власти привела лишь к временному отходу небольшевистских деятелей, занимавшихся в той или иной мере

вопросами государственности Коми, от участия во властных структурах региона. По прошествии времени бывшие социалисты-революционеры, автономисты, беспартийные демократы стали тесно сотрудничать с большевиками. Некоторые из них примкнули к коммунистам. Этому способствовали слабые различия между существовавшими в Коми крае политическими партиями. Часто принадлежность к той или иной партии (в том числе к коммунистической) лишь декларировалась, реального понимания программных задач партии у местных ячеек, как правило, не было. Установились неплохие деловые контакты между пришедшими к власти людьми, именовавшими себя коммунистами, и местной интеллигенцией (особенно учителями), чьи политические взгляды были ближе эсеровским.

И дело не только в Декларации прав народов России и других, связанных с национальной политикой программных документах коммунистической власти, которым обязаны были следовать партийные и советские руководители на местах. В специфических условиях Коми близкий интеллигенции лозунг развития национальной культуры и связанная с ним идея автономии воспринимались местными большевиками как социальный лозунг развития народной культуры в противовес дореволюционной русификаторской образовательной и культурной политике самодержавия. Поэтому не вполне отчетливые политические устремления коми коммунистов (большинство которых имели смутные представления о задачах своей партии) находили выражение не только в слове старого политического и экономического механизма, но и в работе по реорганизации народного просвещения, помыслах об автономии (вначале культурной, а затем и политической). Организовать и квалифицированно руководить такой работой могла только местная интеллигенция.

Можно сказать, что интеллигенты Коми, ставшие политическими или культурными деятелями, в 1918–1919 гг. составляли в известной мере общий круг, занимавшийся вопросами культуры и политики. Неслучайно, например, В. А. Савин был не только поэтом, драматургом, композитором, но и одним из руководителей Усть-сысольской организации коммунистов и Усть-сысольской чрезвычайной комиссии, а политики Д. А. Батиев и Я. Ф. Потапов возглавляли Общество изучения Коми края. В то сложное время многие представители местной национальной интеллигенции обратили взоры к большевикам именно потому, что после захвата коммунистами власти ускоренными темпами стала осуществляться реформа системы образования и создаваться национальная школа Коми.

Коммунистические лидеры и представители интеллигенции (в основном из сферы образования) возглавили работу по созданию автономии. Нача-

лась подготовка к созыву Всезырянского съезда, на котором предполагалось обсудить проблему объединения коми (зырян) в одно целое в культурном и экономическом отношениях. В докладе, представленном в Наркомат по делам национальностей РСФСР (далее – наркомнац), Совет народных комиссаров РСФСР и Президиум ВЦИК, заведующий Зырянским отделом наркомнаца Д. А. Батиев писал: «Советская власть не может мыслить как людей, так и целые нации в разных условиях жизни... один не может жить в удобстве, а другой в кабале – это вывод из самого существа пролетарской революции» [5, с. 24]. Создание автономного правительства позволит лучше организовать народное хозяйство, снабжение народа Коми всем необходимым. Языковая и культурная близость местного правительства и населения, по его словам, гарантировала бы доверие и симпатию избирателей к руководству автономии. Национальное правительство, подчеркивал Д. А. Батиев, должно в полной мере обладать правами в развитии культуры и народного хозяйства [9, с. 14]. Составленный Д. А. Батиевым проект постановления об образовании Автономной Зырянской Советской Социалистической Республики, как предполагают исследователи, основывался на том опыте национально-государственного строительства, который имела Советская Россия к концу 1920 г. Кроме упоминавшихся автономных образований, в ее составе были созданы Карельская трудовая коммуна, Татарская и Киргизская АССР, Вотская, Чувашская, Марийская и Калмыцкая автономные области. Возможно, учитывались и дискуссии, связанные с образованием в 1920 г. Азербайджанской ССР. В представлении Д. А. Батиева республика зырян должна была обладать довольно широкими полномочиями [5, с. 37].

Политик продвигал идею создания буферной республики, которая ограждала бы РСФСР от нападения возможных интервентов с Севера. Примером для Д. А. Батиева послужила образованная в 1920 г. буферная Дальневосточная республика (ДВР), которая, по задумке советских лидеров, была призвана ограждать РСФСР от нападения врагов (японцев) с Востока. Правда, два года своего существования ДВР формально была независимым государством (ее, впрочем, признала только РСФСР) с демократическим (не с советским социалистическим) устройством. Д. А. Батиев предлагал создавать Коми именно как советскую социалистическую республику в составе РСФСР. Но, как и ДВР, республика зырян должна была иметь свою национальную армию, состоящую из одного корпуса (подчиненную, правда, Революционному военному совету РСФСР), и полное право самостоятельно распоряжаться своими природными богатствами [10]. Учитывая, что ДВР считалась отдельной страной, невольно закрадывается мысль о том, что Д. А. Батиев, говоривший о республике в составе РСФСР, на самом

деле тайно мечтал хотя бы о формально отдельном государстве для Коми. Не поэтому ли в представленном им проекте создания республики отсутствовало слово «автономная»?

Идею автономии Коми приняли далеко не все. Власти губерний, в состав которых входили населенные коми народом территории, считали, что никакая автономия местным жителям не нужна. Только под давлением центральной власти губернские лидеры вынуждены были дать согласие на передачу части территорий своих губерний в состав автономии, да и то из всех сил старались отдать как можно меньше площади.

Единодушие среди политиков Коми тоже не было. Противники автономии присутствовали и среди участников состоявшегося в январе 1921 г. в Усть-Сысольске I Всезырянского съезда коммунистов, на котором обсуждался вопрос об автономии Коми. Один из них, А. В. Нахлупин, сказал: «В нашей коммунистической среде... имеются националистические тенденции. <...> Коммунисты – сторонники автономии... попали под влияние националистов беспартийных. <...> У нас нет литературы, литературного языка и своей культуры, и говорить о возрождении смешно»¹. В конечном итоге съезд коммунистов высказался за создание Коми Советской Социалистической Республики в составе РСФСР, но идею о зырянской армии и некоторые другие предложения Д. А. Батиева отверг.

Но дело не только в сторонниках и противниках. В составе коллектива, который стоял у истоков создания Коми автономии, можно (разумеется, с долей условности) выделить «романтиков» и «прагматиков», диалог (порой споры, где рождалась истина) между которыми позволил добиться определенных результатов. На наш взгляд, одинаковые подходы, идеи, интересы, будь они присущи названным деятелям в то переломное время, не позволили бы им стать отцами-основателями автономии. В тот сложный период необходима была система противовесов, которая позволила бы сохранить Коми край, существовавшие в нем органы власти и управления, политические организации в состоянии равновесия, обеспечить постепенную реализацию идей создания государственности Коми. Стоило ослабить систему противовесов, допустить крен в какую-либо сторону – и могли возникнуть проблемы.

«Романтиком» дискуссии об автономии, несомненно, был Д. А. Батиев. Наверное, все его идеи, связанные с различными экономическими и культурными проектами (включавшими, помимо всего прочего, издание журнала на французском языке, чтобы о Коми могли читать в Европе, и мощное развитие пчеловодства в республике), имели под собой

основу и были нацелены на всестороннее развитие государственности Коми. Без этих идей (порой расценивавшихся более прагматичными коллегами Д. А. Батиева как полуфантастические), наверное, не состоялось бы столь решительного прорыва в строительстве автономии. Но, как и все «романтики», Д. А. Батиев не мог полностью оценить ситуацию, диктовавшую необходимость ограничения политических и экономических планов. «Прагматики» из руководства формировавшейся Коми автономии (Я. Ф. Потапов, Д. И. Селиванов и др.) стремились по мере сил корректировать деятельность Д. А. Батиева, но это далеко не всегда удавалось, к слову сказать, не всегда было действительно нужно.

Нарком по делам национальностей И. В. Сталин считал, что коми-зыряне еще не дозрели до уровня республики в силу недостаточной развитости промышленности и транспорта, да и с учебными заведениями, дававшими образование выше среднего, было весьма туго. Он не поддерживал идею о большой самостоятельности национальных регионов. Неслучайно при обсуждении вопроса о создании единого Советского государства он предлагал вариант вхождения Украины и прочих национальных республик в состав РСФСР в качестве автономных, а не объединение их в союз на равных правах. На заседании Совета национальностей при наркомнаце 25 апреля 1921 г. И. В. Сталин высказался за создание именно автономной области Коми. Почти все присутствовавшие поддержали его, и только Д. А. Батиев придерживался особого мнения и отстаивал выделение коми народа в автономную республику. Но вопрос был решен не в его пользу. Однако саму идею создания национально-государственной единицы для коми будущей отец народов одобрил и через наркомнац провел. Президиум ВЦИК особое мнение Д. А. Батиева во внимание не принял и 5 мая 1921 г. постановил образовать Коми автономную область².

Заметим, что наркомнац и Президиум ВЦИК, отвергнув предложение представителей коми народа о создании республики и разрешив учредить автономное образование более низкого уровня (автономную область), фактически нарушили положения Декларации прав народов России, предусматривавшей, как уже отмечалось, равенство всех народов России и их (народов, а не наркомнаца и Президиума ВЦИК) право свободно самоопределяться и выбирать форму своего национально-государственного образования. Можно дискутировать о том, насколько это решение российских властей соответствовало действовавшей Конституции РСФСР 1918 г., провозглашавшей свободный (а не навязанный сверху) союз свободных

¹Образование Коми автономной области : сб. док. Сыктывкар, 1981. С. 70.

²Образование Коми автономной области : сб. док. Сыктывкар, 1971. С. 93, 95.

наций в качестве основы федеративного советского государства. Однако очевидно, что в условиях стабилизации внутривнутриполитической обстановки в стране после гражданской войны национальная политика большевиков стала меняться. На смену декларируемому ранее принципу свободы и равенства всех народов России пришел принцип ранжирования народов: в зависимости от тех или иных условий (определяемых наркомнацем, а то и лично наркомом) за определенным народом признавалось право на получение более высокого статуса (автономной республики) в структуре федерации, а иному присваивался более низкий статус (автономной области). Таким образом, одни российские народы становились «равнее» других.

После постановления Президиума ВЦИК Д. А. Батиев приложил все силы для того, чтобы Коми автономная область была как можно более обширна. Он настаивал на включении в Коми область всего Прикамья, всей р. Печоры, островов Новая Земля, Вайгача, Колгуева и даже архипелага Шпицбергена, побережья Северного Ледовитого океана с Чёшской и Карской губами, Глазовского уезда Вятской губернии. Наконец 22 августа 1921 г. был подписан декрет ВЦИК «Об автономной области Коми (Зырян)», в котором территория области была, однако, совсем не столь обширной, как хотел Д. А. Батиев. Тем не менее впервые в истории почти вся территория, населенная коми-зырянами, была объединена в рамках одной административно-территориальной единицы. Так, 27 августа 1921 г. появился приказ № 1 Революционного комитета Коми (временного органа) о вступлении его в управление Коми автономной областью. Его председателем (первым руководителем автономии) стал Д. И. Селиванов. Областных коммунистов возглавлял Я. Ф. Потапов. Формирование органов власти Коми автономии завершилось в 1922 г. [10].

Насколько оправданно принимать за точку отсчета существования национальной государственности того или иного народа создание автономной области (автономного округа)? Возможно, автономная область являлась лишь административно-территориальной единицей (хотя и имевшей особый этнический состав населения с присущими ему чертами культуры, быта и хозяйствования), а о государственности надлежит говорить только после образования автономной республики? Конечно, Коми автономная область, как и созданные до нее Вотская (Удмуртская), Калмыцкая и Марийская автономные области, не имела своей конституции, гражданства, не провозглашалась государством. Эти атрибуты появились только с созданием Коми АССР. Исполнительные комитеты (руководящие органы) автономных областей функционировали на тех же правах, что и исполкомы губерний, не характеризовавшихся национально-культурным

своеобразием. Вместе с тем автономные области, в отличие от губерний, обладали правом принятия положения об автономной области. Это, разумеется, далеко не конституция, но все же особый конституционный акт. К сожалению, данное право реализовано не было, возможно, в силу того, что руководство Коми автономной области в течение 1920-х гг. активно выступало за преобразование области в автономную республику и вело работу по созданию республиканской конституции, не считая нужным тратить силы на областное положение. Только после того как в 1930 г. мечты о создании АССР были окончательно похоронены с созданием Северного края и включением Коми автономной области в его состав, областные власти занялись разработкой положения об автономной области. Проект был подготовлен в 1931 г., однако в условиях разгоравшейся борьбы с национал-шовинизмом принят не был [5, с. 47].

Но даже в отсутствие положения автономная область обладала своей национальной территорией, органы власти автономии реализовывали свои властные полномочия, проводили политику зыряннизации, включая расширение социальных функций коми языка, ускоренное развитие национальной культуры, подготовку национальных кадров и, что весьма важно, активнейшую пропаганду идеи национального своеобразия коми народа, значимости сохранения его самобытности, культурных традиций. Автономная область – это не просто структура территориального самоуправления (как уезд или губерния), а структура самоуправления на этнической территории народа, организованная с учетом национального состава населения. С созданием Коми автономной области впервые территория, на которой сформировался и на протяжении многих веков проживал коми народ, была объединена в рамках одной административно-территориальной единицы, представлявшей собой пусть еще не национальное государство, но национально-территориальное образование с некоторыми элементами государственности. В организации Коми автономной области как формы национально-территориальной автономии нашло выражение право народов на самоопределение [11].

Дальнейшее развитие Коми автономной области в середине 1920-х гг. происходило под руководством «прагматиков», но отошедший от непосредственного участия в органах власти Д. А. Батиев продолжал развивать в печати свои идеи, отражавшие умонастроения довольно широких слоев населения и потому оказывавшие определенное воздействие на политических руководителей области. На наш взгляд, именно в той мере, в какой удалось найти баланс подходов, идей, интересов (не личных, разумеется, а общественных) между Д. А. Батиевым, с одной стороны, и Я. Ф. Потаповым и Д. И. Селивановым,

с другой, в деле развития государственности Коми был достигнут успех.

Несколько лет продолжалась борьба за расширение границ автономии. В 1920-х гг. коми политики пытались добиться включения в состав области низовьев р. Печоры (где сейчас, в частности, расположен г. Нарьян-Мар), доказывая, что для быстрого экономического развития жизненно необходим выход к морю через ее устье. Кроме того, они настаивали на присоединении к автономии Тиманской тундры, западнее р. Печоры, с р. Индигой, в практически не замерзающем устье которой планировалось построить для Коми области морской порт, железную дорогу. В 1922 г. Коми облисполкому даже удалось добиться положительного решения Президиума ВЦИК на сей счет, но менее чем через три месяца оно было отменено. В 1929 г. с созданием Ненецкого национального округа автономия была отрезана от побережья Северного Ледовитого океана, зато в ее состав вошла территория нынешнего Усть-Цилемского района с русским населением. Менялись, причем неоднократно, и другие границы.

Создание автономной области стало лишь первым этапом формирования государственности коми народа. Предстояло образовать государственные, экономические и общественные структуры, способные обеспечить реализацию прав народа, его социальный прогресс. Необходимо было организовать управление огромной территорией. Почтовые отправления внутри автономии нередко шли два-три месяца, отсутствовала телеграфная связь между Усть-Сысольском и Москвой. Не хватало средств для организации административно-управленческого аппарата. Череда социальных потрясений привела и без того слаборазвитое хозяйство края в полное расстройство [12].

Абсолютное большинство жителей области занимались сельским хозяйством и промыслами, но коми лидеры понимали, что надо взять курс на индустриализацию. Коми крестьяне издавна занимались лесозаготовками, поскольку одним сельским хозяйством прокормиться было крайне сложно. Этот опыт и планировали использовать руководители автономии, задумав создать на юге области предприятия лесной промышленности. Добровольных рабочих не хватало. С конца 1920-х гг. крестьян стали обязывать работать на лесозаготовках, а тех, кто не выполнял задание, объявляли вредителями. Но и этого было недостаточно, тем более что требовалась рабочая сила для строительства железных дорог, разработки месторождений нефти и угля.

Ставка была сделана на принудительный труд спецпереселенцев и заключенных. Еще 20 апреля 1921 г. Политбюро ЦК РКП(б) под председательством В. И. Ленина приняло решение организовать

на р. Ухте исправительный лагерь на 10–20 тыс. человек [13]. По данным историка О. Ю. Кузивановой, в конце апреля 1921 г. Политбюро ЦК РКП(б) заслушало доклад Председателя ВЧК Ф. Э. Дзержинского о плане расселения кронштадтских бандитских матросов в карательной колонии на р. Ухте. Д. А. Батиев стал членом комиссии по организации ухтинского лагеря, образованной при ВЧК. Создание лагеря, однако, затянулось до 1929 г., когда сам Д. А. Батиев оказался одним из первых кандидатов в его узники... В 1929 г. на р. Ухте высадились группа заключенных, положившая начало Ухтинско-Печорскому исправительно-трудовому лагерю. Начались поиски нефти и угля, и уже на следующий год на р. Ухте получили первую нефть, еще год спустя заложили угольную шахту у будущего г. Воркуты. Заключенные работали в шахтах, строили железные дороги, заготавливали лес. Лагерная сеть покрыла огромную территорию [14]. На лесозаготовку из центральных районов России, Беларуси, Украины привезли тысячи лишенных почти всего имущества крестьян-спецпереселенцев [15].

Быстрые темпы экономического развития региона были достигнуты огромным перенапряжением сил всего народа. Сложившаяся в стране политическая система, опираясь на жесткие методы управления, смогла мобилизовать ресурсы для решения государственных задач. Но при этом гражданин страны, человек стал восприниматься не как личность, обладающая правом самостоятельно распоряжаться собственной судьбой, а как безымянный, бездушный винтик огромного механизма.

Национальная политика РКП(б) первых после-революционных лет, предоставление коми народу автономии дали невиданные ранее возможности для развития национальной культуры. Усилиями коми интеллигенции при активном участии и поддержке органов власти были сделаны важные шаги в создании и развитии театра, литературы, искусства, музейного, библиотечного и архивного дела, книгоиздания, средств массовой информации, национальной школы, высшего образования и науки. Целенаправленно проводился курс на внедрение коми языка (получившего в автономии статус государственного) в сферу культуры и образования, деловую и общественную жизнь.

Были созданы учебники и учебные пособия на коми языке, подготовлены учителя, сформировалась национальная школа, в которой обучение велось на коми языке. Необходимо было разработать нормы единого литературного языка, и из этих практических нужд стремительно выросло научное коми языкознание. Было положено начало глубокому изучению фольклора, этнографии, литературы, истории Коми.

Появилось издательство, которое выпускало на родном языке абсолютного большинства

жителей автономии разнообразную художественную (оригинальную и переведенную с русского языка), учебную, отраслевую и общественно-политическую литературу. Стали издаваться комиязычные газеты и литературно-художественные журналы. В конце 1930-х гг. две трети газет издавались на коми языке. В 1931 г. в Коми области началась трансляция комиязычных радиопередач, в эфире впервые прозвучали слова диктора «Сёрнита Сыктывкар» («Говорит Сыктывкар»).

Вульгарная политизация вопросов национально-культурного строительства в 1930-х гг. нанесла культуре Коми тяжелый удар. На рубеже 1920–30-х гг. началась борьба с националистической и кулацкой идеологией. Было объявлено, что литература, наука, искусство являются полем битвы между пролетарской и буржуазной культурой. Очень тяжелым для местной интеллигенции был 1930 г. Деятели культуры обвинялись в том, что «принялись за создание некой самобытной коми культуры, превращавшейся на самом деле в орудие борьбы коми буржуазии против социалистического строительства», заявлялось, что «в плен националистических идей попала почти вся коми художественная литература» [16, с. 142–143]. Требование классового, материалистического подхода предъявлялось к науке и образованию. Боролись с формалистами-идеалистами, националистическим уклоном и кулацкой идеологией в языкознании, этнографии, истории, краеведении. Под клинком марксистско-ленинского анализа со страниц местной печати призывали заново пересмотреть все творческое наследие дореволюционной и советской коми интеллигенции, многие представители которой были репрессированы. Боясь репрессий, молодая национальная интеллигенция уезжала из Коми, разъезжалась по стране. Коми язык постепенно начал терять статус государственного, делопроизводство вновь стало вестись только на русском языке.

Д. И. Селиванов, Е. М. Мишарин, И. Г. Коюшев, Ф. Г. Тараканов и многие другие руководители Коми автономной области 1920-х – первой половины 1930-х гг. считали своим долгом отстаивать идею республики. Возможно, на продолжение активной борьбы руководства Коми за создание автономной республики повлияли итоги дискуссии 1922 г. о сталинском плане автономизации, в результате которой было принято решение, что Беларусь, Украина и Закавказье не входят в состав РСФСР на правах автономных республик (как предлагал И. В. Сталин), а создают на равных с Россией правах новое государство – Союз Советских Социалистических

Республик. Может быть, руководители автономии решили, что раз одно предложение И. В. Сталина по национальному вопросу отвергнуто, то будет пересмотрено и его прежнее решение относительно статуса Коми.

Борьба руководящих органов Коми автономной области за повышение статуса своего национального образования до поры до времени не противоречила национальной политике большевистской партии. Конституция РСФСР 1925 г. в своем первоначальном виде декларировала право отдельных национальностей «на выделение, по решению их съездов советов... в автономные советские социалистические республики и области» (ст. 13). Однако реализовать это право можно было теперь только «с утверждения верховных органов Российской Социалистической Федеративной Советской Республики»³.

В 1929 г. с включением Коми автономной области в состав вновь созданного Северного края автономия оказалась подчинена не напрямую руководству РСФСР, а властям этого обширного региона с центром в г. Архангельске. И это еще один яркий показатель изменения национальной политики большевистской партии, все дальше уходившей от принципа самоопределения народов. Мнение руководящих органов Коми, на протяжении нескольких лет выступавших против включения автономии в состав Северного края, учтено не было, а особенно активно протестовавших региональных лидеров сняли с постов. Показательно, что именно в 1929 г. из новой редакции Конституции РСФСР исчез упоминавшийся ранее пункт о праве национальностей предлагать свое выделение в область или республику. Отныне ст. 13 провозглашала, что РСФСР, «признавая право всех наций на самоопределение вплоть до отделения», никакого отделения наций от Советской России не предусматривает, а, напротив, объединяется с ними путем образования в своем составе национальных автономных республик и областей. «Исходя из твердо выраженной воли трудящихся отдельных национальностей», населяющих РСФСР, к оформлению своего государственного бытия в ее составе⁴, можно было прийти к отчетливому пониманию того, что бытие это оформляется навсегда.

С подчинением г. Архангельску статус Коми автономной области снизился, но это было уже не принципиально. Полномочия для принятия любых важных решений в политике, экономике, культуре (включая перевод, впрочем временный, коми языка на латинскую графику в ожидании грядущего сближения наций после победы мировой революции

³Конституция РСФСР 1925 г. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.rusempire.ru/sss/konstitutsiya-rsfsr/1198-konstitutsiya-rsfsr-1925-g.html> (дата обращения: 24.09.2021).

⁴Конституция (Основной Закон) Российской Социалистической Федеративной Советской Республики (утверждена постановлением XII Всероссийского съезда Советов от 11 мая 1925 г.) [Электронный ресурс]. URL: https://constitution.garant.ru/history/ussr-rsfsr/1925/red_1925/5508614/chapter/ (дата обращения: 24.09.2021).

и торжества коммунизма) ускоренными темпами перетекали из автономий в столицу, а местным национальным элитам доставалось лишь бремя ответственности за принятые не ими решения.

С принятием новой Конституции СССР, 5 декабря 1936 г., область была преобразована в Коми Автономную Советскую Социалистическую Республику, вышла из состава Северного края и избавилась от подчинения г. Архангельску. Но это событие не имело былого значения. Права на распоряжение природными богатствами республики принадлежали не ее жителям и даже не ее руководству, а находившимся в далекой Москве министерствам и ведомствам. К этому времени национальная политика правящей партии ориентировалась, можно сказать, исключительно «на экспорт»: единственным смыслом сохранения и даже повышения формального статуса различных национальных образований в СССР была идеологическая, а точнее, пропагандистская работа с зарубежными национальными движениями. Большие и малые народы СССР своим союзным или автономным статусом были призваны олицетворять, рекламировать расцвет наций и народностей при социализме.

Надежды отцов-основателей Коми автономии на то, что повышение ее статуса до уровня республики позволит местному руководству принимать более самостоятельные решения, ориентированные на более гармоничное развитие края с учетом разнообразных потребностей населения, оказались тщетны. Но нельзя не признать, что разнообразие их взглядов в сочетании с умением находить точки соприкосновения, позволило обеспечить в сложнейший в истории страны период 1917–1922 гг. успех движения за создание национальной государственности Коми, а затем, в 1920-х гг., ускоренное развитие образо-

вания, культуры, науки, экономики в регионе. При всех различиях эти люди были коллективом единомышленников в главном деле. Общей оказалась и их судьба. За исключением скончавшегося вскоре после создания Коми автономной области Д. Я. Попова все остальные упомянутые личности в 1930-х гг. были репрессированы по обвинению в буржуазном национализме.

Таким образом, кризис политической системы Российской империи значительно активизировал национальное движение даже в таком окраинном и слабо политизированном регионе, как Коми край. Развернутая большевиками активная пропаганда права наций на самоопределение нашла отклик у ряда коми политиков, придерживавшихся левых взглядов. Практическое воплощение в жизнь выдвинутой тогда идеи создания Коми автономии было реализовано только после окончания гражданской войны укрепившимися у власти коммунистами в союзе с национальной интеллигенцией в результате острых дискуссий. Статус полученной коми народом автономии первоначально оказался ниже, чем этого добивались ее организаторы, поскольку большевистские руководители по мере укрепления своей власти стали постепенно отходить от декларируемых ими ранее принципов права народов на самоопределение. В последующие годы национальная политика партии большевиков продолжала неуклонно меняться в сторону дальнейшего отхода от декларируемых в 1917–1918 гг. принципов сокращения прав автономных образований и усиления центральной власти. Желаемый республиканский статус был получен коми народом только тогда, когда стал формальным, поскольку национальная политика ВКП(б) привела к превращению Советского государства фактически в унитарное.

Библиографические ссылки

1. Жеребцов ИЛ. Создавая всемирную сказку. В: Жаков КФ. *Утверждение истины*. Сыктывкар: Институт языка, литературы и истории Коми научного центра Уральского отделения РАН; 2012. с. 53–66.
2. Жеребцов ИЛ, Таскаев МВ. *Первые коми политики*. Сыктывкар: Институт языка, литературы и истории Коми научного центра Уральского отделения РАН; 2007. 136 с.
3. Жеребцов ИЛ, Таскаев МВ. *Коми национальное движение: от эсеров до наших дней*. Сыктывкар: Институт языка, литературы и истории Коми научного центра Уральского отделения РАН; 2016. 88 с.
4. Жеребцов ИЛ, Таскаев МВ. *Черные годы. Революция и гражданская война в Коми крае. 1917–1921*. Сыктывкар: Покаяние; 2001. 320 с.
5. Кузиванова ОЮ, Попов АА, Сметанин АФ. *В начале пути*. Сыктывкар: Институт языка, литературы и истории Коми научного центра Уральского отделения РАН; 1996. 198 с.
6. Меньковский ВИ, Жеребцов ИЛ, Шмигель М. Российская революция (1917 г.). В: Меньковский ВИ, Яновский ОА, Сергеев ВВ, редакторы. *История России и Украины (XX – начало XXI в.). Часть 2*. Минск: БГУ; 2020. с. 7–22.
7. Жеребцов ИЛ, Таскаев МВ. Национальное движение в Коми крае в годы Первой мировой войны. *Журнал Белорусского государственного университета. История*. 2018;3:23–30.
8. Меньковский ВИ, Жеребцов ИЛ, Шмигель М. Россия и Украина в годы гражданской войны (1918–1920 гг.). В: Меньковский ВИ, Яновский ОА, Сергеев ВВ, редакторы. *История России и Украины (XX – начало XXI в.). Часть 2*. Минск: БГУ; 2020. с. 23–42.
9. Таскаев МВ, Жеребцов ИЛ, Полещиков ВМ. *Дмитрий Батиев – создатель Коми автономии*. Сыктывкар: Институт языка, литературы и истории Коми научного центра Уральского отделения РАН; 2019. 223 с.
10. Жеребцов ИЛ. Коми: от области к республике. *Известия Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук*. 2016;3(27):15–22.

11. Жеребцов ИЛ, Попов АА, Сметанин АФ, редакторы. *История Коми с древнейших времен до современности. Том 2.* Сыктывкар: Институт языка, литературы и истории Коми научного центра Уральского отделения РАН; 2011. 688 с.
12. Жеребцов ИЛ. Республика Коми: путь к национальной государственности. В: Хлынина ТП. *In Memoriam.* Ростов-на-Дону: Издательство ЮНЦ РАН; 2017. с. 257–268.
13. Волкогонов ДА. *Ленин. Том 1.* Москва: Новости; 1994. 480 с.
14. Жеребцов ИЛ, Максимова ЛА, Игнатова НМ, Сметанин АФ, Таскаев МВ. *Очерки по истории политических репрессий в Коми.* Сыктывкар: Покаяние; 2006. 242 с.
15. Жеребцов ИЛ, Рожкин ЕН, Лейман ИИ. Белорусы в Республике Коми. *Журнал Белорусского государственного университета. История.* 2018;2:82–93.
16. Жеребцов ИЛ, составитель. *Историко-культурное достояние Республики Коми (научно-популярные очерки).* Сыктывкар: Институт языка, литературы и истории Коми научного центра Уральского отделения РАН; 2021. 287 с.

References

1. Zherebtsov IL. [Creating a world fairy tale]. In: Zhakov KF. *Utverzhdenie istiny* [Affirmation of truth]. Syktyvkar: Syktyvkar: Institut yazyka, literatury i istorii Komi nauchnogo tsentra Ural'skogo otdeleniya Rossiiskoi akademii nauk; 2012. p. 53–66. Russian.
2. Zherebtsov IL, Taskaev MV. *Pervye komi politiki* [First Komi politicians]. Syktyvkar: Institut yazyka, literatury i istorii Komi nauchnogo tsentra Ural'skogo otdeleniya Rossiiskoi akademii nauk; 2007. 136 p. Russian.
3. Zherebtsov IL, Taskaev MV. *Komi natsional'noe dvizhenie: ot eserov do nashikh dnei* [Komi national movement: from the socialist-revolutionaries to the present day]. Syktyvkar: Institut yazyka, literatury i istorii Komi nauchnogo tsentra Ural'skogo otdeleniya Rossiiskoi akademii nauk; 2016. 88 p. Russian.
4. Zherebtsov IL, Taskaev MV. *Chernye gody. Revolyutsiya i grazhdanskaya voina v Komi krae. 1917–1921* [The black years. Revolution and civil war in the Komi region. 1917–1921]. Syktyvkar: Pokayanie; 2001. 320 p. Russian.
5. Kuzivanova OYu, Popov AA, Smetanin AF. *V nachale puti* [At the beginning of the journey]. Syktyvkar: Institut yazyka, literatury i istorii Komi nauchnogo tsentra Ural'skogo otdeleniya Rossiiskoi akademii nauk; 1996. 198 p. Russian.
6. Men'kouski VI, Zherebtsov IL, Smigel' M. [Russian revolution (1917)]. In: Men'kovskii VI, Yanovskii OA, Sergeenkov VV, editors. *Istoriya Rossii i Ukrainy (XX – nachalo XXI v.). Chast' 2* [History of Russia and Ukraine (20th – the beginning of 21st centuries). Volume 2]. Minsk: Belarusian State University; 2020. p. 7–22. Russian.
7. Zherebtsov IL, Taskaev MV. The national movement in the Komi region in the years of the First World War. *Journal of the Belarusian State University. History.* 2018;3:23–30. Russian.
8. Men'kouski VI, Zherebtsov IL, Smigel' M. [Russia and Ukraine during the Civil War (1918–1920)]. In: Men'kovskii VI, Yanovskii OA, Sergeenkov VV, editors. *Istoriya Rossii i Ukrainy (XX – nachalo XXI v.). Chast' 2* [History of Russia and Ukraine (20th – the beginning of 21st centuries). Volume 2]. Minsk: Belarusian State University; 2020. p. 23–42. Russian.
9. Taskaev MV, Zherebtsov IL, Poleschchikov VM. *Dmitrii Batiev – sozdatel' Komi avtonomii* [Dmitry Batiev is the creator of the Komi autonomy]. Syktyvkar: Institut yazyka, literatury i istorii Komi nauchnogo tsentra Ural'skogo otdeleniya Rossiiskoi akademii nauk; 2019. 223 p. Russian.
10. Zherebtsov IL. Komi: from region – to the republic. *Proceedings of the Komi Science Centre of the Ural Division of the Russian Academy of Sciences.* 2016;3(27):15–22. Russian.
11. Zherebtsov IL, Popov AA, Smetanin AF, editors. *Istoriya Komi s drevneishikh времен до sovremennosti. Tom 2* [History of Komi since ancient to modern times. Volume 2]. Syktyvkar: Institut yazyka, literatury i istorii Komi nauchnogo tsentra Ural'skogo otdeleniya Rossiiskoi akademii nauk; 2011. 688 p. Russian.
12. Zherebtsov IL. [The Komi Republic: the path to national statehood]. In: Khlynina TP. *In Memoriam.* Rostov-on-Don: Izdatel'stvo Yuzhnogo nauchnogo tsentra Rossiiskoi akademii nauk; 2017. p. 257–268. Russian.
13. Volkogonov DA. *Lenin. Tom 1* [Lenin. Volume 1]. Moscow: Novosti; 1994. 480 p. Russian.
14. Zherebtsov IL, Maksimova LA, Ignatova NM, Smetanin AF, Taskaev MV. *Ocherki po istorii politicheskikh repressii v Komi* [Sketches on history of political repressions in Komi]. Syktyvkar: Pokayanie; 2006. 242 p. Russian.
15. Zherebtsov IL, Rozhkin EN, Lejman II. The Belarusians in the Komi Republic. *Journal of the Belarusian State University. History.* 2018;2:82–93. Russian.
16. Zherebtsov IL, compiler. *Istoriko-kul'turnoe dostoyanie Respubliki Komi (nauchno-populyarnye ocherki)* [Historical and cultural heritage of the Republic of Komi (popular science essays)]. Syktyvkar: Syktyvkar: Institut yazyka, literatury i istorii Komi nauchnogo tsentra Ural'skogo otdeleniya Rossiiskoi akademii nauk; 2021. 287 p. Russian.

Статья поступила в редколлегия 26.09.2021.
Received by editorial board 26.09.2021.

ИСТОРИЯ БЕЛАРУСИ

ГІСТОРЫЯ БЕЛАРУСІ

BELARUSIAN HISTORY

УДК 94(476)«1943/1944»+930.25(476.1)(091)

ИТАЛЬЯНСКИЕ ИНТЕРНИРОВАННЫЕ ВОЕННЫЕ В НАЦИСТСКОМ ЛАГЕРЕ ШТАЛАГ-352 В МАСЮКОВЩИНЕ (1943–1944)

Д. В. МОРОЗОВ¹⁾, Э. БОРДИНЬОН²⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

²⁾Независимый исследователь, г. Сале, Италия

Анализируется белорусская и зарубежная историография проблемы, связанной с нахождением итальянских интернированных военных в лагере Шталаг-352 в Масюковщине в 1943–1944 гг. В научный оборот вводятся новые сведения, основанные на документах из личного архива Э. Бординьона, родной дед которого был заключенным в этом лагере. На примере Доменико Арзани рассматриваются бытовые условия содержания итальянских военнопленных, а также их дальнейшая судьба.

Ключевые слова: Шталаг-352; Масюковщина; итальянские интернированные военные; советские военнопленные; Великая Отечественная война; оккупация; жертвы нацизма; места памяти; Минск; локальная история; фонд «Память, ответственность и будущее».

Образец цитирования:

Морозов ДВ, Бординьон Э. Итальянские интернированные военные в нацистском лагере Шталаг-352 в Масюковщине (1943–1944). *Журнал Белорусского государственного университета. История*. 2021;4:54–63. <https://doi.org/10.33581/2520-6338-2021-4-54-63>

For citation:

Marozau DV, Bordignon E. Italian military internees in Stalag-352 Nazi camp in Masjukowshchyna (1943–1944). *Journal of the Belarusian State University. History*. 2021;4: 54–63. Russian. <https://doi.org/10.33581/2520-6338-2021-4-54-63>

Авторы:

Дмитрий Викторович Морозов – кандидат исторических наук; доцент кафедры этнологии, музеологии и истории искусств исторического факультета.
Эдоардо Бординьон – кандидат экономических наук.

Authors:

Dzmitry V. Marozau, PhD (history); associate professor at the department of ethnology, museology and art history, faculty of history.
dzmitry_marozau@yahoo.com
<https://orcid.org/0000-0002-2419-8184>
Edoardo Bordignon, PhD (economics).
e.bordignon@hotmail.it
<https://orcid.org/0000-0003-4783-9359>

ИТАЛЬЯНСКИЕ ИНТЕРНИРОВАННЫЕ ВОЙСКОУЧЕНЫМИ В НАЦИСТСКОМ ЛАГЕРЕ ШТАЛАГ-352 В МАСЮКОУШЧИНЕ (1943–1944)

Д. В. МАРОЗАУ^{1*}, Э. БАРДИНЬЕН^{2*}

^{1*}Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, пр. Незалежнасці, 4, 220030, г. Мінск, Беларусь

^{2*}Незалежны даследчык, г. Сале, Італія

Аналізуецца беларуская і замежная гістарыяграфія праблемы, звязанай са знаходжаннем італьянскіх інтэрніраваных вайскоўцаў у лагеры Шталаг-352 у Масюкоўшчыне ў 1943–1944 гг. У навуковы зварот уведзены новыя звесткі, заснаваныя на дакументах з асабістага архіва Э. Бардзін'ёна, родны дзед якога знаходзіўся ў гэтым лагеры ў якасці зняволенага. На прыкладзе Даменіка Арзані разглядаюцца бытавыя ўмовы ўтрымання італьянскіх ваеннапалонных, а таксама іх далейшы лёс.

Ключавыя словы: Шталаг-352; Масюкоўшчына; італьянскія інтэрніраваныя вайскоўцы; савецкія ваеннапалонныя; Вялікая Айчынная вайна; акупацыя; ахвяры нацызму; месцы памяці; Мінск; фонд «Памяць, адказнасць і будучыня».

ITALIAN MILITARY INTERNEES IN STALAG-352 NAZI CAMP IN MASJUKOWSHCHYNA (1943–1944)

D. V. MAROZAU^a, E. BORDIGNON^b

^aBelarusian State University, 4 Niezaliežnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

^bIndependent researcher, Sale, Italy

Corresponding author: D. V. Marozau (dzmitry_marozau@yahoo.com)

The article analyses the Belarusian and foreign historiography of the problem of finding Italian internees in Masjukowshchyna in 1943–1944. The authors introduce new information into scientific circulation, relying on the personal archive of E. Bordignon, whose own grandfather was in Stalag-352 as a prisoner. The living conditions of the Italian prisoners of war are considered, as well as information about their further fate on the example of Domenico Arzani.

Keywords: Stalag-352; Masjukowshchyna; Italian military internees; Great Patriotic War; occupation; Soviet prisoners of war; victims of Nazism; places of memory; Minsk; local history; Memory, responsibility and future foundation.

Введение

В течение 11 дней после того, как Италия официально вышла из коалиции с нацистской Германией, 8 сентября 1943 г., практически вся территория страны была занята вермахтом в результате операции «Ось»¹. Итальянские солдаты и офицеры столкнулись с выбором: либо сражаться в качестве немецких союзников в вооруженных силах Итальянской социальной республики при немецком марионеточном режиме на севере Италии, либо стать добровольцами в подразделениях вермахта. В противном случае они должны были отправиться в концентрационные лагеря.

Чтобы не признавать права, предоставленные военнопленным III Женевской конвенцией об обращении с военнопленными от 27 июля 1929 г., нем-

цы называли их итальянскими интернированными военными² (нем. *Italienischer Militärinternierter*, IMI). С осени 1944 г. до конца войны они именовались гражданскими работниками (нем. *Zivilarbeiter*) и привлекались к принудительным работам без защиты Красного Креста³.

В сентябре 1943 г. немцы разоружили и взяли в плен около 1 млн итальянских солдат – половину тех, кто находился в составе королевской итальянской армии. Приблизительно 196 тыс. из них бежали во время депортации. Из оставшихся примерно 810 тыс. военнопленных 58 тыс. были интернированы во Франции, 321 тыс. – в Италии и 430 тыс. – на Балканах, более 13 тыс. человек погибли во время транспортировки с греческих островов на материк.

¹Операция «Ось» [Электронный ресурс]. URL: <https://wwii.space/08-09-43-начало-операции-Ось/> (дата обращения: 09.05.2021).

²Здесь и далее перевод наш. – Д. М., Э. Б.

³Italian court to allow claims by Nazi victims [Electronic resource]. URL: <https://www.wsws.org/en/articles/2008/07/ital-j17.html> (date of access: 09.05.2021).

Примерно 94 тыс. солдат, включая почти всех чернорубашечников, немедленно согласились сражаться на стороне немцев.

Таким образом, около 710 тыс. итальянских солдат и офицеров были депортированы в немецкие лагеря для военнопленных со статусом IMI. К весне 1944 г. примерно 103 тыс. человек заявили о своей готовности служить в вермахте или военных формированиях Итальянской социальной республики в качестве комбатантов или вспомогательных рабочих. От 600 до 650 тыс. итальянских солдат и офицеров отказались продолжать войну на стороне нацистов и были направлены в лагеря на территории Германии, а также оккупированных стран Восточной Европы и СССР⁴.

Нацисты считали итальянцев предателями, а не военнопленными, поэтому условия их содержания были чрезвычайно жестокими. Оценки потерь среди IMI в немецком плену варьируются от 37 до 50 тыс. человек⁵. Около 10 тыс. итальянских интернированных военных попали в лагеря на территории оккупированной Беларуси (Барановичи, Березвечье, Борисов, Вилейка, Витебск, Волковыск, Глубокое, Гомель, Гродно, Лида, Лунинец, Минск, Могилёв, Молодечно, Парафьяново, Полоцк, Слуцк, Слоним, Толочин, Масюковщина)⁶. Больше всего итальянцев погибли в Березвечье, Гомеле и Масюковщине, однако точное количество жертв не установлено.

В отечественной историографии проблема итальянских интернированных военных впервые нашла отражение в периодических изданиях в 1990-х и начале 2000-х гг. [1–6]. Все публикации являются небольшими по объему и преимущественно констатируют сам факт нахождения IMI в нацистских лагерях на территории оккупированной БССР, описывают отдельные случаи массовых экзекуций пленных, а также приводят сведения о захоронениях итальянцев в Беларуси. Отдельно стоит выделить работу О. Е. Мишуровской [7]. Автор актуализирует вопрос итальянских интернированных военных в контексте современных международных отношений, а также систематизирует информацию о всех известных на тот момент публикациях и видеоматериалах по обозначенной проблеме.

С опорой на архивные документы о заключенных в Шталаге-352 итальянцах пишет Р. А. Черноглазова [8]. В исследовании приводятся сведения о количестве поступивших в лагерь итальянских интернированных военных, основных причинах их массовой гибели зимой 1943–1944 гг., а также

о числе заключенных, оставшихся в лазарете на момент освобождения Минска. Несмотря на точность и важность информации, необходимо отметить ее небольшой объем и полное отсутствие данных о конкретных людях из Италии, прошедших через лагерь в Масюковщине.

О нахождении итальянцев в Минске кратко упоминают С. К. Карпов и А. П. Ульяненок [9]. Авторы указывают на перспективное направление в области поиска писем, которые итальянские интернированные военные отправляли домой. Общая информация о Шталаге-352 нашла отражение в работе Н. А. Яцкевич [10].

Анализируя отечественные публикации на эту тему, можно сделать вывод о том, что комплексного научного исследования проблемы итальянских интернированных военных в Беларуси до сих пор не проводилось.

Наиболее полным и детальным зарубежным трудом по данному вопросу является монография немецкого историка Г. Шрайбера [11]. Географические рамки исследования ограничены территорией Германии и оккупированной Польши. События, связанные с IMI на территории Шталага-352, не описаны. Однако монография Г. Шрайбера позволяет системно рассмотреть политику нацистов по отношению к итальянским интернированным военным на территории оккупированной БССР.

В итальянской историографии данная проблема рассматривается также весьма поверхностно. Немногочисленные публикации, посвященные теме IMI, почти всегда основаны на рассказах очевидцев, однако эта информация не систематизирована и не обобщена [12–19]. Данные работы написаны как ветеранами, так и историками, которые интересуются событиями, связанными с IMI, преимущественно по личным, семейным причинам. В некоторых публикациях [16; 17] цитируются воспоминания итальянцев, прошедших через лагерь в Масюковщине.

К сожалению, в государственных архивах Италии выявлено очень мало информации по данной проблеме. Большую часть источников представляют документы, составленные военными властями после возвращения военнопленных домой.

Можно утверждать, что тема нахождения итальянских интернированных военных на территории оккупированной Беларуси рассмотрена в самых общих чертах из-за недостаточного количества опубликованных архивных документов, а также из-за недоступности для изучения личной корреспонденции

⁴Breve storia dell'internamento militare italiano in Germania [Electronic resource]. URL: https://web.archive.org/web/20110722023713/http://www.anrp.it/edizioni/porte_memoria/2008_01/pag_35_palmieri_avagliano.pdf (date of access: 09.05.2021).

⁵Dokumentationszentrum topographie des terrors [Electronic resource]. URL: <https://www.dz-ns-zwangsarbeit.de/index.php> (date of access: 09.05.2021).

⁶STALAG-352. Da Cefalonia a Minsk, parla un sopravvissuto delle infamie naziste [Electronic resource]. URL: https://studistorici.com/wp-content/uploads/dossiers/speciale-olocausto/07_deportazioni-stalag-352.pdf (date of access: 09.05.2021).

находившихся в Шталаге-352 заключенных из Италии. Для проведения более комплексного исследования необходимо выявить и проанализировать большой массив неопубликованных документов, которые хранятся в личных архивах родственников ІМІ, отечественных и зарубежных архивах, а также представлены на антикварных аукционах.

В статье на основании частной истории принята попытка выявить дополнительные факты о судьбе тысяч итальянских интернированных военных и находившихся рядом с ними в нацистском заключении на территории оккупированной БССР советских военнопленных. Это позволяет воссоздать критически выдержанную картину исторического прошлого в этом вопросе.

Документы, связанные с итальянскими интернированными военными, можно разделить на несколько групп: письменные, вещественные, изобразительные, кино-, фото-, фонодокументы. Самой разнообразной является группа письменных источников. Нами использованы карточки учета из лазарета, а также документы из личного архива семьи бывшего заключенного ІМІ Шталага-352 Доменико Арзани: письма из лагеря домой, лагерная табличка, карта репатриации, выданная итальянским Красным Крестом (рис. 1), фотографии. Данные материалы вводятся в научный оборот впервые. Нами также проанализированы вещественные источники (элементы униформы, эмблемы и пуговицы), обнаруженные в Масюковщине во время поисковых работ в 2005 г.

В Национальном архиве Республики Беларусь (НАРБ) хранится ряд материалов, посвященных итальянским военнопленным, заключенным в лагерях на оккупированной нацистами территории БССР, в том числе в Шталаге-352 в Масюковщине⁷. В Федеральном архиве Германии находится колоссальный массив сведений на эту тему, однако выявление документов, относящихся к итальянским интернированным военным в Минске, требует отдельного исследования.

Наибольшее количество материалов по обозначенной проблеме хранятся в государственном архиве Александрии (итал. *Archivio Centrale di Stato di Alessandria*) и центральных архивах Рима (итал. *Archivio Centrale Dello Stato*). Предварительное исследование позволило найти значительное число документов на интересующую нас тему, однако большинство их не систематизированы, что затрудняет выявление дел, связанных с Беларусью.

Во время исследования использовались специально-исторические методы. Анализ итальянской корреспонденции из лагеря проводился с применением метода герменевтики. С его помощью удалось

построить модель событий, происходивших в лагере зимой 1943 – летом 1944 г. Данные эпистолярные материалы имеют высокую ценность для выяснения условий содержания в лагере в обозначенный период, так как советские военнопленные, в отличие от итальянских интернированных военных, не имели права писать домой [9, с. 17]. Компаративный метод использовался для сопоставления условий содержания советских и итальянских узников в Шталаге-352.

CENTRO DI RACCOLTA DI Bologna
SCHEDA DI RIMPATRIO

Cognome *Arzani* Nome *Domenico*
 Paternità *di Giovanni*
 nato a *Sale* il *7-1-917*
 Grado militare *1° Mite* (categoria *1*)
 Arma o corpo di appartenenza *Armata*
 Reparto al quale apparteneva, all'atto della cattura *866° Autopark - Rieti*
 Internato *dal 14-9-43* al *10-12-43*
 lavoratore coatto a *17-12-43*
 lavoratore volontario a *17-12-43*
 residente in Germania a *17-9-43*
 Matricola intern. *648* Data della cattura *17-9-43*
 Data rimpatrio *7-9-45*

DESTINAZIONE:
 Località *Sale* Provincia *Alessandria* Distretto *Portofino*
 Via *Capina, Largo, Monte* N. *1*
 presso *famiglia*
CROCE ROSSA ITALIANA
L'ISPETTORE
(Ernesto Pini)
 data *7-9-45* **COMANDANTE DEL CENTRO**

PER I SOLI MILITARI

CENTRO ALLOGGIO DI _____
Anticipo riscosso Lire _____ (in lettere)
OGGETTI VESTIARIO RICEVUTI (1)

giacca	pan-taloni	scarpe	maglia	camice	mutande	calze	lazzoletti	ascia-gommi				
--------	------------	--------	--------	--------	---------	-------	------------	-------------	--	--	--	--

L'UFFICIALE ADDETTO AL CENTRO

Рис. 1. Карта репатриации Д. Арзани – первый итальянский документ с упоминанием акронима ІМІ

Fig. 1. Repatriation card of D. Arzani – the first Italian document on which there's reference to ІМІ

⁷НАРБ. Ф. 3500. Оп. 4. Д. 336. Л. 1–20.

Основная часть

В Шталаге-352 в Масюковшине, который находился на железнодорожной линии Минск – Вильнюс, итальянские интернированные военные оказались осенью 1943 г. Сюда их привезли длинными эшелонами. Сначала были доставлены 3,5 тыс. человек, позже еще 1,5 тыс. Холод, скудное питание и эпидемии стали основными причинами гибели итальянцев в лагере. Случались и массовые экзекуции итальянских интернированных военных, например их сожжение в одном из барачных на территории современного обувного завода «Луч» в Минске. В момент освобождения лагеря советскими войсками в июле 1944 г. в лазарете были обнаружены 98 итальянцев в чрезвычайно тяжелом состоянии [8, с. 17]. Судьба Д. Арзани позволяет восстановить детали долгого пути итальянских интернированных военных в Минск, их жизни в лагере и последующего освобождения.

После призыва в армию в 1942 г. Д. Арзани в возрасте 25 лет был отправлен на о. Родос (архипелаг Додеканес), находившийся под итальянским контролем. В звании младшего сержанта (итал. *1° Aviere* – третий ранг из шести солдатских рангов в итальянской армейской иерархии) он был зачислен в ряды итальянских королевских военно-воздушных сил. Ему было поручено управлять автомобилями офицеров, а затем грузовиками, перевозившими авиационные бомбы. Служба проходила в 166-й авторемонтной части при аэродроме д. Маритсы. Весной 1943 г. Д. Арзани был награжден крестом «За воинскую доблесть» (итал. *Croce di guerra al valor militare*) за вождение грузовика с бомбами во время военной атаки (рис. 2).

Перемирие 8 сентября 1943 г. между Италией и союзниками застало Д. Арзани на острове, где штурмовая дивизия «Родос» под командованием немецкого генерала У. Клемана заставила итальянский гарнизон сдаться. Итальянские солдаты, моряки и летчики, включая группу военных, дислоцированных в военном аэропорту Гадурра (сегодня это гражданский аэропорт о. Родос), отчаянно сопротивлялись. Большинство итальянских офицеров, захваченных на архипелаге Додеканес, были расстреляны немцами. Д. Арзани сражался в этих рядах, был взят в плен в ходе так называемой битвы за о. Родос – серии стычек между небольшими группами итальянского Сопротивления и немецкой штурмовой дивизией.

Большинство тех, кто бросил оружие без боя, были отправлены в Грецию, а затем на Балканский полуостров и продолжили движение к шталагам и офлагам Германии, а также оккупированной Польши. Тех же, кто не сдался, заперли в пересыльных лагерях. Судьба уготовила им отправку на Восточный фронт. По изначальной идее нацистов они должны были участвовать в строительстве Восточного вала – линии обороны от Балтийского до Черного моря. Считалось, что остаться в живых после Восточного фронта было практически невозможно.

Д. Арзани был доставлен самолетом в материковую часть Греции 5 ноября 1943 г., покинув печально известный лагерь Кампо-деи-Пини на о. Родос, место пыток и лишений [11, р. 368]. Достоверность даты подтверждается отчетом, составленным военной комиссией по делам ветеранов войны и заключенных.

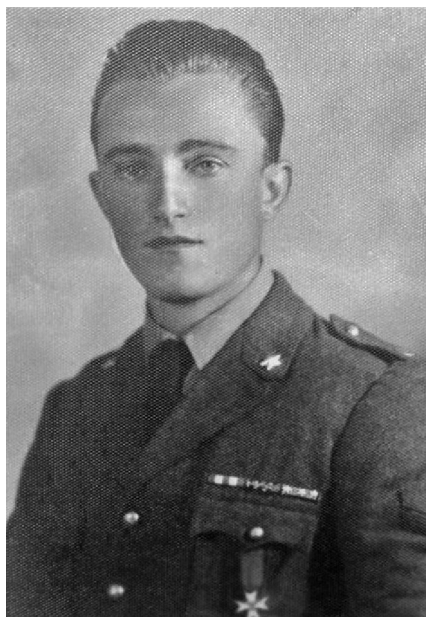

Рис. 2. Младший сержант Д. Арзани, награжденный крестом «За воинскую доблесть» (о. Родос, весна 1943 г.)

Fig. 2. 1° Aviere D. Arzani with the War Cross for Military Valor (Rhodes, spring 1943)

Итальянским военным требовалось заполнить открытую анкету, в которой они указывали, где были схвачены и где находились до этого, участвовали ли в Сопротивлении или присоединились к армии Итальянской социальной республики.

По словам Д. Арзани, во время авиатранспортировки самолеты с итальянскими интернированными военными подвергались обстрелам из зенитных орудий кораблей военно-морских сил Великобритании. По прибытии на континент предстоял еще один транзитный лагерь в Афинах. Дальнейший маршрут на северо-восток в Беларусь пролегал через Софию. Эшелон состоял примерно из 30 опломбированных вагонов для скота, которые были перетянуты колючей проволокой. В вагоне находились 40–50 пленных, ехали стоя.

Из воспоминаний немногих ветеранов, опрошенных итальянскими репортерами в 1980-х гг., известно, что за время долгого пути поезд делал всего три остановки, во время которых немцы оскорбляли и избивали заключенных, удовлетворявших физиологические потребности. Выжившие описывали условия перевозки следующим образом: они были лишены еды и воды, для утоления жажды приходилось лизать лед, образовывавшийся на железных элементах эшелона. Смертность составляла 10–11 человек на каждый вагон. Умерших немцы оставляли на обочине во время остановок [17, р. 21].

Поезд с Д. Арзани прибыл в Минск 17 декабря 1943 г. Его первое письмо домой было датировано 25 декабря, днем католического Рождества. На штампе после проверки письма указано 15 января. Насколько нам известно, почта была доставлена в итальянский город Сале в середине марта. Таким образом, срок доставки почты из лагеря в Италию составлял два месяца.

Узники Шталага-352 были одеты в летнюю форму, в которой прибыли из Греции. Личные вещи изымались, взамен документов были выданы жетоны – деревянные таблички размером 5 × 5 см, на одной стороне которых были указаны имя и фамилия заключенного, а на другой изображена печать

лагеря с указанием номера заключенного (рис. 3). Сохранившийся жетон Д. Арзани важен для идентификации подобных артефактов, которые обнаруживают во время раскопок бойцы поискового батальона, нередко принимая поврежденные таблички за мусор.

Новоприбывших отправляли в санпропускник, чтобы обработать от огромного количества вшей. Заключенным выдавали деревянные башмаки, на спине делали надпись, которая вызывала любопытство всех заключенных: IMI. Этот акроним делил их жизнь на до и после. Даже те, кому посчастливилось вернуться домой, в дальнейшем сталкивались с проблемами из-за него.

Как известно, Шталаг-352 был одним из крупнейших лагерей для военнопленных на оккупированной территории СССР, имел множество филиалов на железной дороге и городских предприятий. Д. Арзани никогда подробно не рассказывал родственникам о лагере. Его немногочисленные воспоминания ограничивались рассказами об утренней «побудке», переключке, а также описанием советских военнопленных, разделивших судьбу с заключенными итальянцами. Отдельно Д. Арзани говорил о лагерьном рационе, в который входила преимущественно гнилая репа, капуста и баланда.

Детали этих воспоминаний совпадают с описаниями находившихся в лагере советских военнопленных. С учетом того что итальянцы в них упоминаются достаточно редко, можно предположить, что контакты между этими группами заключенных были весьма ограничены.

В то время многие итальянцы, особенно простые крестьяне из южных регионов страны, были неграмотными. Д. Арзани родился на севере Италии и ходил в школу до 12 лет, т. е. на 2–3 года дольше, чем обычные итальянские крестьяне. Это позволило ему получить лучшее, чем у многих других солдат, образование. По просьбе заключенных он писал письма от их имени. Таким образом, у итальянских военнопленных, в отличие от советских, была возможность писать домой, но многие не могли ей воспользоваться из-за неграмотности.

Рис. 3. Жетон заключенного в Шталаге-352 IMI Д. Арзани

Fig. 3. Prisoner tag in Stalag-352 of IMI D. Arzani

Жизнь в лагере была однообразной: заключенные уходили на работу до рассвета и возвращались, когда солнце уже зашло. Один из ІМІ вспоминал: «Если кто-то поднимал голову, немцы били его. Они приказали нам всегда держать голову опущенной и не смотреть им в глаза, иначе – побои или выстрелы из автомата. Представители вермахта вызывали ужас. Спали мы на нарах, как крысы. Я работал на железнодорожном вокзале. Вечером варили форму, опасаясь вшей, затем сушили ее на обогревателе. Я загружал и разгружал немецкие вагоны, те, что приходили с фронта. Работал при температуре ниже 30 градусов в полосатой пижаме и деревянных башмаках. Остальные рыли траншеи, перевозили оружие и боеприпасы» [16, р. 2].

В письмах домой Д. Арзани сообщал родственникам, что сломал плечо, но причину не называл. Вероятно, это произошло не по неосторожности, а в результате телесного наказания. Б. Муссолини пытался оказать давление на А. Гитлера с целью вернуть на родину 600 тыс. ІМІ, находившихся в руках немцев. Однако фюрер не желал отказываться от ценных рабочих-рабов, на содержание которых не требовалось каких-либо серьезных затрат. При этом итальянское правительство не проявляло особого внимания к находившимся в лагере солдатам. Лишь изредка их посещали эмиссары Итальянской социальной республики. Об одной из таких встреч вспоминает заключенный итальянец: «Однажды прибыл немецкий офицер с капитаном фашистской милиции (вероятно, из новообразованной республиканской армии). Итальянец спросил, как у нас дела. Дела обстояли ужасно. А как может быть иначе? Он сказал нам: “Если вы присоединитесь к Итальянской социальной республике, немецкое командование даст вам новую форму и вы будете пить и есть, как немцы”. Мы смотрели друг на друга. “Стреляй в нас, – кричали мы, – лучше умереть, чем пойти с тобой. Убей нас так же, как ты сделал это с другими в Кефалонии”» [16, р. 4].

Такая реакция неудивительна, и объяснения ее разнообразны: привязанность к монархии, ненависть к фашизму, страх перед неизвестным. В любом случае такое нежелание сотрудничать с фашистами демонстрирует величайшую силу пассивного сопротивления республиканскому режиму Б. Муссолини в Италии. К сожалению, это соображение все еще остается личным мнением, поскольку итальянские историки в своих исследованиях никогда не обращают внимания на тот факт, что, если бы 600 тыс. солдат присоединились к армии Итальянской социальной республики, события в стране могли бы пойти по другому пути.

Д. Арзани работал в лагере автомехаником и был полезен немцам. Он всегда утверждал, что остался в живых только благодаря своим знаниям в обла-

сти механики, в противном случае он стал бы одним из чужаков, которые покоятся в белорусской земле без имени и достойного захоронения. Место погребения итальянских интернированных военных в Масюковщине до сих пор не локализовано. Возможно, оно совпадает с местом захоронения немецких военнопленных в 1944–1949 гг., однако для верификации данного предположения требуются поисковые работы.

Судя по письмам, полученным полевой почтой, 21 марта 1944 г. Д. Арзани находился в борисовском лагере Дулаг-240, рыл траншеи и участвовал в строительстве укреплений. Однако пребывание в лагере было недолгим. Из письма домой от 11 апреля 1944 г. следует, что его отправили в 3-ю роту панцерягерей бригады № 251 (нем. *Panzerjäger Abteilung*) дивизии «Северная Россия» (нем. *Nordrussland*) (рис. 4), вероятнее всего, для демонтажа и ремонта сломанных машин и танков. Там он проработал по меньшей мере до мая 1944 г., в дальнейшем выполнял эти функции в других подразделениях.

Из писем известно, что 28 июня 1944 г. Д. Арзани покинул лагерь в Масюковщине. Он отмечает, что немцы были взволнованы, Красная армия заставляла фронт быстро отступать. Д. Арзани покинул лагерь за несколько дней до освобождения города. Он знал еще одного солдата из Сале, Джованни Колла, который погиб в Шталаге-352 при жестоких обстоятельствах, но Д. Арзани не захотел рассказывать семье товарища ужасающие подробности.

По распоряжению немецкого коменданта Минска эвакуация Шталага-352 началась 3 июня 1944 г. с вывоза лагерного имущества и продолжалась до 26 июня. Затем вывозили узников. Э. Киммерлинг, один из участников эвакуации, доносил руководству, что транспорт с военнопленными и лазаретом направлен в Вильно. Там маршрут состава был изменен, его направили в Алитус, где советские военнопленные временно были размещены в Дулаге-230. Затем состав отправился в Милаву (Польша), а оттуда в Инстербург (ныне – Черняховск (Россия)) [8, с. 17–18].

Маршрут итальянцев пролегал несколько иначе. Колонна пленных покидала Минск пешим строем в западном направлении. Варшава стала сортировочным пунктом для выживших в этом марше смерти. Затем часть ІМІ были направлены на север, где большинство из них ждали смерть в яростных битвах при ликвидации Курляндского котла. Другая часть военнопленных продолжали двигаться на запад, пока не остановились у Шталага-XXA в Торуне. Д. Арзани был в их числе.

В Торуне Д. Арзани занимался разборкой металлических деталей и двигателей. В лагере был безжалостный отбор, в результате которого многие нетрудоспособные итальянцы были убиты.

Рис. 4. Письмо Д. Арзани, отправленное из Минска в апреле 1944 г.
Fig. 4. D. Arzani's letter sent from Minsk on April 1944

Д. Арзани вспоминал, что, когда в январе 1945 г. Красная армия продвигалась на запад, немцам необходимо было быстро отступать и они не желали обременять себя больными, измученными и бесполезными заключенными. Поэтому военнопленных убивали по принципу децимации (расстреливали каждого десятого) или в случайном порядке. Д. Арзани снова спасли его навыки, а именно умение водить машину. Этим он мог пригодиться для нужд вермахта.

Если маршрут колонн ИМІ пролегал рядом с лагерями смерти, тех, кого на предыдущем досмотре признавали бесполезными, немедленно отравляли газом и сжигали в печах. Немногих оставшихся в живых отправляли далее на запад пешком. Весной 1945 г. Д. Арзани оказался в Германии в шверинском лагере Шталаг-IIА и оставался там до 3 мая, пока британские войска не освободили лагерь. После этого, однако, британцы до августа удерживали ИМІ в лагере в тех же казармах и в тех же ужасных условиях, в которых они находились в последние месяцы существования Третьего рейха.

После того как советские войска освободили лагерь на территории Беларуси, итальянские интернированные военные не смогли сразу отправиться на родину. Их репатриация из СССР началась в августе 1945 г. С 1945 по 1952 г. были репатриированы

21 278 итальянских военнопленных. После завершения репатриации, ликвидации лагерей и спецгоспиталей на территории Беларуси осталось 77 известных мест захоронений умерших военнопленных и интернированных лиц.

На территории Республики Беларусь предположительно захоронен 491 итальянский военнослужащий: в Барановичах – 4 человека, Бобруйске – 18, Бресте – 27, Глубоком (в д. Березвечье Витебской области) – 300, Гомеле – 111, Минске – 10, Речице – 1, д. Васирино Минской области – 20 человек, в д. Новая Вёска Витебской области количество захороненных не установлено. Очевидно, что это неточная цифра, так как значительная часть захоронений итальянцев еще не выявлена, как в случае с лагерем в Масюковщине [7, с. 34–35].

Необходимо отметить, что в данной статистике отсутствует детализация, к какой группе итальянских военных относились захороненные: к заключенным нацистами ИМІ либо к военнопленным подразделений итальянской армии или итальянского экспедиционного корпуса в России, погибшим уже в советском плену. На основании выявленных источников можно предположить, что большинство погибших на территории Беларуси итальянцев относились именно к группе ИМІ.

Заклучение

Таким образом, бытовые условия содержания советских и итальянских заключенных в Шталаге-352 в рассматриваемый период значительным образом не отличались. Наиболее очевидным различием было то, что итальянцы могли писать домой.

На основании анализа источников можно утверждать, что прямых воспоминаний бывших итальянских интернированных военных зафиксировано

очень мало. Это, безусловно, связано со стремлением всех бывших заключенных концлагерей избавиться от тяжелых воспоминаний прошлого. В Италии возвращение ветеранов из плена рассматривалось в некотором роде как возвращение тех, кто спрятался, чтобы не участвовать в вооруженном сопротивлении на родине.

В Италии к теме ИМІ долгое время относились маргинально как историки, так и пресса. Внимание фокусировалось прежде всего на теме деятельности итальянских партизан, воевавших на родной земле за ее свободу. На этом фоне итальянские интернированные военные были неким бременем, которое зря занимает место в официальных памятных мероприятиях. Кроме того, почти все бывшие ветераны и заключенные лагеря не хотели общаться на эту трагическую для них тему.

По словам родственников Д. Арзани, воспоминания о минском лагере сопровождали его всю дальнейшую жизнь, заставляя еще больше ценить свою семью, работу фермера, которую он мог выполнять как свободный человек, ведь это был рай после ада.

О Шталаге-352 в Масюковщине, в том числе о лазарете, где на момент освобождения лагеря оставались 98 итальянцев, современным итальянским историкам практически ничего не известно. Учитывая аварийное состояние здания и заброшенность

территории, необходимо активизировать работу по распространению информации о данном объекте как в академической среде, так и среди дипломатов. На наш взгляд, целесообразной станет установка мемориального знака, посвященного итальянским интернированным военным, на стене здания бывшего лазарета.

В 2021 г. при поддержке немецкого фонда «Память, ответственность и будущее» и Республиканского союза туристической индустрии начата разработка проекта «Будущее зыбко, память реальна. Виртуальная история лагеря военнопленных “Шталаг-352” в Минске»⁸. На 2022 г. запланирована установка информационных щитов рядом с сохранившимися зданиями времен Великой Отечественной войны. Судьба Д. Арзани отражена в материалах проекта. Авторы будут признательны за предоставление любой дополнительной информации об итальянских интернированных военных в Шталаге-352 в Минске.

Библиографические ссылки

1. Гончаренко НЯ. Итальянцы в Белоруссии. *Военно-исторический журнал*. 1990;1:48–49.
2. Гатоўчыц А. Доўгая дарога італьянцаў на радзіму. *Гомельскія ведамасці*. 1994;10(8):4.
3. Трамонтана А. Наш комиссариат и сейчас, через пятьдесят лет, получает множество писем. Люди надеются найти своих близких. *Гомельскія ведамасці*. 1994;12(8):4.
4. Валаханович А. Пусть знают итальянские матери, почему не вернулись с войны их сыновья. *Рэспубліка*. 1995;3(3):7.
5. Валаханович А. Пусть знают итальянские матери, почему не вернулись с войны их сыновья. *Рэспубліка*. 1995;4(3):7.
6. Ткаченко Е. Вечная тень Ромео. *Белорусская деловая газета*. 2002;10(4):13.
7. Мишуровская ОЕ. Проблема итальянских военнопленных Второй мировой войны в белорусско-итальянских отношениях. *Веснік БДУ. Серыя 3. Гісторыя. Філасофія. Псіхалогія. Паліталогія. Сацыялогія. Эканоміка. Права*. 2005;2:33–36.
8. Черноглазова РА. *Масюковщина. Шталаг-352. 1941–1944: документы и материалы*. Минск: Четыре четверти; 2005. 200 с.
9. Карпов СК, Ульяненок АП. *Помнить вечно! Шталаг-352 «Масюковщина»: неизвестные страницы истории*. Минск: Четыре четверти; 2019. 476 с.
10. Яцкевіч НА. *Масюкоўшчына. Трагедыя савецкіх ваеннапалонных*. Мінск: Беларуская энцыклапедыя імя Петруся Броўкі; 2019. 128 с.
11. Schreiber G. *Die italienischen Militärinternierten im deutschen Machtbereich 1943–1945. Verachtet – verraten – vergessen*. Oldenburg: Walter de Gruyter; 1990. 642 p.
12. Ugo D. *La scelta degli I. M. I. Militari italiani prigionieri in Germania (1943–1945)*. Firenze: Le Lettere; 1996. 473 p.
13. Alessandro N. *L'altra Resistenza. I militari italiani internati in Germania*. Torino: Einaudi; 1996. 184 p.
14. Hammermann G. *Gli internati militari italiani in Germania 1943–1945*. Bologna: Il Mulino; 2004. 574 p.
15. Avagliano M, Palmieri M. *Gli internati militari italiani. Diari e lettere dai lager nazisti 1943–1945*. Torino: Einaudi; 2009. 338 p.
16. Ravelli A. *Mio padre e la guerra. Gennaio 1942 Novembre 1945 (Italia – Grecia – URSS)*. Adrara San Rocco: Rosalia Editions; 2012. 83 p.
17. Avagliano M, Palmieri M. *I militari italiani nei lager nazisti. Una Resistenza senz'armi 1943–45*. Bologna: Il Mulino; 2020. 138 p.
18. Marcello G. *La resistenza dietro il filo spinato*. Elche: Juarez Impresores; 2020. 156 p.

References

1. Goncharenko NY. [Italians in Belarus]. *Voенno-istoricheskii zhurnal*. 1990;1:48–49. Russian.
2. Gotovchits A. [The long road of Italians to their homeland]. *Gomel'skija vedamasci*. 1994;10(8):4. Belarusian.

⁸Проект «Будущее зыбко, память реальна. Виртуальная история лагеря военнопленных “Шталаг-352” в Минске» [Электронный ресурс]. URL: <https://rsti.by/o-nas/novosti/proekt-budushchee-zybko-pamyat-realna-virtualnaya-istoriya-lagerya-voennoplennykh-shtalag-352-v-mins/> (дата обращения: 28.08.2021).

3. Tramontana A. [Our commissariat now, after fifty years, receives many letters. People hope to find their loved ones]. *Gomel'skija vedamasci*. 1994;12(8):4. Russian.
4. Valakhanovich A. [Let Italian mothers know why their sons did not return from the war]. *Rjespublika*. 1995;3(3):7. Russian.
5. Valakhanovich A. [Let Italian mothers know why their sons did not return from the war]. *Rjespublika*. 1995;4(3):7. Russian.
6. Tkachenko E. [Eternal shadow of Romeo]. *Belorusskaja delovaja gazeta*. 2002;10(4):13. Russian.
7. Mishurovskaya OE. The problem of Italian prisoners of war of World War II in Belarusian-Italian relations. *Vesnik BDU. Seryja 3. Gistoryja. Filasofija. Psihologija. Palitalogija. Sacyjalogija. Jekanomika. Prava*. 2005;2:33–36. Russian.
8. Chernoglazova RA. *Masjukowshchyna. Shtalag-352. 1941–1944: dokumenty i materialy* [Masjukowshchyna. Stalag-352. 1941–1944: documents and materials]. Minsk: Four Quarters; 2005. 200 p. Russian.
9. Karpov SK, Ulyanenko AP. *Pomnit' vechno! Shtalag-352 «Masjukowshchyna»: neizvestnye stranitsy istorii* [Remember forever! Stalag-352 «Masjukowshchyna»: unknown pages of history]. Minsk: Four Quarters; 2019. 476 p. Russian.
10. Yatskevich NA. *Masjukowshchyna. Tragedyja saveckih vaennapalonnnyh* [Masjukowshchyna. Tragedy of Soviet prisoners of war]. Minsk: Belarusian encyclopedia named after Petrus Brovka; 2019. 128 p. Belarusian.
11. Schreiber G. *Die italienischen Militärinternierten im deutschen Machtbereich 1943–1945. Verachtet – verraten – vergessen*. Oldenburg: Walter de Gruyter; 1990. 642 p.
12. Ugo D. *La scelta degli I. M. I. Militari italiani prigionieri in Germania (1943–1945)*. Firenze: Le Lettere; 1996. 473 p.
13. Alessandro N. *L'altra Resistenza. I militari italiani internati in Germania*. Torino: Einaudi; 1996. 184 p.
14. Hammermann G. *Gli internati militari italiani in Germania 1943–1945*. Bologna: Il Mulino; 2004. 574 p.
15. Avagliano M, Palmieri M. *Gli internati militari italiani. Diari e lettere dai lager nazisti 1943–1945*. Torino: Einaudi; 2009. 338 p.
16. Ravelli A. *Mio padre e la guerra. Gennaio 1942 Novembre 1945 (Italia – Grecia – URSS)*. Adrara San Rocco: Rosalia Editions; 2012. 83 p.
17. Avagliano M, Palmieri M. *I militari italiani nei lager nazisti. Una Resistenza senz'armi 1943–45*. Bologna: Il Mulino; 2020. 138 p.
18. Marcello G. *La resistenza dietro il filo spinato*. Elche: Juarez Impresores; 2020. 156 p.

Статья поступила в редколлегию 28.08.2021.
Received by editorial board 28.08.2021.

РАЗВИТИЕ БЕЛОРУССКО-КИТАЙСКОГО СОТРУДНИЧЕСТВА В СФЕРЕ ТУРИЗМА В 2013–2020 гг.

Л. М. ГАЙДУКЕВИЧ¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Рассматриваются становление и специфика туристического сотрудничества Беларуси и Китая в новейший период развития в условиях активизации белорусско-китайского взаимодействия. Обозначены основные тенденции совместной работы в рамках глобального китайского проекта «Один пояс – один путь». Выявлены основные проблемные вопросы в организации туристического обмена с Китаем.

Ключевые слова: проект «Один пояс – один путь»; темпы роста ВВП; инвестиции; туризм; туристические услуги; безвизовая политика; пандемия COVID-19; интеграционные союзы и объединения.

ІСТОРЫЯ РАЗВІЦЦЯ БЕЛАРУСКА-КІТАЙСКАГА СУПРАЦОЎНІЦТВА Ў СФЕРЫ ТУРЫЗМУ Ў 2013–2020 гг.

Л. М. ГАЙДУКЕВИЧ^{1*}

^{1*}Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, пр. Незалежнасці, 4, 220030, г. Мінск, Беларусь

Разглядаюцца становленне і спецыфіка турыстычнага супрацоўніцтва Беларусі і Кітая ў наваейшы перыяд развіцця ў умовах актывізацыі беларуска-кітайскага ўзаемадзеяння. Адзначаюцца асноўныя тэндэнцыі супрацоўніцтва ў рамках глабальнага кітайскага праекта «Адзін пояс – адзін шлях». Выяўляюцца асноўныя праблемныя пытанні ў арганізацыі турыстычнага абмену з Кітаем.

Ключавыя словы: праект «Адзін пояс – адзін шлях»; тэмпы росту ВУП; інвестыцыі; турызм; турыстычныя паслугі; бязвизавая палітыка; пандэмія COVID-19; інтэграцыйныя саюзы і аб'яднанні.

THE HISTORY OF THE BELARUSIAN-CHINESE COOPERATION IN THE FIELD OF TOURISM IN 2013–2020

L. M. GAIDUKEVICH^a

^aBelarusian State University, 4 Niezaliežnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

The article examines the history of the formation of cooperation between Belarus and China in the field of tourism in the newest period of development in the context of the intensification of the Belarusian-Chinese interaction in general. The main tendencies of cooperation within the framework of the global Chinese project «One belt, one road» are outlined, the

Образец цитирования:

Гайдукевич ЛМ. Развитие белорусско-китайского сотрудничества в сфере туризма в 2013–2020 гг. Журнал Белорусского государственного университета. История. 2021;4:64–70.
<https://doi.org/10.33581/2520-6338-2021-4-64-70>

For citation:

Gaidukevich LM. The history of the Belarusian-Chinese cooperation in the field of tourism in 2013–2020. *Journal of the Belarusian State University. History.* 2021;4:64–70. Russian.
<https://doi.org/10.33581/2520-6338-2021-4-64-70>

Автор:

Леонид Михайлович Гайдукевич – доктор исторических наук, профессор; заведующий кафедрой международного туризма факультета международных отношений.

Author:

Leonid M. Gaidukevich, doctor of science (history), full professor; head of the department of international tourism, faculty of international relations.
lgaidukevich@mail.ru

main tendencies of such cooperation and its specificity, including tourism sphere, are outlined; the main problematic issues in organising tourist exchange with the China are identified.

Keywords: «One belt, one road» project; GDP growth rates; investments; tourism; tourist services; visa-free policy; pandemic COVID-19; integration unions and associations.

Введение

В статье анализируется современный период сотрудничества Республики Беларусь и Китайской Народной Республики в сфере экономики и услуг. Китай одним из первых признал независимость молодого белорусского государства. В совместной декларации от 17 июля 2013 г. отмечено, что между нашими странами устанавливаются всесторонние отношения стратегического партнерства. За прошедший период между государствами сложился целостный комплекс взаимных интересов в области экономики, образования, науки, социальной сферы, коммуникаций, который подтверждает востребованность такого взаимодействия в интересах белорусского и китайского народов.

Хронологические рамки настоящего исследования охватывают 2013–2020 гг. В указанный период в белорусско-китайском сотрудничестве происходили существенные изменения. В качестве нижней границы избран 2013 г. ввиду принятия совмест-

ной декларации государств. Выбор верхней границы (2020) нашего исследования обусловлен пятилетним периодом реализации китайского проекта «Один пояс – один путь», в рамках которого Беларусь активно сотрудничает с Китаем в социогуманитарной сфере, а именно в туризме, образовании и культуре. Туризм – наиболее востребованная сфера взаимодействия по причине все большей открытости Китая и резкой активизации международных связей. Однако к настоящему времени эта область взаимодействия двух государств наименее исследована и в современной белорусской историографии нет комплексных научных трудов на данную тему. На наш взгляд, турбулентное развитие современной системы международных отношений как раз и делает востребованными исследования в социогуманитарной области, так как именно это направление способно наиболее полно отразить качественные изменения в общественном развитии стран и народов.

Основная часть

За последние 20 лет мировое сообщество претерпело серьезные изменения. Ключевым игроком современности стал Китай, который раньше отставал по многим социально-экономическим показателям от таких мировых лидеров, как США, Германия, Япония. Однако после провозглашения Китаем в 1979 г. политики открытости миру китайская экономика постепенно стала одной из самых быстрорастущих, показывая почти 10-процентный ежегодный рост ВВП, что позволило за эти годы вывести из нищеты более 850 млн человек¹. Несмотря на некоторое снижение темпов экономического роста в 2018–2020 гг., руководство Китая приняло иную модель роста, назвав ее новой нормой, которая базируется на увеличении потребления на внутреннем рынке, развитии сектора услуг и использовании инноваций. Прежняя экономическая концепция, основанная на ресурсомком производстве, стимулировании экспорта и применении низкооплачиваемой рабочей силы, несколько изжила себя. Сокращение образовавшихся в экономике страны дисбалансов потребовало более динамичного смещения к высококачественному производству товаров, услуг и инвестиций. Сегодня Китай занимает центральное место в важнейших

региональных и глобальных направлениях мирового развития.

Никто не оспаривает тот факт, что именно Коммунистическая партия Китая (КПК) в конце 1970-х гг. инициировала быструю модернизацию экономики и произвела колоссальный рост, приняв элементы свободного рынка и начав широкую торговлю со странами всех континентов. Более того, КПК положила начало новой эре конкуренции великих держав. В настоящее время мы наблюдаем, как, продвигая национальные интересы, КПК стремится к коренному пересмотру мирового порядка, основанного на многополярности суверенных государств, и приспособливает общество и политику других стран к китайской специфике.

Растущая мощь Китая обеспечила ему возможность активнее участвовать в глобальной экономической политике и проектах, связанных с развитием инфраструктуры. Китайская инициатива «Один пояс – один путь» представляет собой грандиозную стратегию Китая по финансированию инфраструктуры в Азии, Европе, Африке, Латинской Америке. Программу действий по данной инициативе Китай называет «великим делом на благо народов всех стран мира» [1].

¹Беларусь получила суверенный кредитный рейтинг от китайского ССХИ, открыв дорогу панда-бондам [Электронный ресурс] // Новостной интернет-портал TUT.by. URL: <https://news.tyt.by/economics/606702.html> (дата обращения: 14.02.2021).

За время реализации инициативы ее активно поддержали более 100 государств и международных организаций, более 40 из них подписали соглашение о сотрудничестве с Китаем [1]. В рамках предложенного мегапроекта 14–15 мая 2017 г. в Пекине состоялся форум международного сотрудничества «Один пояс – один путь», в котором принял участие и Президент Республики Беларусь А. Г. Лукашенко, находясь в Китае с государственным визитом. Беларусь, как и многие другие государства, стремится извлечь максимальную выгоду из данного проекта, принимая во внимание свое географическое положение. Находясь между мощными экономическими игроками в лице Китая, стран Европейского союза и ЕАЭС, наша республика способна стать в проекте одним из центров, своего рода стыковочной платформой Нового шелкового пути в Евразийском регионе, максимально используя все выгоды, которые предоставляет Китай.

Уже сегодня Беларусь является одним из важнейших партнеров Китая. Среди крупных социально значимых совместных проектов, реализованных в нашей республике, можно назвать следующие:

- открытие завода по сборке китайских автомобилей Geely;
- строительство гостиницы «Пекин» в Минске;
- ввод в эксплуатацию китайско-белорусского индустриального парка «Великий камень», который рассматривается как основа высокотехнологичного производства в стране;
- успешная реконструкция Минской ТЭЦ-2, Минской ТЭЦ-5, Лукомльской ТЭЦ и Берёзовской ТЭЦ;
- модернизация цементного производства в республике [2].

Руководство нашей страны считает китайское направление внешней политики одним из приоритетных ввиду того, что Китай, реализуя глобальную стратегию «Один пояс – один путь», не выдвигает никаких политических условий и не вмешивается во внутренние дела государства.

Вместе с тем следует отметить, что Китай не просто великая страна, а цивилизация с многотысячной историей, и реализация инициативы «Один пояс – один путь» не ограничивается только развитием инфраструктурных проектов Китая. Практика свидетельствует о том, что КНР активно генерирует политический и культурный диалог между странами, реализуя тезис «укрепление близости между народами» в рамках пяти приоритетных направлений сотрудничества. Активно расширяется гуманитарное взаимодействие: организуются дни и недели национальных культур, поэзии, живописи, открываются культурные центры, институты и классы Конфуция.

Только в странах постсоветского пространства Китай открыл 13 институтов и 13 классов Конфуция (в том числе в Беларуси 3 и 7 соответственно), в которых организовано изучение китайского языка [1].

Активно развивается туристический обмен между странами. В августе 2014 г. Государственный совет Китайской Народной Республики принял новый план развития туризма до 2020 г., в соответствии с которым каждый житель Китая должен был ежегодно совершать не менее 4,5 туристической поездки, что позволило бы увеличить долю туризма в ВВП страны до 5 %. К сожалению, реализации этих планов помешала пандемия COVID-19 [3].

Последствия пандемии тяжело сказались на социально-экономическом развитии многих государств. Наиболее уязвимым сектором мировой экономики стал международный туризм, совокупные убытки которого за прошедший период превысили 1,2 трлн долл. США. Более сложную ситуацию пандемия создала в системе межгосударственных и межличностных отношений. Длительный локдаун в большинстве европейских государств (Чехии, Австрии, Швеции, Голландии, Венгрии и др.) вызвал закрытие национальных границ в рамках шенгенских договоренностей.

История развития международного туризма свидетельствует о том, что именно эта сфера наиболее сложно восстанавливается после кризисных явлений. В данных условиях заслуживает внимания опыт Китая, который первым выдержал удар пандемии и в настоящее время показывает образец достаточно эффективного восстановления. По данным Китайской академии туризма, в 2019 г. индустрия туризма Китая продолжала усиленно развиваться. Общие доходы от этой сферы составили 955,3 млрд долл. США, что на 11 % больше, чем в 2018 г. Данный прирост был осуществлен за счет развития внутреннего туризма: по стране было совершено более 6 млрд туристических поездок, среди них 4,47 млрд совершили жители городов и 1,54 млрд – жители села [4].

Большое значение китайское руководство придает развитию туризма в рамках реализации проекта «Один пояс – один путь». Совместная работа наших стран в сфере туризма началась в 2014 г., когда был дан старт работе Белорусско-Китайского межправительственного комитета по сотрудничеству, в составе которого было создано пять комиссий. Более предметно туризм рассматривается в деятельности комиссий по сотрудничеству в области культуры, а также в области образования².

Протокол к межправительственному соглашению о безвизовом туристическом режиме между Бела-

²Белорусско-Китайский межправительственный комитет по сотрудничеству [Электронный ресурс]. URL: <http://www.belaruschina.by/ru/committee-1586.html> (дата обращения: 17.03.2021).

русью и Китаем был подписан 18 ноября 2015 г.³ В настоящее время белорусы могут находиться в Китае без визы до 30 дней в течение одного визита, но не более 90 дней в году. У китайских туристов такие же условия нахождения в Беларуси. Безвизовый режим предусматривает туристические путешествия, бизнес-командировки, частные поездки. Учебная и профессиональная деятельность требуют получения специальной визы⁴.

Весной 2017 г. в рамках знакомства китайцев с Беларусью был организован первый пресс-тур представителей китайских СМИ. Как отметила сотрудница газеты «Вестник Цинхая»⁵ Сюэ Цзунь, число китайских туристов, которые посещают Беларусь, должно быть в разы больше (пока же доля китайских туристов во въездном потоке в Беларусь всего 0,4 %)⁶.

В рамках активизации межгосударственного сотрудничества в 2018 г. в Китае был проведен Год туризма Беларуси, в ходе которого в городах Чунцине и Шанхае были организованы туристические выставки.

Международная статистика свидетельствует о том, что каждый десятый турист в мире – китаец. На фоне выездного потока из Китая в 2019 г. в объеме 155 млн туристов число организованных китайских туристов в Беларусь составило 5121 человек, что выглядит каплей в море, хотя здесь и наблюдался пятикратный прирост путешествующих (в 2015 г. нашу республику посетили 992 китайских туриста, в 2017 г. – 3151, в 2019 г. – 5121 турист)⁷ [4; 5]. Только в 2020 г. китайцы потратили на путешествия 215 млрд долл. США, увеличив, по сравнению с 2014 г., свои расходы на эту сферу жизни в полтора раза⁸.

Проведенный анализ свидетельствует о том, что средний возраст туристов из Китая 45–50 лет, наибольший интерес у них вызывают история коммунизма, СССР, памятники В. И. Ленину, объекты Великой Отечественной войны (т. е. все, что связано с так называемым красным туризмом в Китае),

а также совместные белорусско-китайские производства («Белджи», индустриальный парк «Великий камень»), куда вкладывается много инвестиций из Китая и где можно проводить экскурсии для китайских туристов, так как они очень гордятся достижениями своей страны⁹.

Китайских туристов в Беларуси привлекают также посещение природных достопримечательностей и шоп-туры. Исходя из данных о покупках по системе *Tax Free*, китайцы увозят из Беларуси ювелирные и меховые изделия, обувь.

Для китайского туриста Беларусь во многом все еще ассоциируется с Россией. Учитывая это, нашим странам необходимо создавать совместные экскурсионные программы для китайских туристических групп. Россия, например, организовав программу *China Friendly* («Дружелюбно к Китаю»), только в 2020 г. получила туристический поток из Китая в объеме почти 700 тыс. человек¹⁰. Программа предусматривала ряд мер: по обеспечению высокого уровня сервиса, модернизации инфраструктуры (отелей, ресторанов, автотранспорта) с учетом культурных и бытовых особенностей китайцев, подготовке профессиональных гидов – переводчиков с китайского языка, комфортному безвизовому пересечению границы. Как видим, туристов, желающих посетить только Беларусь, немного, а использовать географическое положение соседних стран крайне важно и необходимо. Учитывая, что между Беларусью и Россией в июне 2020 г. подписано межправительственное соглашение о взаимном признании виз, кооперация с Москвой в туристическом плане способна дать положительные результаты¹¹.

Анализ выездного туристического потока Китая демонстрирует, что 75 % китайских граждан путешествуют самостоятельно. Беларусь же пытается сделать приоритетным организованный туризм. Как показывает первичный опыт, этот вариант более сложный, но вполне возможный. Начальник филиала «Белинтурист» РУП «Центркурорт» А. И. Стрельченко отмечает: «Считать, что к нам массово поедут

³Беларусь и Китай обсудили безвизовый туристический режим [Электронный ресурс] // FreeSMI.by. URL: <https://freesmi.by/politika/214233> (дата обращения: 17.03.2021).

⁴Как Беларуси войти на туристический рынок Китая? [Электронный ресурс] // Республиканский союз туристической индустрии. URL: <https://rsti.by/o-nas/novosti/kak-belarusi-voyti-na-turisticheskiy-rynok-kitaya/> (дата обращения: 20.03.2021).

⁵Здесь и далее перевод наш. – Л. Г.

⁶Число китайских туристов в Беларуси должно быть в разы больше [Электронный ресурс] // БелТА. URL: <https://www.belta.by/society/view/chislo-kitajskih-turistov-v-belarusi-dolzno-byt-v-razy-bolshe-zhurnalist-iz-knr-246158-2017/> (дата обращения: 17.03.2021); Как по шелку: китайские тургруппы поедут в Беларусь без визы [Электронный ресурс] // БелТА. URL: <https://www.belta.by/comments/view/kak-po-shelku-kitajskie-turgruppy-poedut-v-belarus-bez-vizy-4898/> (дата обращения: 17.03.2021).

⁷Туризм и туристические ресурсы в Республике Беларусь : стат. сб. Минск: Нац. стат. комитет Респ. Беларусь, 2019. с. 30–31.

⁸Как по шелку: китайские тургруппы поедут в Беларусь без визы [Электронный ресурс] // БелТА. URL: <https://www.belta.by/comments/view/kak-po-shelku-kitajskie-turgruppy-poedut-v-belarus-bez-vizy-4898/> (дата обращения: 17.03.2021).

⁹Там же.

¹⁰Там же.

¹¹Китай заинтересован в организации турмаршрутов в Беларусь с включением соседних стран [Электронный ресурс] // БелТА. URL: <https://www.belta.by/economics/view/kitaj-zainteresovan-v-organizatsii-turmarshrutov-v-belarus-s-vkljucheniem-sosednih-stran-407635-2020/> (дата обращения: 17.03.2021).

индивидуальные туристы, не стоит, а на группы мы рассчитывать можем»¹².

Так, РУП «Центркурорт» совместно с белорусским ООО «Культурно-деловой центр “Ювизит”» и китайской компанией *China National Travel Service Group Corporation Limited* в мае 2019 г. организовали тур для 2,5 тыс. сотрудников китайской компании *Perfect* в Беларусь. Это был бизнес-тур, гости посетили промышленные предприятия Минска, объекты историко-культурного наследия Беларуси (комплекс «Линия Сталина», музейный комплекс старинных народных ремесел и технологий «Дудutki», Мирский и Несвижский замки), познакомились с белорусской национальной кухней¹³. В настоящее время предприятием разработаны туры по Беларуси, а также комбинированные туры (с посещением России и стран Евросоюза). В Пекине и Шанхае проведена презентация белорусского туристического продукта, подписано соглашение о сотрудничестве с Центральной международной туристической компанией Всекитайской федерации профсоюзов. В Пекине открылся белорусский туристический информационный центр¹⁴.

Еще одно перспективное направление, которое может привлечь китайских путешественников, это активизация внутреннего рынка медицинского туризма. Понимая, что китайский рынок не похож ни на какие другие, быстрого результата здесь быть не может. Учитывая популярность в Китае сарафанного радио и принимая во внимание то, что в Беларуси увеличивается число китайских студентов, строителей, работников китайских предприятий в технопарке «Великий камень», представителей бизнес-сообщества, услуги белорусского медицинского туризма могут заинтересовать гостей. Проведенный анализ свидетельствует о том, что только в 2016 г. 500 тыс. китайцев отправились за границу на лечение, средняя стоимость путевки составила 7,5 тыс. долл. США. У китайцев наибольшим спросом в сфере медицинского туризма пользуются Япония, Южная Корея, США, Тайвань, Германия. Самыми востребованными направлениями являются лечение онкологических заболеваний, гепатита С, кардиологические обследования, физиотерапия, омоложение, т. е. те, которые успешно развиваются и в Беларуси¹⁵.

В настоящее время спрос на услуги медицинского туризма в Беларуси среди иностранных граждан растет. В 2017 г. в целях получения медицинской помощи и оздоровления в санаториях республики посетили 190 тыс. человек из 128 стран мира¹⁶.

На некоторые виды медицинских услуг (экстракорпоральное оплодотворение, увеличивающую маммопластику, эндопротезирование коленных суставов) белорусские цены в 2–2,5 раза ниже, чем в европейских странах и странах ближнего зарубежья. В белорусских центрах косметологической и пластической хирургии до 50 % пациентов составляют граждане России, стран Балтии, Германии, США [6]. Привлекающим фактором для иностранных пациентов в белорусские клиники является качество медицинских услуг, которое обеспечивается высокой квалификацией белорусских врачей и хорошей технической оснащенностью клиник. Как отмечает директор ООО «Ви энд Ви Медикал» В. Е. Андросов, «...необходимо создание специализированных центров по таким направлениям, как офтальмология, стоматология, эстетическая медицина. Медицинские учреждения республики показывают зарубежным гостям высокий уровень оказания услуг, но такие центры должны хорошо ориентироваться на рынке медицинского туризма, оперативно решать любые логистические вопросы, демонстрировать высокий уровень сервиса»¹⁷.

Беларусь должна взять на вооружение опыт китайского государства в сфере туризма. Успехи в этой области могут обеспечить следующие меры:

- 1) выравнивание регионального развития туризма;
- 2) расширение бесплатного посещения музеев, городских парков, выставочных павильонов социально незащищенными слоями населения;
- 3) поощрение сотрудников предприятий путевками в национальные учреждения оздоровления;
- 4) улучшение туристической инфраструктуры для лиц с ограниченными физическими возможностями;
- 5) совершенствование модели образования в сфере туризма и индустрии гостеприимства [3].

Вместе с тем в работе с китайскими туристами имеется и ряд трудностей, которые не позволяют

¹²Как по шелку: китайские тургруппы поедут в Беларусь без визы [Электронный ресурс] // БелТА. URL: <https://www.belta.by/comments/view/kak-po-shelku-kitajskie-turgruppy-poedut-v-belarus-bez-vizy-4898/> (дата обращения: 17.03.2021).

¹³Более 2,5 тыс. туристов из Китая посетили Беларусь во время бизнес-тура [Электронный ресурс] // БелТА. URL: <https://www.belta.by/society/view/bolee-25-tys-turistov-iz-kitaja-posetili-belarus-vo-vremja-biznes-tura-348200-2019/> (дата обращения: 17.03.2021).

¹⁴«Центркурорт» выходит на рынок туристических услуг Китая [Электронный ресурс] // БелТА. URL: <https://www.belta.by/society/view/tsentrkurort-vyhodit-na-rynok-turisticheskikh-uslug-kitaja-284211-2018/> (дата обращения: 17.03.2021).

¹⁵Справка ООО «Ви энд Ви Медикал» о сотрудничестве с КНР в области здравоохранения // Арх. М-ва здравоохранения Респ. Беларусь. Минск, 2020. 4 с.

¹⁶Медицинский туризм в Беларуси: лечение, сервис, цены [Электронный ресурс] // Туристический путеводитель «Лучшее в Беларуси». URL: <https://bestbelarus.by/info/blog/meditsinskiy-turizm-v-belarusi-lechenie-servis-tseny> (дата обращения: 01.12.2020).

¹⁷Справка ООО «Ви энд Ви Медикал» о сотрудничестве с КНР в области здравоохранения... 4 с.

стремительно нарастить въездной поток в Беларусь. Во-первых, в нашей стране фактически нет специальной инфраструктуры для китайских туристов. Это касается в первую очередь китайской кухни. Такое питание сложно организовать в Минске, не говоря уже о регионах¹⁸.

Во-вторых, в туристических поездках гости из Китая привыкли рассчитывать на карты платежной системы *UnionPay*, а в Беларуси пока с этим есть сложности.

В-третьих, помимо увеличения количества путеводителей и карт на китайском языке, необходимо обеспечить подготовку гидов-переводчиков. Национальное агентство по туризму при Министерстве спорта и туризма Республики Беларусь занимается подготовкой первой такой группы в количестве 13 человек. Пока же китайские туроператоры сотрудничают преимущественно с китайцами – выпускниками наших учреждений образования, работающими в технопарке «Великий камень».

В-четвертых, с организованными китайскими группами должны работать только местные туроператоры (такой список уполномоченных агентств с обеих сторон должен быть определен Министерством спорта и туризма Республики Беларусь) или совместные турпредприятия. В противном случае (как свидетельствует опыт России) китайцы попытаются создать свою инфраструктуру, используя китайскую диаспору в Беларуси для организации питания, экскурсионного обслуживания, замкнув на ней весь финансовый цикл¹⁹.

В-пятых, в Китае действуют очень жесткие договорные условия и финансовые правила. Оплата производится только по факту в течение 90 дней после оказания услуг. Более того, часто можно столкнуться с выплатой так называемого депозита качества, когда качество услуги, по мнению клиента, не соответствует цене и китайский партнер удерживает часть оплаты. Такие рекламации трактуются китайской стороной по-своему и документально никак не подтверждаются²⁰.

Заключение

Принимая во внимание имеющиеся проблемы в организации туристического обмена с Китаем, на наш взгляд, Беларуси необходимо тщательно координировать свою туристическую политику в отношении Китая не только с Россией, но и с другими странами ЕАЭС, дабы проект Нового шелкового пути был действительно «шелковым» для туристического бизнеса наших государств.

Положительным аспектом в этом плане является подключение Беларуси к евразийскому приложению «Путешествую без COVID-19», однако пока это лишь

эпизод, свидетельствующий о необходимости большой совместной системной работы²¹.

Таким образом, перспективы сотрудничества в сфере туризма находятся в приоритете внешней политики обоих государств. Алгоритм развития данного взаимодействия в целях расширения и диверсификации сферы услуг вполне понятен. Однако для Беларуси важны не только максимальное привлечение туристов из Китая, но и четкое отстаивание своих национальных интересов, несмотря на дружественные чувства нашего партнера.

Библиографические ссылки

1. Мокрецкий АЧ. «Экономический пояс Шелкового пути» как механизм экономической геополитики Китая в постсоветских странах. *Китай в мировой и региональной политике. История и современность* [Интернет]. 2017 [протитировано 17 марта 2021 г.]; 22. Доступно по: <https://cyberleninka.ru/article/n/ekonomicheskii-poyas-shelkovogo-puti-kak-mehanizm-ekonomicheskoy-geopolitiki-kitaya-v-postsovetskikh-stranah>.
2. Мокрецкий АЧ. Китайский проект Экономического пояса Шелкового пути: перспективы участия Беларуси. *Китай в мировой и региональной политике. История и современность* [Интернет]. 2015 [протитировано 22 апреля 2021 г.]; 20. Доступно по: <https://cyberleninka.ru/article/n/kitayskiy-proekt-ekonomicheskogo-poyasa-shelkovogo-puti-perspektivy-uchastiya-belarusi>.
3. Гайдукевич ЛМ. Развитие международного туризма в КНР: состояние и перспективы. В: Шадурский ВГ, редактор. *Беларусь в современном мире = Беларусь у сучасным свеце. Материалы XIV Международной конференции, посвященной 94-летию образования Белорусского государственного университета; 29 октября 2015 г.; Минск, Беларусь*. Минск: Издательский центр БГУ; 2016. с. 227–228.
4. Бакеренко Ю. В 2019 году китайские туристы совершили более шести миллиардов внутренних поездок. *Беларусь сегодня* [Интернет]. 2020 [протитировано 17 марта 2021 г.]. Доступно по: <https://www.sb.by/articles/v-2019-godu-kitayskie-turisty-sovershili-bolee-6-milliardov-vnutrennikh-poezdok.html>.

¹⁸Как Беларуси войти на туристический рынок Китая? [Электронный ресурс] // Республиканский союз турист. индустрии. URL: <https://rsti.by/o-nas/novosti/kak-belarusi-voyti-na-turisticheskiy-rynok-kitaya/> (дата обращения: 20.03.2021).

¹⁹Там же.

²⁰Там же.

²¹Справка ООО «Ви энд Ви Медикал» о сотрудничестве с КНР в области здравоохранения... 4 с.

5. Кобзик Л. Итоги по въезду-выезду туристов в 2019 году: Египет снова направление № 1. *Республиканский союз туристических организаций* [Интернет]. 2020 [процитировано 6 апреля 2021 г.]. Доступно по: <https://www.toursoyuz.by/2020/03/12/itogi-po-vezdu-vyezdu-turistov-v-2019-godu-egipet-snova-napravlenie-%E2%84%961/>.

6. Милашевич ЕА. Система организации экспорта медицинских услуг Беларуси: проблемы и перспективы развития. В: Янчилов АВ, редактор. *Региональное развитие: проблемы и перспективы. Материалы VI Всероссийской научно-практической заочной конференции с международным участием; 17 марта 2017 г.; Нефтекамск, Россия*. Нефтекамск: Нефтекамский филиал БашГУ; 2017. с. 30–36.

References

1. Mokretskii ACh. [«The economic belt of the Silk Road» as a mechanism of China's economic geopolitics in post-Soviet countries]. *China in world and regional politics. History and modernity* [Internet]. 2017 [cited 2021 March 17];22. Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/ekonomicheskii-poyas-shelkovogo-puti-kak-mehanizm-ekonomicheskoy-geopolitiki-kitaya-v-postsovetskikh-stranah>. Russian.

2. Mokretskii ACh. [The Chinese project of the Silk Road Economic Belt. Prospects for Belarus' participation]. *China in world and regional politics. History and modernity* [Internet]. 2015 [cited 2021 April 22];20. Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/kitayskiy-proekt-ekonomicheskogo-poyasa-shelkovogo-puti-perspektivy-uchastiya-belarusi>. Russian.

3. Gaidukevich LM. [Development of international tourism in the PRC: state and prospects]. In: Shadurskii VG, editor. *Belarus' v sovremennom mire = Belarus' u suchasnym svece. Materialy XIV Mezhdunarodnoi konferentsii, posvyashchennoi 94-letiyu obrazovaniya Belorusskogo gosudarstvennogo universiteta; 29 oktyabrya 2015 g.; Minsk, Belarus'* [Belarus in the modern world: materials of the 14th International conference dedicated to the 94th anniversary of the formation of the Belarusian State University; 2015 October 29; Minsk, Belarus]. Minsk: Publishing House of the Belarusian State University; 2016. p. 227–228. Russian.

4. Bakarenko Yu. [In 2019 Chinese tourists made more than six billion domestic trips]. *Belarus' segodnya* [Internet]. 2020 [cited 2021 March 17]. Available from: <https://www.sb.by/articles/v-2019-godu-kitayskie-turisty-sovershili-bolee-6-milliardov-vnutrennikh-poezdok.html>. Russian.

5. Kobzik L. [Results on the entry-exit of tourists in 2019: Egypt again direction number 1]. *Republican Union of Tourist Organizations* [Internet]. 2020 [cited 2021 April 6]. Available from: <https://www.toursoyuz.by/2020/03/12/itogi-po-vezdu-vyezdu-turistov-v-2019-godu-egipet-snova-napravlenie-%E2%84%961/>. Russian.

6. Milashevich EA. [The system of organisation of export of medical services in Belarus: problems and prospects of development]. In: Yanchirov AV, editor. *Regional'noe razvitie: problemy i perspektivy. Materialy VI Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi zaочноi konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem; 17 marta 2017 g.; Neftekamsk, Rossiya* [Regional development: problems and prospects. Materials of the 6th All-Russian scientific and practical correspondence conference with international participation; 2017 March 17; Neftekamsk, Russia]. Neftekamsk: Neftekamskii filial Bashkirskogo gosudarstvennogo universiteta; 2017. p. 30–36. Russian.

Статья поступила в редколлегию 24.06.2021.
Received by editorial board 24.06.2021.

К СТОЛЕТИЮ СОЗДАНИЯ БГУ

ДА СТАГОДДЗЯ СТВАРЭННЯ БДУ

BELARUSIAN STATE UNIVERSITY CELEBRATES 100th ANNIVERSARY

УДК 334.73(476)(091)+378.4(476-25)(092)(091)

РАЗВИТИЕ КООПЕРАЦИИ В БЕЛАРУСИ И СТАНОВЛЕНИЕ КАДРОВОГО ПОТЕНЦИАЛА БГУ В 1920-х гг.

С. Н. ХОДИН¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Определяется актуальность проблематики кооперативного строительства в становлении белорусских научных школ. Характеризуется роль БГУ в разработке проблем кооперации в 1920-х гг. Исследуется деятельность С. Л. Певзнера как представителя экономической мысли 1920-х гг. В ракурсе «история через личность» раскрываются проблемы становления кадрового потенциала БГУ. Характеризуются отношения руководства и преподавательского состава университета, статус и вопросы материального благосостояния приглашенных преподавателей. Сделан вывод о значительном кадровом дефиците и серьезной конкуренции в кадровой сфере университетской науки в 1920-х гг. в связи с развитием высшего образования в СССР.

Ключевые слова: кооперативное строительство; белорусские научные школы; Белорусский государственный университет; история через личность; кадровый потенциал БГУ; экономическая политика 1920-х гг.; С. Л. Певзнер; В. И. Пичета.

Образец цитирования:

Ходин С.Н. Развитие кооперации в Беларуси и становление кадрового потенциала БГУ в 1920-х гг. *Журнал Белорусского государственного университета. История.* 2021;4:71–79.
<https://doi.org/10.33581/2520-6338-2021-4-71-79>

For citation:

Khodzin S.M. Development of cooperation in Belarus and formation of personnel potential of the Belarusian State University in the 1920s. *Journal of the Belarusian State University. History.* 2021;4:71–79. Russian.
<https://doi.org/10.33581/2520-6338-2021-4-71-79>

Автор:

Сергей Николаевич Ходин – доктор исторических наук, профессор; заведующий кафедрой источниковедения исторического факультета.

Author:

Siarhei M. Khodzin, doctor of science (history), full professor; head of the department of source study, faculty of history.
skhodzin@mail.ru

Благодарность. Статья подготовлена в рамках выполнения задания государственных программ научных исследований на 2021–2025 гг.

РАЗВІЦЦЁ КААПЕРАЦЫІ Ў БЕЛАРУСІ І СТАНАЎЛЕННЕ КАДРАВАГА ПАТЭНЦЫЯЛУ БДУ Ў 1920-я гг.

С. М. ХОДЗИН^{1*}

^{1*} *Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, пр. Незалежнасці, 4, 220030, г. Мінск, Беларусь*

Вызначаецца актуальнасць праблематыкі кааператыўнага будаўніцтва ў станаўленні беларускіх навуковых школ. Характарызуецца роля БДУ ў распрацоўцы праблем кааперацыі ў 1920-я гг. Даследуецца дзейнасць С. Л. Пеўзнера як прадстаўніка эканамічнай думкі 1920-х гг. У ракурсе «гісторыя праз асобу» раскрываюцца праблемы станаўлення кадровага патэнцыялу БДУ. Характарызуюцца адносіны кіраўніцтва і выкладчыцкага складу ўніверсітэта, статус і пытанні матэрыяльнага дабрабыту запрошаных выкладчыкаў. Зроблены вывад аб значным кадравым дэфіцыце і сур'ёзнай канкурэнцыі ў кадровай сферы ўніверсітэцкай навукі ў 1920-я гг. у сувязі з развіццём вышэйшай адукацыі ў СССР.

Ключавыя словы: кааператыўнае будаўніцтва; беларускія навуковыя школы; Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт; гісторыя праз асобу; кадравы патэнцыял БДУ; эканамічная палітыка 1920-х гг.; С. Л. Пеўзнер; У. І. Пічэта.

Падзяка. Артыкул падрыхтаваны ў рамках выканання задання дзяржаўных праграм навуковых даследаванняў на 2021–2025 гг.

DEVELOPMENT OF COOPERATION IN BELARUS AND FORMATION OF PERSONNEL POTENTIAL OF THE BELARUSIAN STATE UNIVERSITY IN THE 1920s

S. M. KHODZIN^a

^a *Belarusian State University, 4 Niezaliežnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus*

The relevance of the problems of cooperative construction in the formation of Belarusian scientific schools is determined. The role of the Belarusian State University in the development of problems of cooperation in the 1920s is characterised. The activity of S. L. Pevsner as a representative of the economic thought of the 1920s is studied. In the perspective of «history through personality», the problems of the formation of the personnel potential of Belarusian State University are revealed. The relations between the management and the teaching staff of the university, the status and issues of material well-being of teachers invited to Belarusian State University are characterised. The conclusion is made about a significant personnel shortage and the presence of serious competition in the personnel sphere of university science in the 1920s with the development of higher education in the USSR.

Keywords: cooperative construction; Belarusian scientific schools; Belarusian State University; history through personality; personnel potential of Belarusian State University; economic policy of the 1920s; S. L. Pevsner; V. I. Picheta.

Acknowledgements. The article was prepared in the framework of the task of the state programs of scientific research on 2021–2025.

Введение

Для понимания преемственности разных периодов нашей истории исключительное значение имеет изучение системы ценностей, привычек, традиций, религиозных и мифических представлений, а также обусловленных ими форм социального поведения. Историки имеют дело не с каким-то абстрактным человеческим существом, а с человеком, живущим в определенное время, в конкретной местности, име-

ющим свой жизненный и генетически заимствованный опыт предков. В последние десятилетия актуализируется не только рассмотрение личности и ее роли в истории, но и анализ истории через личность. Благодаря работам прежде всего университетских ученых в белорусской историографии очерчивается так называемая персональная история – выросшее из биографической истории направление, которое

в наибольшей степени может высветить общее и особенное в прошлом [1]. Жанр исторической биографии позволяет получить, помимо постижения перипетий личностных судеб, достаточно системное восприятие не только личности, но и определенного

периода истории. Просопографический подход дает возможность раскрывать внутренние процессы в социальной среде, опираясь на более широкую источниковую базу, включающую материалы периодической печати и документы делопроизводства.

Основная часть

После завершения гражданской войны важнейшими для большевистской партии стали вопросы адаптации власти к особенностям огромной страны. Красногвардейская атака на капитал не увенчалась успехом, и большевики были вынуждены вернуться к товарно-денежным отношениям, рынку. Большевики, сплоченные X съездом партии, вышли на радикальные решения, принятые IX Всероссийским съездом Советов. НЭП рассматривался как стратегия на длительный период, в течение которого должны были сформироваться правовая система, культура и практика рыночных отношений. Именно кооперация определялась как ключевое звено в построении социалистического общества. В этом контексте уместны слова В. И. Ленина о том, что «не кооперацию надо приспособлять к НЭПу, а НЭП – к кооперации» [2, с. 195].

К середине 1920-х гг. у руководителей БССР сложилось понимание того, что Беларусь должна определять пути кооперации соответственно своим природным и экономическим условиям. «В нашей партии “ходячим мнением” проявляется то, что трактор является основным коллективизирующим в деревне фактором, – отмечалось на кооперативных совещаниях. – В Беларуси при большом малоземелье и заболоченности почв трактор пока не может занять решающее значение»¹. Основной акцент предполагалось сделать на переработке сельскохозяйственной продукции и мелиорации. Кооперирование в БССР в 1924–1928 гг. планировалось проводить путем объединения крестьянских хозяйств по линии производства (через машинные общества), переработки (через льноводческие, маслодельные, картофелеперерабатывающие и плодо- и овощесушильные товарищества), а также по линии сбыта и снабжения. Важным направлением выступало развитие мелиоративных обществ². На протяжении 1920-х гг. наблюдался довольно быстрый рост простейших форм кооперации. Значительно возросло количество объединений в сфере молочной кооперации, мелиоративных и сельскохозяйственных кредитных обществ.

Заметной чертой модернизационных процессов 1920-х гг. стало усиление роли науки и образования. Именно в это время сформировались многие белорусские научные школы. Среди наиболее яр-

ких представителей аграрных наук можно назвать С. В. Скандракова, Е. Л. Ярошчука, Г. И. Горещкого, А. А. Смолича, И. А. Кислякова. Позиция этих ученых хоть и формировалась под влиянием российской аграрной школы, однако они стремились изучить и учесть особенности и традиции Беларуси как отдельной хозяйственной системы. В частности, И. А. Кисляков критиковал А. В. Чаянова за узкий технико-экономический подход: «Землеустройство, оставаясь само по себе актом экономико-техническим, является вместе с тем явлением социально и экономически обусловленным по всем линиям» [3, с. 130]. По его мнению, «российская университетская землеустроительная наука до сих пор игнорирует поселковую форму землепользования» [3, с. 130].

Развитие кооперации с учетом специфики Беларуси требовало серьезной научной проработки и подготовки соответствующих специалистов. Вслед за принятием решения об открытии БГУ (25 февраля 1919 г.) Минское политехническое училище было преобразовано в Белорусский государственный политехнический институт (далее – Политехникум). Его возглавил Н. К. Ярошевич, который вырос в белорусской крестьянской семье, закончил Московский институт сельского хозяйства, работал агрономом и имел опыт преподавания агрономии. Сложности с открытием Политехникума и экономическая ситуация в 1922 г. привели к появлению предложений о реорганизации отделений института в технический и агрономический факультеты БГУ [4; 5]. Учитывая тяжелое экономическое положение республики, ограниченность материальных ресурсов, полное отсутствие средств на содержание трех вузов (планировалось также открытие сельскохозяйственного института), Наркомат земледелия БССР предложил реорганизовать Политехникум. 29 июня 1922 г. он был упразднен, а на его базе создан Белорусский государственный институт сельского хозяйства³. БГУ разрешил практическим работникам Наркомата земледелия БССР и кооперативных учреждений поступать на второй курс по собеседованию при наличии документов об образовании [6].

На основе использования научных принципов и подходов был разработан документ «Перспективный план развития сельского и лесного хозяйства

¹Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). Ф. 4п. Оп. 1. Д. 3083. Л. 19об.

²Там же. Д. 522. Л. 81.

³Там же. Ф. 209. Оп. 1. С. 1.

БССР на 1925/26–1929/30 гг.». В середине 1920-х гг. широко обсуждался генеральный план развития мелиорации в БССР [7]. В практике и деятельности государственных и кооперационных структур Беларуси в 1920-х гг. заметно влияние известных представителей экономических школ А. В. Чаянова, Н. Д. Кондратьева, М. П. Макарова, А. Н. Челинцева, которые ставили целью улучшение крестьянского трудового хозяйства на основе рациональной организации производства, его интенсификации за счет передовой технологии, кооперирования сбыта и переработки сельхозпродукции [7]. Профессору М. П. Макарову принадлежит основательная работа по изучению эффективности форм землепользования в БССР [8]. Профессор О. А. Хауке сравнивал колхозы с немецкими земельными обществами [9]. Описание преимуществ крупной собственности и сравнение с ситуацией в Германии мы находим и у наркома земледелия БССР Д. Ф. Прищепова.

В результате дробления крестьянских хозяйств не только снижался доход государства от налогообложения, но и образовывались новые маломощные хозяйства. Во второй половине 1920-х гг. и для теоретиков, и для практиков стала понятной необходимость развития коллективизации, которая первоначально отождествлялась с развитием кооперации. В частности, И. А. Кисляков писал о том, что «...получается большая перегруженность небольшого земельного раздела капиталом, который нерационально с производственной стороны используется. Самому “культурному хозяину” попробуйте при 6 га земли в кредит построить здания, купить лошадь, корову, плуг, барану, молотилку и другие машины, прокредитовать его семенем, и каждый такой хозяин, если у него вторых доходов, кроме как от сельского хозяйства, не будет, почти что с выплатой кредита не справится и хозяйство у него будет являться дефицитным» [3, с. 78]. Д. Ф. Прищепов в споре о кооперации с секретарем ЦК КП(б)Б А. И. Криничким отмечал: «Мы не переоценили. Мы недооценили. Сейчас темпы кооперации довольно быстрые. Государство вложило большие средства, но именно поэтому не надо бросаться в крайности... Кооперация не исключает повышения товарности. Напротив, эти вещи взаимосвязаны»⁴.

Определенная корректировка экономической политики в деревне реализовывалась наркомом земледелия БССР не только с учетом партийных решений, но и с учетом неизбежности преодоления проблем развития индивидуальных хозяйств в условиях перехода к рыночным отношениям. Если в прошлые посевные кампании, по мнению Д. Ф. Прищепова, стояли задачи в основном восстановительного характера, то в 1928 г. они дополни-

лись рядом новых моментов, иными установками в аграрной политике: «До сих пор наше внимание было сконцентрировано главным образом на проведении землеустройства, мелиорации, агромероприятий. <...> В настоящий момент, когда начался период реконструкции сельского хозяйства, мы становимся перед необходимостью индустриальной переработки, которой требуют лен, фрукты, молоко, мясо и другие продукты» [10, с. 56]. В таких условиях возрастала роль кооперации, основанной не только на традициях, но и на глубоком изучении зарубежного опыта. Нарком земледелия БССР сам изучал на практике европейский опыт, образно называя Беларусь красной Данией в сфере сельского хозяйства [11]. Значительные надежды в области научных и практических разработок кооперативного развития возлагались на БГУ.

Вполне понятно, что кадровые проблемы БГУ быстрее можно было решить, пригласив на работу известных ученых из стран Западной Европы, РСФСР и Украины. Во второй половине 1920-х гг. БГУ пригласил на работу соавтора теории относительности, ассистента А. Эйнштейна профессора Я. П. Громмера, известного лингвиста П. А. Бузука и многих других прославленных научных деятелей [12]. Активизация кооперативного движения в Беларуси побуждала ректора и правление БГУ к поиску необходимых специалистов, развитию кафедры науки о финансах и кооперации.

Сложившуюся ситуацию в изучении проблематики развития кооперации довольно подробно раскрывает докладная записка доцента указанной кафедры С. Л. Певзнера, поданная 5 декабря 1927 г. в правление БГУ. В записке отмечается, что европейскими странами с наиболее развитым кооперативным движением во всевозможных его видах и формах являются Германия и Дания, а также Чехия, Австрия и Бельгия. «В указанных странах, в особенности в Германии и Дании, кооперативное движение, достигшее почти во всех своих формах и видах огромнейших размеров, насчитывает уже 60–80 лет практического опыта»⁵. Известно, что в середине 1920-х гг. развитие кооперации в этих государствах привлекало внимание не только конкретных практических работников, но и руководства наркомата земледелия БССР. В частности, Д. Ф. Прищепов не только изучал развитие сельскохозяйственного производства в Дании, но и изложил некоторые его обобщения в журнальных публикациях. Однако С. Л. Певзнер их не упоминает, ему было важно доказать, что работу по исследованию кооперации в западноевропейских странах необходимо активизировать: «Изучение этого огромнейшего опыта практической работы кооперативных организаций

⁴НАРБ. Ф. 4п. Оп. 1. Д. 1992. Л. 91–97.

⁵Там же. Ф. 205. Оп. 3. Д. 6171. Л. 23–26.

Запада, в частности их методов и форм организационного строительства, торгово-посреднической работы, их достижений в области рационализации аппарата, стандартизации товаров и улучшения их качества, дающих возможность западноевропейской кооперации не только успешно конкурировать с крупнейшими частными капиталистическими фирмами, но даже их побеждать (в Дании, например, в области экспортной торговли), всегда имело, а тем более в настоящее время приобретает для нас исключительно важное теоретическое и практическое значение»⁶. Из докладной записки понятно, что ученый не только представлял перспективные направления исследований, но и глубоко понимал проблемы изучения кооперативного движения в СССР. «Если в области рабочей потребительской кооперации во всем СССР, в частности в БССР, – отмечает он, – у нас имеются и огромное кооперирование масс, и значительный охват рабочего бюджета, т. е. целый ряд количественных достижений, то со стороны качества работы и обслуживания потребителя, правильного построения своего хозяйства в финансовом и коммерческом отношениях нашей потребкооперации предстоит еще очень много работы, и в этой области советской кооперации есть еще много чему поучиться у западноевропейской кооперации»⁷.

По мнению С. Л. Певзнера, для СССР в целом и БССР в частности как для страны с преобладающим крестьянским населением развитие сельскохозяйственной кооперации открывало огромные перспективы. «Для этого вида кооперации, – писал он, – изучение богатейшего западноевропейского опыта имеет совершенно исключительное по своей важности значение как с теоретической, так и с практической стороны. Достаточно указать, что Германия и Дания знают до 44 организационных форм сельскохозяйственной кооперации, а в богатейшей по своему размеру и развитию среди прочих советских республик сельскохозяйственной кооперации Украине насчитывается только 25 видов с.-х. товариществ»⁸.

На протяжении 1920-х гг. и всего XX в. господствовало мнение о том, что формы и практики экономической жизни можно заимствовать. Только печальный опыт реформ в постсоциалистических странах, процессы модернизации в странах Азии позволили утверждать, что одинаковых рецептов для решения схожих экономических проблем нет. Всемирно известный ученый Н. Д. Кондратьев в своей последней книге, написанной в 1931 г. в Бутырской тюрьме, отмечал: «...история литературы, история науки убедительно доказывают, что каж-

дый художник и каждый исследователь есть ребенок определенной эпохи, есть наследник прошлого литературы и науки и что в его творчестве, в его приемах и результатах всегда присутствует значительная доля независимого от индивидуальности» [13, с. 55]. Не употребляя понятий «экономическая психология» и «экономическое поведение», он утверждал, что экономика – это наука, которая зависит от традиций и особенностей конкретного общества. Возможно, такой подход С. Л. Певзнера был неизвестен.

В целом, С. Л. Певзнер абсолютно верно утверждал, что в подавляющем большинстве русскоязычных работ присутствовала лишь общая характеристика западноевропейской кооперации преимущественно в виде газетных публикаций и журнальных статей, небольших популярных брошюр. «Мы, русские кооператоры, знаем только понаслышке, но не знаем ни опыта работы, ни финансового положения неизвестных нашей практике существующих в Германии и Дании форм сельскохозяйственной кооперации. Изучение западноевропейской кооперации по материалам, имеющимся в СССР, вовсе не представляется возможным, так как во всех наших государственных, не ведомственных библиотеках отсутствуют, во-первых, необходимые первоисточники для изучения имущественного строения средств западноевропейской кооперации, а также ее хозяйственной работы, наценок на товар, торговых и организационных расходов, размеров торговых сборов, скорости обращения товаров и средств, размеров собственных и чужих капиталов и других вопросов. Этими первоисточниками являются отчеты кооперативных организаций центральных, срединных и первичных, то есть кооперативных товариществ. Во-вторых, у нас отсутствует, по наведенным автором докладной записки справкам, журнальная и газетная кооперативная литература Запада, в особенности германская за период 1915–22 годов. И, в-третьих, у нас нет и основных монографических работ, выходящих там в огромном количестве»⁹. Доцент С. Л. Певзнер обращает внимание на то, что в настоящее время читает студентам кооперативного цикла курсы «Основы кооперации» и «История кооперативной мысли», а на будущий год запланирован курс «Организация и практика сельскохозяйственной кооперации в их связи с политикой и экономикой».

С. Л. Певзнер довольно убедительно пишет о необходимости тщательно анализировать итоги развития сельскохозяйственной кооперации. Вместе с тем представленная им записка имела абсолютно прагматичный характер. Таким образом ученый

⁶ Там же. Ф. 205. Оп. 3. Д. 6171. Л. 23–26.

⁷ Там же. Л. 24.

⁸ Там же.

⁹ Там же. Л. 25.

обосновывал необходимость продолжительной заграничной командировки за счет университета в Германию, Данию, Австрию и Чехию для изучения экономики, политики и практики сельскохозяйственной кооперации. В ходе ее он планировал написать работу на тему «Западноевропейская сельскохозяйственная кооперация в военное время и в послевоенный период», которую собирался представить в качестве диссертации для получения звания доктора прикладной экономики. Практика предоставления зарубежных командировок в БГУ была отработана. Ведущие профессора и ректор неоднократно участвовали в международных симпозиумах и конференциях, читали лекции в зарубежных университетах [4]. Вместе с тем в отношении С. Л. Певзнера ректор В. И. Пичета занял несколько иную позицию.

Биография С. Л. Певзнера объясняет, почему правление БГУ остановилось на его кандидатуре. Он родился 9 октября 1893 г. в Александровске, уездном городе Екатеринославской губернии. Город находился недалеко от Днепра и железной дороги (напротив о. Хортица, бывшего некогда главным местом Запорожской Сечи). И хотя значительной торговли здесь не велось, имелись большие складочные магазины и уже тогда насчитывалось около 7 тыс. жителей. В 1913 г. будущий ученый окончил с серебряной медалью Александровское коммерческое училище, в 1916 г. поступил на экономическое отделение Московского коммерческого института, но в 1918 г. перевелся на кооперативное отделение Харьковского коммерческого института, которое окончил весной 1919 г. с дипломом первой степени и званием кандидата экономических наук. В 1921 г. С. Л. Певзнер поступил на факультет внешних сношений Харьковского института народного хозяйства, который окончил после публичной защиты работы «Торговые взаимоотношения России и Германии» весной 1922 г.¹⁰

С. Л. Певзнер накопил большой практический опыт в финансовой и банковской сфере. В 1913–1918 гг. он работал в Москве в Александровском отделении Международного коммерческого банка, затем – бухгалтером главного комитета Всероссийского союза городов, секретарем первого отдела Главной конторы Центросоюза. С 1919 г. работал в Харькове на разных должностях: консультантом губернского финансового отдела, начальником учетно-статистического отдела Южного округа путей сообщения, помощником заведующего торговым подразделением правления Государственного банка, членом экономической торгово-кооперативной секции Укргосплана, заместителем заведующего

финансово-экономическим бюро Всеукраинской конторы Государственного банка СССР, старшим экономистом планово-экономического отдела Всеукраинского центра сельскохозяйственной кооперации.

С. Л. Певзнер имел неплохой опыт и педагогической деятельности: с осени 1923 г. до лета 1924 г. он преподавал курс «Банки и коммунальный кредит», с осени 1923 г. по осень 1926 г. – курс «Основы финансовой науки» во Всеукраинском техникуме коммунального хозяйства. С осени 1926 г. читал курсы «История и теория кооперации», «Экономика и политика кооперации» в Харьковском институте народного хозяйства. С. Л. Певзнер принимал активное участие в деятельности научных организаций: являлся научным сотрудником на кафедре кооперации и коллективизации Всеукраинского института марксизма-ленинизма, членом Харьковского научного общества по социально-экономической секции Всеукраинской академии наук.

С. Л. Певзнер вел активную общественную жизнь: в 1919 г. состоял председателем кооператива служащих Харьковского губернского финансового отдела и заместителем председателя Харьковского губернского отдела профсоюза работников финансового и налогового дела, был членом правления профсоюза «Банкотруд», финансово-экономической секции Всеукраинского кооперативного совета. Его список работ на 19 октября 1927 г. включал восемь книг (в основном обзорного и хрестоматийного характера) и несколько журнальных статей по экономике, финансам и кооперации¹¹.

При приеме С. Л. Певзнера на работу в БГУ, кроме жизнеописания, был заслушан отзыв профессора В. И. Пичеты об опубликованных работах претендента на должность. В. И. Пичета отметил, что учебные пособия и хрестоматии С. Л. Певзнера не носят монографического характера, но статьи, пусть и небольшие по своему объему, свидетельствуют о том, что автор хорошо знает вопросы кооперации и заслуживает того, чтобы Наркомпрос БССР утвердил его доцентом экономического отделения на кафедре теории и истории кооперации факультета права и хозяйства БГУ. Профессорское звание не могло быть присуждено по той причине, что С. Л. Певзнер еще не написал монографию, «которая бы полностью определила его как научного работника». На заседании правления БГУ 30 ноября 1927 г. было решено, что доцент С. Л. Певзнер должен был начать работу 8 ноября 1927 г. с нагрузкой 18 ч в неделю¹².

В связи с тем что обещанной при приглашении на работу в Минск квартиры в наличии не оказалось, он согласился с 1 декабря 1927 г. проживать в гости-

¹⁰НАРБ. Ф. 205. Оп. 3. Д. 6171. Л. 9.

¹¹Там же. Л. 9–16.

¹²Там же. Л. 5–7.

нице «Европа». Пока жил один, доцент должен был платить 10 руб. в месяц, с приездом семьи – 20 руб., остальную сумму доплачивал университет. Соглашение сохраняло силу до 1 июня 1928 г. Правление БГУ 30 декабря 1927 г. сообщило в гостиницу, что плата за номер, занимаемый доцентом университета С. Л. Певзнером с 16 ноября по 30 декабря этого года, будет внесена 3 января 1928 г. При этом уже в самом начале работы в БГУ ему был предоставлен отпуск на время зимних каникул с 1 января по 1 февраля 1928 г. Правление БГУ также приняло все меры для обеспечения кабинета экономики и права книгами по финансовым вопросам, а также отчетами, журналами и другими материалами, отобранными С. Л. Певзнером для учебного процесса. По месту отпуска в Харьков ему причиталось жалованье¹³.

Следует отметить, что накануне, 8 июня 1927 г., СНК БССР утвердил Положение о научных работниках высших учебных заведений и научных учреждений БССР (далее – Положение о научных работниках), регламентировавшее порядок назначения и увольнения, присвоения ученого звания, материального и пенсионного обеспечения работников научной сферы. Согласно ему вузы и научно-исследовательские учреждения республики получили право присваивать работникам звание доктора по научным дисциплинам, утверждаемым Наркомпросом, устанавливался порядок публичной защиты работ. Кроме того, положение устанавливало и порядок решения некоторых трудовых споров, возникавших при приеме на работу и увольнении, предписывало требования к назначению должности профессора¹⁴. Наркомпрос БССР, ознакомившись с представлением БГУ С. Л. Певзнера на должность доцента по кафедре науки о финансах и кооперации от 20 декабря 1927 г., 21 февраля 1928 г. подтвердил, что оно прошло в соответствии с Положением о научных работниках, и постановил на основании его статей 12 и 14 утвердить избрание С. Л. Певзнера на должность доцента с 8 ноября 1927 г. сроком на пять лет¹⁵.

С 9 июня по 1 сентября 1928 г. доцент С. Л. Певзнер получил отпуск и отправился в Ессентуки «лечиться, отдыхать и набираться сил для зимней работы». Он, однако, не планировал прибыть в Минск к 1 сентября, а собирался «заехать на 3–4 дня в Харьков с тем, чтобы к 5–7 сентября вернуться в Минск и успеть целую неделю посвятить экзаменационной сессии»¹⁶. Находясь на отдыхе, С. Л. Певзнер написал письмо в правление БГУ, где в связи с необхо-

димостью переезда своей семьи в Минск выразил убедительную просьбу не отказать в любезности и срочно сообщить ему, в каком положении находится та квартира, которую получатель письма обещал ему. «Готова ли она, и когда я могу перевезти свою семью, – спрашивает Самуил Львович. – Вы знаете, у меня же уже ребенок, которому тоже нужна жилая площадь и, может быть, еще большая, чем взрослым». При распределении квартир в доме для научных работников отправитель просил получателя выделить ему не менее 15 квадратных саженей (более 68 кв. м), разделенных на четыре комнаты¹⁷. Правление БГУ 25 августа 1928 г. сообщило доценту С. Л. Певзнеру, что ему будет предоставлена квартира не менее чем из двух комнат со всеми удобствами¹⁸.

По сведениям, которые приводятся в статье В. И. Пичеты¹⁹, С. Л. Певзнер остался неудовлетворенным предлагаемыми условиями и решил на своего рода ультиматум. Получив приглашение из Одесского института народного хозяйства (ОИНХ) на должность профессора 2-й категории и уведомление о заработной плате, он потребовал не только обещанной трехкомнатной квартиры, но и должности профессора, а также соответствующего оклада. В. И. Пичета негативно оценил такое поведение доцента, отметив, что выдвигаемые требования противоречат прежде всего Положению о научных работниках. Можно, однако, предположить, что ректор БГУ вынес конфликт на широкое обсуждение не только по причине участившихся такого рода случаев. В связи с тем что газета издавалась высшим органом государственного управления Советской Беларуси, он надеялся на поддержку своей позиции, если руководство ОИНХ займет сторону С. Л. Певзнера. Очевидно, что развитие университетского образования в союзных республиках приводило к росту конкуренции в сфере обеспечения высококвалифицированными кадрами, ведь институты подготовки их на местах еще только зарождались.

Существенным является также демократичность обсуждения такого рода конфликтов. В связи с этой публикацией С. Л. Певзнер написал заявление в правление БГУ, где указал, что она возмутительна по форме и содержанию, написана в недопустимом тоне. Не опровергая изложенных фактов, он потребовал разъяснить ему, является данная статья инициативой ректора или официальной позицией правления БГУ. В ответе доценту БГУ С. Л. Певзнеру сообщается, что статья профессора В. И. Пичеты

¹³НАРБ. Ф. 205. Оп. 3. Д. 6171. Л. 19–22.

¹⁴Там же. Л. 97–99.

¹⁵Там же. Л. 17, 27.

¹⁶Там же. Л. 31.

¹⁷Там же. Л. 32об.

¹⁸Там же. Л. 31.

¹⁹Пічэта В. І. Новы від спекуляцыі // Сав. Беларусь. 1928. 25 верас.

была написана по его инициативе, без извещения об этом правления университета. По отношению «к беседам доцента С. Л. Певзнера с заместителем ректора Слонимом и профессором Вольфсоном относительно условий его работы в университете, то они остаются в силе (квартира из 3 комнат и принципиальное ходатайство перед Наркомпросом о его командировке за границу)»²⁰.

Однако общественно-политическая ситуация в республике уже изменилась. В мае 1929 г. Политбюро ЦК ВКП(б) направило в БССР с инспекцией специальную партийную комиссию во главе с В. П. Затонским, председателем Центральной контрольной комиссии при ЦК КПУ. Серьезной критике было подвергнуто все руководство БССР. Со второй половины 1929 г. доклад В. П. Затонского стал опре-

делять содержание работы в республике в сфере национальных отношений [14]. Вскоре изменения затронули и БГУ. В ноябре 1930 г. правление БГУ, которое возглавил новый ректор И. П. Кореневский, приняло решение о ликвидации единой для университета организационной структуры – научного общества. Оно было разделено на отдельные общества по различным направлениям знаний с непосредственным подчинением правлению. В числе других сотрудников был уволен и доцент С. Л. Певзнер (за «вредное освоение преподаваемых дисциплины»). В. И. Пичета был арестован как «белорусский буржуазный националист и великодержавный шовинист» и обвинен в деятельности по «быстрому осуществлению планов интервенции против СССР»²¹.

Заключение

Нынешний год очерчивает столетие тех событий, которые в историографии принято называть началом НЭПа. Очевидна неразрывная связь становления белорусского государства, консолидации белорусской нации и развития БГУ. Период 1920-х гг. составляет уникальную эпоху не только в истории белорусского общества, но и в истории университета. Вместе с тем это время, полное противоречий и творческих поисков. Существенным аспектом развития вузов стало кадровое обеспечение учебных дисциплин, которое было определено практикой

социально-экономического развития республики. Приглашение на работу в БГУ С. Я. Певзнера характеризовало всю совокупность задач (материальных, организационных, социальных, психологических), которые стояли перед высшей школой на этапе становления белорусской государственности. Возникающие проблемы требовали не только нормативного регулирования образовательной сферы, но и развития собственных белорусских научных школ на основе привлечения молодежи в сферу науки и высшего образования.

Библиографические ссылки

1. Сидорцов ВН, Яновский ОА, Приборович АА, Луговцова СЛ, Сергеевкова ВВ. Межкафедральный круглый стол «Актуальные проблемы персональной истории» (Минск, 29 января 2013 г.). В: Сальков АП, Яновский ОА, Меньковский ВИ, Голенченко ГЯ, Забавский НМ, Лазько ГТ и др., редакторы. *Российские и славянские исследования. Выпуск 8*. Минск: БГУ; 2013. с. 292–308.
2. Ленин ВИ. Письмо В. А. Тихомирову и поручение секретарю. В: *Полное собрание сочинений. Том 54*. Москва: Издательство политической литературы; 1975. с. 195–196.
3. Кіслякоў Я. *Пасёлкі (оптымум тэрыторыі і эфект землеўпарадкавання)*. Мінск: Беларускі навукова-даследчы інстытут сельскай і лясной гаспадаркі; 1928. 256 с.
4. Ходзін СМ, Шумейка МФ, Яноўскі АА, складальнікі; Абламейка СУ, рэдактар. *Памяць і слава. Першы рэктар Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта – Уладзімір Іванавіч Пічэта*. Мінск: БДУ; 2011. 375 с.
5. Баландин КИ, Кукса АН. БПИ: на пути реорганизации и становления (1920–1930-е гг.). *Вестник БНТУ*. 2010;3:6.
6. Бяляева НР. Персанальная гісторыя як новы «паварот»? Разважанні на палях адной біяграфіі. *Беларускі гістарычны часопіс*. 2019;5:24–29.
7. Ходзін СМ. Этапы савецкай мадэрнізацыі і сацыякультурныя змены ў беларускай вёсцы (1921–1939). *Веснік БДУ. Серыя 3. Гісторыя. Эканоміка. Права*. 2016;3:32–39.
8. Макараў МП. *Спроба вывучэння эфектыўнасці форм землекарыстання ў БССР. Том 7, выпуск 5*. Мінск: [б. в.]; 1929. 218 с. (Працы Беларускага навукова-даследчага інстытута сельскай і лясной гаспадаркі пры СНК БССР. Аддзел сельскагаспадарчай эканомікі і арганізацыі сацыялістычнай сельскай гаспадаркі).
9. Хауке ОА. *Очерки землеустройства. Том 9. Выпуск 1. Земельные товарищества в Пруссии по закону 1920 г.* Горки: Типография академии; 1929. 62 с. (Оттиск из «Записки Белорусской государственной академии сельского хозяйства»).
10. Прышчэпаў З. Задачы рэканструкцыі сельскай гаспадаркі ў сёлетнюю пасеўкампанію. *Советское строительство*. 1928;3/4:53–62.
11. Ходзін СМ. *Мадэрнізацыя ў Беларусі (1921–1939)*. Мінск: БДУ; 2019. 287 с.

²⁰НАРБ. Ф. 205. Оп. 3. Д. 6171. Л. 37.

²¹Испытания (1930–1941) [Электронный ресурс]. URL: <https://time.bsu.by/> (дата обращения: 25.05.2021).

12. Абламейко СВ, Яновский ОА, редакторы. *Интеллектуальная элита Беларуси. Основоположники белорусской науки и высшего образования (1919–1941)*. Минск: БГУ; 2017. 303 с.

13. Кондратьев НД. *Основные проблемы экономической статистики и динамики. Предварительный эскиз*. Москва: Наука; 1991. 569 с. (Социологическое наследие).

14. Пурешева НМ. Деятельность «комиссии Затонского» и пути развития белорусской художественной культуры. У: Мартынова ВМ, редактар. *Куляшоўскія чытанні. Матэрыялы Міжнароднай навукова-практычнай канферэнцыі; 24 красавіка 2008 г.; Магілёў, Беларусь*. Магілёў: МДУ імя А. А. Куляшова; 2008. с. 167–169.

References

1. Sidortsov VN, Yanovskii OA, Priborovich AA, Lugovtsova SL, Sergeenkova VV. [Interdepartmental round table «Actual problems of personal history» (Minsk, 2013 January 29)]. In: Sal'kov AP, Yanovskii OA, Men'kovskii VI, Golenchenko GYa, Zabavskii NM, Laz'ko GG, et al., editors. *Rossiiskie i slavyanskije issledovaniya. Vypusk 8* [Russian and Slavic studies. Issue 8]. Minsk: Belarusian State University; 2013. p. 292–308. Russian.

2. Lenin VI. [Letter to V. A. Tikhomirov and instructions to the secretary]. In: *Polnoe sobranie sochinenii. Tom 54* [Full composition of writings. Volume 54]. Moscow: Izdatel'stvo politicheskoi literatury; 1975. p. 195–196. Russian.

3. Kisljakow Ja. *Pasjolki (optimum tjeritoryi i jefekt zemleuparadkavan'nja)* [Settlements (optimum of territory and effect of land management)]. Minsk: Belaruski navukova-dasledchy instytut sel'skaj i ljasnoj gaspadarki; 1928. 256 p. Belarusian.

4. Hodzin SM, Shumejka MF, Janowski AA, compilers; Ablamejka SU, editor. *Pamjac' i slava. Pershy rjektar Belaruskaga dzjarzhawnaga universitjeta – Uladzimir Ivanavich Pichjeta* [Memory and glory. The first rector of the Belarusian State University – Vladimir Ivanovich Picheta]. Minsk: Belarusian State University; 2011. 375 p. Belarusian.

5. Balandin KI, Kuksa AN. [Belarusian polytechnic institute: on the way of reorganisation and formation (1920–1930s)]. *Vestnik Belorusskogo natsional'nogo tekhnicheskogo universiteta*. 2010;3:6. Russian.

6. Bjaljaeva NR. [Personal story as a new «turn»? Reflections on the margins of one biography]. *Belaruskij gistorychny chasopis*. 2019;5:24–29. Belarusian.

7. Khodzin SM. The stages of the Soviet modernisation and socio-cultural changes in the Belarusian village (1921–1939). *Vestnik Belaruskaga dzjarzhawnaga wniversitjeta. Seryja 3. Gistoryja. Jekanomika. Prava*. 2016;3:32–39. Belarusian.

8. Makaraw MP. *Sproba vyvuchjen'nja jefektywnas'ci form zemlekarystan'nja w BSSR. Tom 7, vypusk 5* [An attempt to study the effectiveness of land use in the BSSR. Volume 7, issue 5]. Minsk: [s. n.]; 1929. 218 p. (Pracy Belaruskaga navukova-dasledchaga instytutu sel'skaj i ljasnoj gaspadarki pry SNK BSSR. Addzel sel'skagaspadarchaj jekanomiki i arganizacyi sacyjalistychnaj sel'skaj gaspadarki). Belarusian.

9. Khaue OA. *Očerki zemleustroistva. Tom 9, vypusk 1. Zemel'nye tovarishchestva v Prussii po zakonu 1920 g.* [Essays on land management. Volume 9, issue 1. Land partnerships in Prussia under the law of 1920]. Gorki: Tipografiya akademii; 1929. 62 p. (Ottisk iz «Zapiski Belorusskoi gosudarstvennoi akademii sel'skogo khozyaistva»). Russian.

10. Pryshchepaw Z. [Tasks of reconstruction of agriculture into this year's sowing campaign]. *Sovetskoe stroitel'stvo*. 1928;3/4:53–62. Belarusian.

11. Khodzin SM. *Madjernizacyja w Belarusi (1921–1939)* [Modernisation in Belarus (1921–1939)]. Minsk: Belarusian State University; 2019. 287 p. Belarusian.

12. Ablameiko SV, Yanovskii OA, editors. *Intellektual'naya elita Belarusi. Osnovopolozhniki belorusskoi nauki i vyshego obrazovaniya (1919–1941)* [Intellectual elite of Belarus. The founders of Belarusian science and higher education (1919–1941)]. Minsk: Belarusian State University; 2017. 303 p. Russian.

13. Kondrat'ev ND. *Osnovnye problemy ekonomicheskoi statiki i dinamiki. Predvaritel'nyi eskiz* [The main problems of economic statics and dynamics. Preliminary sketch]. Moscow: Nauka; 1991. 569 p. (Sotsiologicheskoe nasledie). Russian.

14. Purysheva NM. [The activities of the «Zatonsky commission» and the ways of development of the Belarusian art culture]. In: Martynava VM, editor. *Kuljashovskija chytanni. Matjeryjaly Mizhnarodnaj navukova-praktychnaj kanferjencyi; 24 kra-savika 2008 g.; Magilew, Belarus* [Kuleshov readings. Proceedings of the International scientific and practical conference; 2008 April 24; Magiljow, Belarus]. Mahilioŭ: Mogilev State A. Kuleshov University; 2008. p. 167–169. Russian.

Статья поступила в редколлегию 07.06.2021.
Received by editorial board 07.06.2021.

«СОВЕТСКИЕ УЧЕНЫЕ БЫЛИ НА СВОЕМ ПОСТУ»: ИЗУЧЕНИЕ И ПРЕПОДАВАНИЕ АРХЕОЛОГИИ И ИСТОРИИ ПЕРВОБЫТНОГО ОБЩЕСТВА В БГУ В ВОЕННЫЕ И ПЕРВЫЕ ПОСЛЕВОЕННЫЕ ГОДЫ

А. В. ВАЙТОВИЧ¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Исследуются малоизвестные страницы истории белорусской науки и образования, а именно преподавание дисциплин археологического профиля в БГУ в 1940-х – начале 1950-х гг. Отмечается, что в это время на историческом факультете читались два базовых курса, по археологии и истории первобытного общества. Занятия вели штатные преподаватели БГУ, а также московские ученые и сотрудники Института истории АН БССР. Показано, что научная деятельность в области археологии и смежных дисциплин сдерживалась кадровыми и материально-техническими проблемами. Университетские интеллектуалы провели большую работу по восстановлению историко-археологического музея БГУ, однако в связи с отсутствием выставочных площадей обновленная экспозиция так и не была открыта.

Ключевые слова: археология; история первобытного общества; музей; исторический факультет БГУ; история образования.

Благодарность. Автор высказывает признательность С. С. Юрецкому за помощь в подборе архивных материалов.

«САВЕЦКІЯ НАВУКОЎЦЫ БЫЛІ НА СВАІМ ПАСТУ»: ВЫВУЧЭННЕ І ВЫКЛАДАННЕ АРХЕАЛОГІІ І ГІСТОРЫІ ПЕРШАБЫТНАГА ГРАМАДСТВА Ў БДУ Ў ВАЕННЫЯ І ПЕРШЫЯ ПАСЛЯВАЕННЫЯ ГАДЫ

А. У. ВАЙТОВІЧ^{1*}

^{1*}Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, пр. Незалежнасці, 4, 220030, г. Мінск, Беларусь

Даследуюцца малавядомыя старонкі гісторыі беларускай навукі і адукацыі, а іменна выкладанне дысцыплін археалагічнага профілю ў БДУ ў 1940-я – пачатку 1950-х гг. Адзначаецца, што ў гэты час на гістарычным факультэце БДУ чыталіся два базавыя курсы, па археалогіі і гісторыі першабытнага грамадства. Заняткі вялі штатныя супрацоўнікі БДУ, а таксама маскоўскія навукоўцы і супрацоўнікі Інстытута гісторыі АН БССР. Навуковая дзейнасць у галіне археалогіі і сумежных дысцыплін стрымлівалася кадравымі і матэрыяльна-тэхнічнымі праблемамі. Універсітэцкія інтэлектуалы правялі вялікую працу па аднаўленні гісторыка-археалагічнага музея БДУ, аднак у сувязі з адсутнасцю выставачных плошчаў абноўленая экспазіцыя так і не была адкрыта.

Образец цитирования:

Вайтович АВ. «Советские ученые были на своем посту»: изучение и преподавание археологии и истории первобытного общества в БГУ в военные и первые послевоенные годы. *Журнал Белорусского государственного университета. История.* 2021;4:80–90.
<https://doi.org/10.33581/2520-6338-2021-4-80-90>

For citation:

Vaitovich AU. «Soviet scholars were on duty»: studying and teaching of the archaeology and the history of primitive society in the Belarusian State University during the war and post-war period. *Journal of the Belarusian State University. History.* 2021;4:80–90. Russian.
<https://doi.org/10.33581/2520-6338-2021-4-80-90>

Автор:

Александра Владимировна Вайтович – кандидат исторических наук; доцент кафедры археологии и специальных исторических дисциплин исторического факультета.

Author:

Aliaksandra U. Vaitovich, PhD (history); associate professor at the department of archaeology and special historical disciplines, faculty of history.
vaitovich.aliaksandra@gmail.com

Ключавыя словы: археалогія; гісторыя першабытнага грамадства; музей; гістарычны факультэт БДУ; гісторыя адукацыі.

Падзяка. Аўтар дзякуе С. С. Юрэцкаму за дапамогу ў падборы архіўных матэрыялаў.

«SOVIET SCHOLARS WERE ON DUTY»: STUDYING AND TEACHING OF THE ARCHAEOLOGY AND THE HISTORY OF PRIMITIVE SOCIETY IN THE BELARUSIAN STATE UNIVERSITY DURING THE WAR AND POST-WAR PERIOD

A. U. VAITOVICH^a

^aBelarusian State University, 4 Niezaliežnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

The article deals with the little-known pages of the history of archaeology and education. It reveals the main aspects of the teaching of archaeology and other disciplines of the relevant profile at the Belarusian State University in the period from 1940s to the beginning of 1950s. Lectures were conducted by full-time staff members of the Belarusian State University. Moscow scholars as well as fellow workers of the Institute of History of the Academy of Sciences of the BSSR were also invited for teaching. Scientific activity in the field of archaeology and closely-related disciplines was constrained by personnel problems and restricted material resources. University intellectuals carried did their best to restore the Museum of history and archaeology, however, due to the lack of exhibition space, the renewed exposition had not been opened.

Keywords: archaeology; history of prehistoric society; museum; faculty of history of the Belarusian State University; history of education.

Acknowledgements. The author expresses sincere gratitude to S. S. Yuretski for his assistance in the finding of archival materials.

Введение

В заголовок статьи вынесены слова, сказанные историком и литератором В. И. Шевченко в 1948 г. [1, с. 85]. Возглавив исторический факультет Белорусского государственного университета в суровом 1943 г., он не понаслышке знал о героизме и самоотверженности тружеников науки во время Великой Отечественной войны и в первые годы мирного строительства. Об археологах и музейных работниках В. И. Шевченко говорил: «Они... не дрогнули перед коварным врагом. Все, доверенное им народом, они сберегли для народа» [1, с. 85]. Это утверждение в полной мере справедливо и в отношении сотрудников БГУ.

Отдельные факты из истории университетской археологии 1940-х – начала 1950-х гг. неоднократно приводились в специальной литературе¹ [2, с. 21; 3, с. 20, 24; 4; 5, с. 68–69], научно-популярных изданиях [1, с. 76–78, 84] и мемуарных сочинениях

[6, с. 157; 7, с. 294]. Однако до настоящего времени полноценное исследование особенностей преподавания и изучения археологии и истории первобытного общества в БГУ в военные и послевоенные годы так и не было проведено. Вместе с тем осмысление ранних этапов формирования археологического образования в высшей школе является необходимым условием понимания ключевых направлений развития археологической науки.

В статье рассматриваются три взаимосвязанных аспекта функционирования университетской археологии в условиях военного времени и в последующий период восстановления Беларуси: организация преподавания археологии и истории первобытного общества, выработка планов по проведению научных изысканий в области археологии и смежных дисциплин, восстановление историко-археологического музея БГУ.

Организация преподавания археологии и истории первобытного общества

Поступательное развитие БГУ было прервано 22 июня 1941 г. Уже в июне 1942 г. СНК БССР принял постановление о восстановлении университета [3, с. 11]. Работы по возобновлению его деятельности активизировались спустя полгода, и в октябре

1943 г. на железнодорожной станции Сходня под Москвой студенты приступили к занятиям.

Одной из существенных проблем БГУ в нелегкий период эвакуации была нехватка преподавателей [3]. Непростой была ситуация и со штатным

¹Археалогія Беларусі : энцыклапедыя : у 2 т. Т. 2. Л–Я / рэдкал.: Т. У. Бялова (гал. рэд.) [і інш.]. Мінск : Беларус. энцыкл., 2011. С. 346 ; Віцязь С. П., Мядзведзева В. У., Дучыц Л. У. Даследчыкі археалагічных старажытнасцей Беларусі : біябібліяграфічны даведнік. Мінск : Беларус. навука, 2020. С. 304–305.

составом кафедры истории древнего мира, на базе которой происходило возрождение университетского археологического образования. Хотя вопросы развития кадрового потенциала этого подразделения исторического факультета неоднократно рассматривались специалистами [3, с. 25; 8; 9; 10], выявление новых архивных документов военного времени позволяет уточнить некоторые устоявшиеся представления.

Согласно списку профессорско-преподавательского состава БГУ на 1943/44 учебный год заведующим кафедрой истории древнего мира на полставки был назначен академик Н. М. Никольский, занимавший эту должность до войны. На полставки доцента был принят еще один работник из старых кадров БГУ В. И. Шевченко. В довоенные годы он занимал должность доцента кафедры истории древнего мира исторического факультета БГУ и одновременно возглавлял университетский историко-археологический музей [8, с. 34–37; 11]. Однако вплоть до марта 1944 г. Н. М. Никольский находился на территории Беларуси (сначала в оккупированном Минске, затем в партизанском отряде) и руководил кафедрой осуществлял В. И. Шевченко² [3, с. 25; 8, с. 27–28, 34–37; 9, с. 33]. Для хотя бы минимального налаживания учебного процесса на кафедру были приглашены почасовики профессор БГУ академик В. Н. Перцев и профессор МГУ доктор исторических наук Б. А. Рыбаков³.

Именно Б. А. Рыбаков знакомил студентов исторического факультета БГУ с основами археологии в 1943 г.⁴ [3, с. 24]. Очевидно, совмещая работу в двух учебных учреждениях и имея большую педагогическую нагрузку, ученый иногда был вынужден идти на нарушение трудовой дисциплины. В феврале 1944 г. во время зимней сессии руководство БГУ высказывало недовольство тем, что, принимая экзамен, известный археолог «...за 4 часа проэкзаменовал 30 человек. Иначе говоря, вместо 20–30 минут на одного экзаменуемого профессор Рыбаков затрачивал не более 8 минут»⁵. Но учебно-методическая деятельность Б. А. Рыбакова получала и положительные отзывы. Так, в мае 1944 г., докладывая об

итогах работы кафедры истории древнего мира БГУ за истекший учебный год, В. И. Шевченко указывал, что «раздел курса проф. Рыбакова “Славянская и древнерусская археология” застенографирован и приготовлен к изданию»⁶.

Как следует из общеуниверситетского отчета за первое полугодие работы БГУ в эвакуации, к проведению занятий планировалось привлечь еще одного московского историка – крупного специалиста в области истории первобытного общества и истории религии, заведующего кафедрой истории древнего мира Московского областного педагогического института имени Н. К. Крупской⁷ В. К. Никольского⁸. Сведения о преподавательской работе В. К. Никольского в БГУ в 1943/44 учебном году не найдены, однако можно предполагать, что он был принят в штат исторического факультета.

На состоявшемся 3 мая 1944 г. заседании кафедры истории древнего мира присутствовали три сотрудника: академик Н. М. Никольский, который месяцем ранее (в апреле 1944 г.) приступил к выполнению обязанностей заведующего кафедрой, профессор В. К. Никольский (он подписал протокол за секретаря кафедры) и доцент В. И. Шевченко. Было уточнено штатное расписание кафедры на следующий, 1944/45, учебный год. Предполагалось создание трех штатных единиц. Должность заведующего кафедрой оставалась за Н. М. Никольским, кандидатами на две профессорские ставки были указаны В. К. Никольский и В. И. Шевченко. Еще три специалиста (В. Н. Перцев, Б. А. Рыбаков и Р. А. Поссе) должны были работать на почасовой оплате⁹.

На этом же заседании были определены и учебные планы на следующий год. Перед сотрудниками кафедры была поставлена цель разработать целый ряд курсов по археологии и истории первобытного общества. Задачи распределились следующим образом. Б. А. Рыбаков должен был проводить занятия по дисциплине «Основы археологии», рассчитанной на 60 часов. Примечательно, что одновременно было решено «в резерве иметь в виду Тарасенко Вас. Род.»¹⁰. Н. М. Никольский вызвался прочитать короткий факультативный курс «Раскопки в Рас-

²Нац. арх. Респ. Беларусь (НАРБ). Ф. 205. Оп. 5. Д. 48. Л. 37об; Центр. науч. арх. Нац. акад. наук Беларуси (ЦНА НАНБ). Ф. 1. Оп. 1. Д. 53. Л. 22.

³Там же.

⁴НАРБ. Ф. 205. Оп. 5. Д. 45. Л. 10; ЦНА НАНБ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 53. Л. 22.

⁵НАРБ. Ф. 205. Оп. 5. Д. 45. Л. 21.

⁶ЦНА НАНБ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 53. Л. 22.

⁷В справочной литературе отмечается, что В. К. Никольский в военные годы преподавал в МГУ (Советская историческая энциклопедия: в 16 т. / гл. ред. Е. М. Жуков. М.: Сов. энцикл., 1967. Т. 10. С. 224). Однако, согласно современным реконструкциям биографии ученого, в 1943 г., вскоре после защиты докторской диссертации, он перешел на работу в педагогический институт (Метель О. В. В поисках «советской первобытности»: В. К. Никольский (1894–1953) [Электронный ресурс] // История. 2020. Т. 11. Вып. 1(87). URL: <https://arxiv.gaugn.ru/s207987840008735-7-1/> (дата обращения: 03.08.2021)).

⁸НАРБ. Ф. 205. Оп. 5. Д. 48. С. 14, 28.

⁹ЦНА НАНБ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 53. Л. 22.

¹⁰Археолог В. Р. Тарасенко во второй половине 1930-х гг. работал в Могилёвском педагогическом институте. В июне 1941 г. его призвали на фронт, а после тяжелого ранения он был «перечислен в запас» и учительствовал в разных учебных заведениях, эвакуированных в Кемеровскую область. В феврале 1944 г. В. Р. Тарасенко переехал в Москву и вскоре был принят на должность старшего научного сотрудника сектора Института истории АН БССР (Отд. арх. работы, учета и использования док. БГУ. Ф. 205. Оп. 36. Д. 104. Л. 10об).

Шамра»¹¹. Наибольшую педагогическую нагрузку (свыше 80 ч) получил В. К. Никольский. В планы исторического факультета были включены три предмета: «История первобытного общества», «Источниковедение и историография первобытного общества», «Идеология и техника в первобытном обществе». Еще одна дисциплина, «История первобытного общества и Древнего Востока», предназначалась для студентов-филологов¹².

Тем временем ситуация на фронте постепенно изменялась. Летом 1944 г. белорусские земли были освобождены от немецко-фашистских захватчиков, и 1 августа 1944 г. СНК БССР и ЦК КП(б)Б приняли постановление о возвращении БГУ в Минск. Перебазирование университета растянулось на несколько месяцев, но уже в октябре 1944 г., еще до завершения эвакуации, занятия возобновились [3, с. 28–29]. Эти события, безусловно радостные, вызвали необходимость пересмотреть все составленные ранее планы и проекты. Вновь обострился кадровый вопрос: многие специалисты, сотрудничавшие с БГУ на станции Сходня, остались в Москве. С такими проблемами столкнулось и руководство исторического факультета. Так, из всех ученых, работавших на кафедре истории древнего мира в 1943–1944 гг., в Беларусь вернулся только заведующий, академик Н. М. Никольский, да и то он добрался до разрушенного войной Минска только в апреле 1945 г. [8, с. 28].

В этих сложных условиях образовательный процесс налаживался с большим трудом. Учебные планы корректировались, но даже в урезанном виде не выполнялись. Например, согласно планам учебно-педагогической работы профессорско-преподавательского состава факультетов БГУ на 1944/45 учебный год на историческом факультете не предполагалось проведение занятий по истории первобытного общества, заявленных ранее. В планах был отмечен только курс по основам археологии, чтение которого должен был обеспечивать археолог В. Р. Тарасенко¹³. Однако он был принят «доцентом по кафедре древней истории на почасовую оплату» значительно позже, с 12 апреля 1945 г.¹⁴ Только в июне 1945 г. В. Р. Тарасенко вернулся в Минск и приступил к новым обязанностям.

В сентябре 1945 г. доцентом кафедры истории древнего мира БГУ стал антиковед Ф. М. Нечай, выпускник аспирантуры МГУ, в военное время рабо-

тавший деканом исторического факультета, а затем заместителем директора Чувацкого государственного педагогического института [8, с. 37–48].

Перед небольшим коллективом кафедры встала непростая задача – создать систему преподавания широкого круга дисциплин, в том числе археологии и истории первобытного общества.

В первом семестре 1945/46 учебного года В. Р. Тарасенко преподавал основы археологии для студентов сразу двух курсов. Первокурсники прослушали 48 лекционных часов, а четверокурсники – 42 часа¹⁵. В июне 1946 г. археолог подвел итоги первой послевоенной сессии: «...степень освоения учебного материала студентами не только IV, но и I курса неплохая. Однако нельзя пройти мимо тех трудностей, которые приходилось преодолевать в связи с прохождением предмета. Такой основной трудностью было почти полное отсутствие литературы. Так, в библиотеке университета имеются лишь работы профессора В. И. Равдоникаса и П. П. Ефименко, которые охватывают лишь эпоху палеолита. <...> Более всех других приближается к требованиям университетского курса служащая пособием для студентов Московского государственного университета книга профессора А. В. Арциховского “Введение в археологию”. Но и в ней отсутствует изложение методики археологических исследований, а также материалы с анализом археологических памятников БССР, да книги профессора Арциховского в университетской библиотеке нет. Таким образом, основным учебным материалом при подготовке к экзаменам являлся, по необходимости, лекционный курс в виде студенческих записей»¹⁶.

В первый послевоенный учебный год студенты-первокурсники смогли получить представление и об особенностях истории первобытного общества (вариативно называвшейся историей доклассового общества). Этот курс, совмещенный с курсом по истории Древнего Востока, вел Ф. М. Нечай¹⁷. В своем отчете преподаватель также отмечал: «Обеспечение курса... учебниками, учебными пособиями и программами неудовлетворительное»¹⁸.

Несмотря на крайнюю скудность материальной базы, планы на следующий, 1946/47, учебный год были оптимистичные. Предполагалось, что студенты прослушают общие курсы «История первобытного общества и Древнего Востока» и «Основы

¹¹ Именно материалы из Угарита находились в центре исследовательских интересов выдающегося белорусского ученого в конце 1930–40-х гг. (Малюгин О. И. Как изучать древнюю историю в партизанском отряде? Н. М. Никольский и его финикийские штудии [Электронный ресурс] // История. 2020. Т. 11. Вып. 1(87). URL: <https://history.jes.su/s207987840008773-9-1/> (дата обращения: 04.08.2021)).

¹² ЦНА НАНБ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 53. Л. 22–22об.

¹³ НАРБ. Ф. 205. Оп. 5. Д. 57. Л. 9.

¹⁴ Отд. архив. работы, учета и использования док. БГУ. Ф. 205. Оп. 36. Д. 104. Л. 6.

¹⁵ НАРБ. Ф. 205. Оп. 5. Д. 46. Л. 47.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Там же. Л. 51 ; Там же. Д. 77. Л. 12.

¹⁸ Там же. Д. 46. Л. 51.

археологии». Занятия должны были вести старший преподаватель Минского государственного педагогического института имени А. М. Горького (далее – пединститут) Н. Г. Матусевич и старший научный сотрудник Института истории АН БССР В. Р. Тарасенко соответственно¹⁹. Также планировалось разработать для третьекурсников специальный курс «Археологические памятники БССР» и спецсеминарий по археологии БССР²⁰. Эти задачи, однако, были выполнены лишь частично. Кафедра истории древнего мира смогла организовать только преподавание дисциплин, предназначенных для студентов первого курса. Рассчитанный на 64 часа курс по истории первобытного общества и Древнего Востока прочитали В. Р. Тарасенко и Ф. М. Нечай. Дисциплину «Основы археологии», на изучение которой отводилось 48 часов, оставили за В. Р. Тарасенко²¹. Такая организация учебного процесса на протяжении нескольких последующих лет не подвергалась существенным изменениям.

В. Р. Тарасенко читал будущим историкам курс по археологии вплоть до конца 1953 г.²² Имея за плечами многолетний опыт преподавания в высшей школе, ученый серьезно подходил к подготовке занятий. Коллеги отмечали «высокий теоретический уровень» его лекций²³. И все-таки, совмещая работу в академических структурах и нескольких учебных заведениях, он не был слишком требовательным преподавателем. Согласно сохранившимся в НАРБ статистическим данным о результатах экзаменов, принятых В. Р. Тарасенко, подавляющее большинство студентов получали оценки «отлично» и «хорошо»²⁴. Выдающийся белорусский археолог М. М. Чернявский, учившийся в пединституте во второй половине 1950-х гг. и также осваивавший азы археологии под руководством В. Р. Тарасенко, вспоминал, что для успешной сдачи экзамена достаточно было рассказать про городище Барсучья Горка [12, с. 11] – памятник, раскопки которого преподаватель проводил в конце 1930-х гг. [13].

Несмотря на трудности, связанные с восстановлением университета, руководство исторического факультета не отказывалось от планов включить в перечень читаемых дисциплин специальные курсы археологического профиля. В 1950 г. на должность старшего преподавателя кафедры истории древнего мира на условиях почасовой оплаты был принят

А. Г. Митрофанов (в то время научный сотрудник Института истории АН БССР). Ему поручили вести спецкурс «Материальная культура Восточной Европы в дофеодальный период», предназначенный для четверокурсников²⁵. Летом 1954 г. А. Г. Митрофанов провел первую послевоенную археологическую практику студентов БГУ²⁶, а осенью того же года приступил к чтению лекций по курсу «Основы археологии»²⁷. На протяжении последующих восьми лет именно А. Г. Митрофанов определял содержание археологического образования в ведущем учебном заведении республики. Эта тема выходит за рамки статьи и заслуживает отдельного рассмотрения.

В учебные планы исторического факультета БГУ неизменно входила и дисциплина «История первобытного общества», которую в конце 1940-х гг., как правило, объединяли с курсом по истории Древнего Востока, а в 1950–60-х гг. – с курсом по основам этнографии²⁸. Осенью 1949 г. к ведению совмещенного курса приступила Р. А. Никольская (Поссе)²⁹, преподававшая в университете еще до начала Великой Отечественной войны [7, с. 285–287]. Непростая судьба этой неординарной женщины освещалась и в мемуарной, и в научной литературе [7; 8, с. 48–52], однако следует отметить, что вопрос о ее вкладе в осмысление доисторического прошлого человечества еще ждет своего вдумчивого исследователя.

В контексте проблематики статьи целесообразно рассмотреть учебно-методическую составляющую многогранной деятельности старшего преподавателя кафедры истории древнего мира, а с 1957 г. – доцента кафедры истории древнего мира и средних веков БГУ Р. А. Никольской. На склоне лет она так описывала свои впечатления от возвращения к преподаванию в университете после почти десятилетнего перерыва: «...предо мной аудитория молодых лиц, с любопытством и интересом меня оценивающая. Я была счастлива. Я была уверена, что оправдаю их любопытство и интерес, что сумею привить им любовь к науке, что вместе со мной во время лекций они очутятся в далеких древних временах» [7, с. 287].

Разработка курса по первобытности (одного из нескольких, порученных ей) продвигалась с трудом. Защитив кандидатскую диссертацию по истории афинской демократии в 1947 г., Р. А. Никольская стол-

¹⁹НАРБ. Ф. 205. Оп. 5. Д. 46. Л. 52.

²⁰Там же.

²¹Там же. Д. 1300. Л. 5.

²²Там же. Д. 142. Л. 84 ; Там же. Д. 185. Л. 23 ; Там же. Д. 389. Л. 102 ; Там же. Д. 1303. Л. 13.

²³Там же. Д. 389. Л. 103.

²⁴Там же. Д. 46. Л. 47 ; Там же. Оп. 5. Д. 389. Л. 103.

²⁵Отд. арх. работы, учета и использования док. БГУ. Ф. 205. Оп. 36. Д. 834. Л. 7.

²⁶Там же. Л. 15 ; НАРБ. Ф. 205. Оп. 5. Д. 389. Л. 80–81.

²⁷Там же. Д. 426. Л. 42–43.

²⁸Там же. Д. 389. Л. 101 ; Там же. Д. 503. Л. 20 ; Там же. Оп. 6. Д. 152. Л. 41.

²⁹Там же. Оп. 5. Д. 185. Л. 22–23.

кнулась с необходимостью освоения относительно новой для себя дисциплины³⁰ [14]. Учебной литературы по-прежнему не хватало. Еще в 1948 г. в Москве увидело свет подготовленное В. К. Никольским пособие по истории первобытного общества³¹, но даже спустя два года университетская библиотека так и не закупила ни одного экземпляра книги³².

Нормальной организации учебного процесса не содействовали и многочисленные идеологические кампании, проводившиеся в советском государстве в конце 1940-х гг. Р. А. Никольская, еврейка по национальности и первая жена репрессированного в 1937 г. директора Института истории партии и Октябрьской революции при ЦК КП(б)Б С. В. Поссе, знала о них не понаслышке [7, с. 294]. Для начальства, намного позже отмечала она, «до конца работы я оставалась “не своим” в лучшем случае» [7, с. 287].

Наибольшее влияние на организацию преподавания истории первобытного общества оказала дискуссия о языкознании, проведенная в центральной газете «Правда» весной–летом 1950 г. по инициативе и при непосредственном участии И. В. Сталина [15, с. 78]. Связанное с этой дискуссией³³ изменение генеральной линии партии открывало перед историками и археологами возможности освоения исследовательских перспектив, ранее находившихся под фактическим запретом, – изучения проблем миграции и влияния народов, реконструкции этнической истории и др. Вместе с тем идущая с самого верха критика марризма сделала неактуальными

все учебно-методические разработки, подготовленные в конце 1940-х гг.

Уже 2 сентября 1950 г. на заседании кафедры истории древнего мира обсуждался вопрос о необходимости пересмотра рабочих планов и программы по истории первобытного общества и приведения их в соответствие с политической повесткой дня³⁴. Р. А. Никольская также взяла на себя социальное обязательство «подготовить сообщение о значении труда тов. Сталина “Марксизм и вопросы языкознания” для истории первобытного общества»³⁵. Как следует из отчета о работе исторического факультета в 1950/51 учебном году, все поручения были выполнены³⁶.

Воспоминания об этом периоде оставил профессор М. С. Корзун, в начале 1950-х гг. учившийся на историческом факультете БГУ: «Первую лекцию по истории первобытного общества прочитала Рахиль Абрамовна Никольская. Потом на экзамене вытянул билет. Вторым из вопросов было возникновение и роль языка в обществе. Ответ на первый вопрос происходил при постоянном обмене взглядами. <...> Ответ на второй вопрос начал с определения языка, данного в работе И. В. Сталина “Марксизм и вопросы языкознания”. Цитата убедила Рахиль Абрамовну. Последним из немногочисленных слов экзаменатора стало “отлично”» [8, с. 51–52]. Р. А. Никольская знакомила первокурсников с ключевыми проблемами истории первобытности вплоть до своего ухода на пенсию в 1968 г.³⁷

Научные изыскания в области археологии и истории первобытного общества

Несмотря на тяготы военного и послевоенного времени, сотрудники исторического факультета БГУ не прекращали напряженную научную деятельность. Определенное внимание они уделяли и разработке проблем ранних этапов истории человечества.

В рамках рассматриваемой темы особый интерес вызывает научное наследие В. И. Шевченко.

Осенью 1943 г. исполняющий обязанности заведующего кафедрой истории древнего мира представил к защите кандидатскую диссертацию «Жизнь при Кроносе (ΗΕΠΙ ΚΡΟΝΟΝ ΚΟΙΝΩΝΙΑ). У истоков одного из важнейших мифов Древней Греции. Этюд из истории мифотворчества». Это исследование, начатое еще в 1939 г., было завершено в 1941 г. Однако первый вариант диссертации пропал

³⁰ Курс по истории доклассового общества и Древнего Востока входил в учебные планы исторического факультета БГУ и в довоенное время. Р. А. Никольская (тогда Поссе), учась в университетской аспирантуре, преподавала этот предмет совместно с коллегой Н. С. Мохначем. Она читала только тематический блок курса, посвященный историческому развитию древнейших восточных государств [14, с. 26].

³¹ Никольский В. К. История первобытного общества: учеб.-метод. пособие для студентов-заочников пед. ин-тов. М.: Учпедгиз, 1948. 64 с.

³² НАРБ. Ф. 205. Оп. 5. Д. 191. Л. 92.

³³ Причины, сущность и последствия дискуссии о языкознании неоднократно исследовались в литературе [15, с. 73–79]. Для лучшего понимания контекста рассматриваемых в статье событий целесообразно обратить внимание на некоторые важные аспекты этой идеологической кампании. В условиях развязывания холодной войны росла заинтересованность властей в активизации патриотических чувств народов СССР. Новая общественно-политическая ситуация требовала пересмотра установок, сложившихся в довоенное время. Поэтому новое учение о языке академика Н. Я. Марра, на протяжении 1930–40-х гг. считавшееся «железным инвентарем марксизма», было объявлено ложным. Такая же судьба постигла и господствовавшую в официальной науке теорию стадильности, которая представляла собой развитие идей Н. Я. Марра в археологии.

³⁴ НАРБ. Ф. 205. Оп. 5. Д. 245. Л. 32.

³⁵ Там же. Л. 40.

³⁶ Там же. Д. 1308. Л. 145.

³⁷ Отд. архив. работы, учета и использования док. БГУ. Ф. 205. Оп. 36. Д. 136. Л. 35, 36об.

в оккупированном Минске, восстановить и доработать текст В. И. Шевченко смог позже, уже находясь в эвакуации [8, с. 35–36].

В личном деле историка сохранились отзывы оппонентов, позволяющие получить общее представление о содержании диссертации. Как следует из отзыва, написанного доктором исторических наук В. К. Никольским, «центр тяжести работы автора в изучении не первобытно-общинного, а рабовладельческого общества в Древней Греции, и это, конечно, вполне соответствует общей задаче автора – выяснению происхождения мифа о золотом веке, имевшего место уже в зарождавшемся гражданском, а не разрушающемся первобытно-общинном обществе»³⁸. Тем не менее В. И. Шевченко дал и характеристику первобытно-общинному строю. В. К. Никольский отозвался об этой части рукописи достаточно критически: «...характер изложения оказывается неоднородным: автор характеризует нужные ему явления первобытности не путем коллекционирования добытых из первоисточников фактов, а путем цитирования готовых, хотя и превосходных и бесспорных, высказываний Маркса, Энгельса, Ленина и Сталина. Тем самым он облегчает свой труд, находя безукоризненную опору для основных своих построений. Но некоторые детальные выводы ему приходится делать от себя, отрываясь от сокровищницы мыслей основоположников марксизма-ленинизма. Не проработав достаточно источники в области истории первобытного общества, он вынужденно впадает в некоторый схематизм и даже неточности»³⁹. Впрочем, перечисленные «минусы» не повлияли на общую высокую оценку, данную В. К. Никольским диссертационному исследованию. После получения трех положительных отзывов (в качестве оппонентов выступали также академик Н. С. Державин и профессор В. Н. Перцев) В. И. Шевченко была присуждена ученая степень кандидата исторических наук [8, с. 36].

Активизации научных исследований содействовало расширение штатного состава кафедры истории древнего мира. На заседании кафедры 3 мая 1944 г. обсуждался план научной работы на следующий, 1944/45, учебный год. Во-первых, четкую формулировку получила общекафедральная научная тема. По заданию Наркомпроса РСФСР коллектив университетских историков, возглавляемый академиком Н. М. Никольским, должен был написать два учебника по древней истории: один – для школьников, а другой – для студентов неисторических институтов. Предполагалось, что пособия будут

включать в том числе и раздел по истории первобытного общества. Написание этих текстов взял на себя профессор В. К. Никольский⁴⁰.

Во-вторых, были определены индивидуальные научные темы. Их проблематика охватывала, среди прочего, вопросы древнейшего прошлого человечества. Так, В. К. Никольскому поручалось написание работы «Идеология и техника первобытного общества». Известный историк запланировал также публикацию рукописи «История первобытного общества. Варварство». Профессор Б. А. Рыбаков заявил о возможности сдачи в печать текста «Очерки славянской и белорусской археологии»⁴¹.

Перспективные планы кафедры истории древнего мира не ограничивались проведением камеральных исследований. Шел 1944 г., и сводки с фронтов приносили вдохновляющие новости. Еще только завершалась Крымская наступательная операция советских войск, но сотрудники кафедры постановили ходатайствовать о командировании В. И. Шевченко в Крым «для научной работы... на раскопках и для собирания материалов для музея БГУ»⁴².

Жизнь внесла в эти проекты свои коррективы. После реэвакуации БГУ в Минск университетская научно-исследовательская деятельность в области археологии и истории первобытного общества фактически прекратилась. Основным местом работы В. Р. Тарасенко, преподававшего основы археологии, был Институт истории АН БССР. Именно под эгидой этого научного учреждения В. Р. Тарасенко осуществлял масштабные археологические исследования древнего Минска в конце 1940-х – начале 1950-х гг. [16]. Одновременно он продолжал разработку начатой еще в довоенные годы темы, которая была связана с историей и археологией Верхнего Поднепровья в I тыс. н. э.⁴³ Логическим завершением многолетних изысканий стала защита кандидатской диссертации, состоявшаяся в московском Институте истории материальной культуры имени Н. Я. Марра в 1947 г.⁴⁴

И все-таки, являясь (хотя и по совместительству) сотрудником БГУ, В. Р. Тарасенко включался и в научную работу профессорско-преподавательского состава. До наших дней сохранился тематический план научно-исследовательской работы доцента кафедры древней истории БГУ В. Р. Тарасенко на 1946–1950 гг. Согласно этому обстоятельному документу археолог был намерен разрабатывать две проблемы: патриархальное общество на территории Белоруссии и Верхнего Поднепровья, по данным археологии; раннефеодальное обще-

³⁸Отд. архив. работы, учета и использования док. БГУ. Ф. 205. Оп. 36. Д. 24. Л. 90об.

³⁹Там же.

⁴⁰ЦНА НАНБ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 53. Л. 22об.

⁴¹Там же.

⁴²Там же.

⁴³Отд. архив. работы, учета и использования док. БГУ. Ф. 205. Оп. 36. Д. 104. Л. 7об.

⁴⁴Там же. Л. 10.

ство в пределах современной Беларуси, по археологическим данным. Обращает на себя внимание резолюция, наложенная на этот документ Ф. М. Нечаем, временно исполнявшим обязанности заведующего кафедрой: «Поскольку проблемы совпадают с проблемами пятилетнего плана Института истории АН БССР, предлагаю тов. Тарасенко дать для плана БГУ особые проблемы»⁴⁵. Однако скорректированный план научной работы В. Р. Тарасенко в архивных материалах выявлен не был.

Вклад в развитие историографии археологии Беларуси внес и Н. М. Никольский, который заведовал университетской кафедрой и одновременно руководил Институтом истории АН БССР. В 1947 г.

он опубликовал «асведаміцельскі артыкул» о раскопках древнего Минска, проведенных академической экспедицией под руководством В. Р. Тарасенко в 1945–1946 гг. [17]. Современному читателю статья будет интересна прежде всего подробным описанием материально-технических и кадровых проблем, осложнявших археологическое изучение белорусской столицы в первые послевоенные годы. В этой статье Н. М. Никольский отметил, что в раскопках участвовала Р. А. Никольская [17, с. 46]. Вернувшись в университет, первые пять лет своей работы на кафедре истории древнего мира она продолжала заниматься антиковедением⁴⁶ и только в 1954 г. обратилась к новой тематике, связанной с историей первобытного общества⁴⁷.

Восстановление историко-археологического музея БГУ

Первый университетский музей исторического профиля, Музей первобытной культуры и религии, был открыт в 1924 г. по инициативе профессоров Н. М. Никольского и С. З. Каценбогена. После ряда реорганизаций в 1926 г. он был переименован в Музей истории религии и атеизма. Очевидно, вскоре он пришел в упадок [4, с. 51; 10, с. 100]. Новый этап развития университетского музейного собрания начался в конце 1930-х гг. и был связан с именем доцента кафедры древнего мира и средних веков В. И. Шевченко. Именно он возглавил созданный 10 января 1940 г. историко-археологический музей БГУ. Большой вклад в организацию музея внес и Н. М. Никольский. За короткое время музейные фонды пополнились материалами по истории Древнего Востока, античными и византийскими монетами, а также археологическими артефактами, происходящими как с территории Беларуси, так и с территории Крымского полуострова [1, с. 6; 4, с. 51; 14, с. 30–31; 18]. Размеренная жизнь закончилась 22 июня 1941 г. Судьба раскидала сотрудников музея по фронтам, оккупированным территориям, советскому тылу. Значительно пострадали музейные коллекции [1, с. 6–7; 4, с. 52].

В. И. Шевченко рассказывал в 1948 г. о своем учителе Н. М. Никольском, оставшемся в занятом врагами городе: «Он восстанавливал план погибшего музея, проектировал новые экспедиции студентов Минского университета на раскопки Херсонеса, Ольвии, городов Боспора. Он знал: наши придут, вновь раздадутся родные молодые голоса в кори-

дорах университета» [1, с. 77]. В этих словах художественный вымысел тесно переплетался с исторической правдой, твердой уверенностью в том, что после неминуемой победы музей возобновит работу. И первые шаги в этом направлении были сделаны уже в начале 1944 г.

Вскоре после снятия блокады Ленинграда В. И. Шевченко отправился в город на Неве⁴⁸, где «провел несколько организационных мероприятий по сбору экспонатов для восстанавливаемого ист.-арх. музея БГУ»⁴⁹. Насколько результативной оказалась эта поездка, не установлено. В мае 1944 г. кафедра истории древнего мира постановила просить ректорат о выделении 75 тыс. руб. на восстановление университетского музейного фонда⁵⁰.

Возвращение БГУ на родину открыло новые перспективы в нелегком деле возрождения уничтоженного музея. Радостным событием стало обнаружение части довоенного музейного собрания. Немногочисленные предметы разместили в доме № 8 на ул. Витебской⁵¹, где занимались студенты географического и биологического факультетов [3, с. 29]. Сразу же появились первые трудности. «Все, что сохранилось... не только не может быть использовано по назначению, но и не может быть сохранено от повреждений из-за отсутствия помещений», – отмечал автор отчета о работе БГУ за 1945/46 учебный год⁵².

В апреле 1946 г. приказом ректора БГУ был утвержден штат музейных сотрудников. Должность директора историко-археологического музея

⁴⁵НАРБ. Ф. 205. Оп. 5. Д. 1144. Л. 4–4об.

⁴⁶Там же. Д. 1313. Л. 16.

⁴⁷Там же. Л. 13.

⁴⁸С большой долей вероятности можно утверждать, что В. И. Шевченко был командирован в Эрмитаж. Именно с этим учреждением культуры БГУ активно сотрудничал в 1920–30-х гг. Один из крупнейших музеев мира неоднократно передавал в Минск предметы, необходимые для комплектования университетских музейных фондов [1, с. 6; 4].

⁴⁹ЦНА НАНБ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 53. Л. 22об.

⁵⁰Там же.

⁵¹НАРБ. Ф. 205. Оп. 5. Д. 80. Л. 22.

⁵²Там же.

заял Ф. М. Нечай, лаборанта – Л. А. Михайловский⁵³ [6, с. 157; 19, с. 25]. Не оставлял без внимания вопросы организации музея Н. М. Никольский [1, с. 84; 10, с. 105]. Посильную помощь историкам оказывал И. Т. Сапего – выпускник БГУ, один из студентов, проходивших в 1939 г. археологическую практику в Крыму⁵⁴ [1, с. 84]. На музей возлагались задачи по организации выставок, приуроченных к юбилею университета [6, с. 157; 19, с. 25]. Кроме того, шла работа по созданию планов восстановления экспозиции. Предполагалось открыть четыре отдела: древнего Востока, античного мира, греческих причерноморских колоний, белорусской археологии [1, с. 84].

Постепенно пополнялись музейные фонды. Ряд предметов были найдены во время капитального ремонта в здании биологического (сегодня географического) факультета в 1948 г. [2, с. 21; 4, с. 52]. Небольшую часть артефактов, вывезенных во время войны, удалось вернуть из Германии⁵⁵ [6, с. 157]. К 1950 г. в музее уже было «собрано значительное количество экземпляров памятников по археологии, этнографии, истории Древнего Востока, Греции и Рима»⁵⁶.

Однако развитие университетского музейного собрания сдерживалось кадровыми и материально-техническими проблемами. Если в 1946 г. в музее были установлены две штатные единицы, то в 1947 г., согласно новому штатному расписанию БГУ, оставалась только должность заведующего музеем⁵⁷. В октябре 1948 г. заявление на замещение этой должности написал В. Р. Тарасенко⁵⁸. Руководство исторического

факультета поддержало его предложение. К сожалению, ответа на вопрос, состоялось ли назначение, архивные документы не дают. В начале 1950 г. деканат исторического факультета обратился к ректорату с просьбой создать должность заведующего историко-археологическим музеем⁵⁹. Была ли эта просьба удовлетворена, источники также умалчивают.

В феврале 1951 г. коллектив сотрудников кафедры истории древнего мира, курировавший музейное собрание, взял на себя обязательство «завершить оформление музея с отделами истории древнего мира, этнографии Белоруссии, археологии и истории Минска»⁶⁰. Но это обязательство так и осталось невыполненным. Главной трудностью, препятствовавшей созданию полноценного музея в 1950-х гг., являлось отсутствие экспозиционных площадей⁶¹. В таких условиях использовать коллекции в учебном процессе было практически невозможно⁶².

Между тем на протяжении всего десятилетия продолжалось постепенное комплектование фондов. Детальное изучение истории формирования музейного собрания исторического факультета БГУ – задача будущих исследований. Можно только отметить, что коллекции пополнялись за счет материалов, переданных Эрмитажем, музеями Москвы, Институтом истории АН БССР⁶³ [6, с. 157–158]. В 1959 г. состоялось открытие обновленного историко-археологического музея БГУ [2, с. 25; 5, с. 68], что знаменовало собой начало нового периода университетского музейного строительства.

Заключение

Несмотря на все испытания военных и послевоенных лет, руководство БГУ сумело обеспечить включение в учебные планы таких предметов, как археология и история первобытного общества, традиционно занимающих важное место в системе подготовки профессиональных историков. Была разработана достаточно продуманная система преподавания этих дисциплин, включавшая и общие, и специальные курсы. До конца, однако, она реализована не была. В условиях нехватки штатных специалистов неоценимую помощь университету оказывали исследователи, работавшие в московских высших учебных заведениях и Институте истории АН БССР. Кадровые проблемы и материально-тех-

ническое сложности препятствовали научно-исследовательской деятельности в области археологии и истории первобытности. Тем не менее активно развивалась научная коммуникация, основы которой были заложены еще в мирное время. Исходя из убеждений о важности не только научной и учебно-методической, но и просветительской деятельности, преподаватели исторического факультета БГУ прикладывали все усилия для восстановления практически полностью уничтоженного историко-археологического музея. Подвижнический труд каждого из них – и ученого с мировым именем, и рядового работника науки и образования – заслуживает благодарной памяти потомков.

⁵³ Знакомство Л. А. Михайловского с Историко-археологическим музеем БГУ состоялось в 1940 г. Еще учась в университете, он был активистом музея и принимал деятельное участие в разборе фондов (НАРБ. Ф. 205. Оп. 1. Д. 737. Л. 92).

⁵⁴ Сапего И. Па гістарычных месцах Крыма // За лєнін. кадры. 1939. № 12. С. 2.

⁵⁵ Патапаў І. Адзіны ў Беларусі // Беларус. ун-т. 1960. № 14. С. 1.

⁵⁶ НАРБ. Ф. 205. Оп. 5. Д. 1308. Л. 56.

⁵⁷ Там же. Д. 998. Л. 16, 20.

⁵⁸ Отд. арх. работы, учета и использования док. БГУ. Ф. 205. Оп. 36. Д. 104. Л. 12.

⁵⁹ НАРБ. Ф. 205. Оп. 5. Д. 1308. Л. 56, 95.

⁶⁰ Там же. Д. 245. Л. 36.

⁶¹ Там же. Д. 1317. Л. 9, 16.

⁶² Там же. Д. 1308. Л. 56, 86–87; Там же. Д. 1317. Л. 9, 16, 90.

⁶³ Там же. Д. 734. Л. 98; Там же. Оп. 6. Д. 358. Л. 1–2, 11; Патапаў І. Адзіны ў Беларусі. С. 1.

Библиографические ссылки

1. Шевченко В. *Сокровища исчезнувших городов: записки музейного работника*. Ленинград: Ленинградское газетно-журнальное и книжное издательство; 1948. 86 с.
2. Прохоров АА, Яновский ОА, Назаренко АМ, составители. *Исторический факультет БГУ. 80 лет = The BSU faculty of history 80th anniversary*. Минск: БГУ; 2014. 154 с.
3. Яновский ОА, Ходин СН, Прохоров АА. 21-й учебный год белорусского университета – возрождение в условиях Великой Отечественной войны. В: Сальков АП, Яновский ОА, редакторы. *Российские и славянские исследования. Выпуск 10*. Минск: БГУ; 2015. с. 9–30.
4. Сідаровіч В. «Паўсталая з попелу?» (Лёс даваеннай нумізматычнай калекцыі музея БДУ). *Банкаўскі веснік*. 2016;3:51–57.
5. Почобут НА. *Сохранение и изучение археологического наследия в музеях БССР (1944–1991 гг.)*. Гродно: ЮрСа-Принт; 2019. 194 с.
6. Царюк И. *От родного порога*. Минск: БГУ; 2011. 168 с.
7. Никольская РА. *Воспоминания*. Харьков: Права людини; 2013. 304 с.
8. Евтухов ИО. *Кафедра истории древнего мира и средних веков БГУ. К 80-летию создания*. Минск: БГУ; 2015. 222 с.
9. Прохоров АА, Малиugin ОИ. К 80-летию создания кафедры истории древнего мира и средних веков БГУ. *Вестник БДУ. Серия 3, Гісторыя. Эканоміка. Права*. 2016;2:31–36.
10. Малиugin ОИ. Николай Михайлович Никольский. Организатор исторической науки в Беларуси. В: Абламейко СВ, редактор. *Интеллектуальная элита Беларуси. Основоположники белорусской науки и высшего образования (1919–1941 гг.)*. Минск: БГУ; 2017. с. 98–107.
11. Ходин СН. В. И. Шевченко – декан исторического факультета БГУ в эвакуации (1943–1944 гг.). В: Сальков АП, Яновский ОА, редакторы. *Российские и славянские исследования. Выпуск 4*. Минск: БГУ; 2009. с. 187–190.
12. Ашэйчык В. Калумб каменнага веку. У: Ашэйчык ВУ, Плавінскі МА, Сідаровіч ВМ, укладальнікі. *Супольнасці каменнага і бронзавага вякоў міжрэчча Віслы і Дняпра: зборнік навуковых артыкулаў памяці Міхала Чарняўскага*. Мінск: АМ Янушкевіч; 2015. с. 9–17.
13. Тарасенко ВР. Раскопки на городище Барсучья Горка. *Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры*. 1947;15:102–105.
14. Вайтовіч АУ. Станаўленне археалагічнай адукацыі на гістарычным факультэце Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта ў 1934–1941 гг. *Часопіс Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта. Гісторыя*. 2019;1:23–33.
15. Клейн ЛС. *История российской археологии. Учения, школы и личности. Том 1. Общий обзор и дореволюционное время*. Санкт-Петербург: Евразия; 2014. 704 с.
16. Тарасенко ВР. Древний Минск (по письменным источникам и данным археологических раскопок 1945–1951 гг.). В: Корнейчик ЕИ, Поликарпович КМ, редакторы. *Материалы по археологии БССР. Том 1*. Минск: Издательство АН БССР; 1957. с. 182–257.
17. Нікольскі НМ. Раскопкі на месцы старажытнага Мінска. *Весці Акадэміі навук БССР. АДДЗЯЛЕННЕ ГРАМАДСКІХ НАВУК. СЕРЫЯ ГІСТАРЫЧНАЯ*. 1947;1:43–52.
18. Прыгодзіч ДІ. Фарміраванне фондаў музеяў вышэйшых навучальных устаноў БССР у 1920–30-я гг. (на прыкладзе вучэбных калекцый Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта). *Часопіс Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта. Гісторыя*. 2020;1:78–84.
19. Ходзін СМ, Шумейка МФ, Яноўскі АА, складальнікі. *Памяць і слава: Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт. 1945–1961*. Мінск: БДУ; 2009. 399 с.

References

1. Shevchenko V. *Sokrovishcha ischeznuvshikh gorodov: zapiski muzeinogo rabotnika* [Treasures of disappeared cities: notes of a museum worker]. Leningrad: Leningradskoe gazetno-zhurnal'noe i knizhnoe izdatel'stvo; 1948. 86 p. Russian.
2. Prokhorov AA, Yanovskii OA, Nazarenko AM, compilers. *Istoricheskii fakul'tet BGU. 80 let = The BSU faculty of history 80th anniversary*. Minsk: Belarusian State University; 2014. 154 p. English, Russian.
3. Yanovskii OA, Khodin SN, Prokhorov AA. [21th academic year of the Belarusian University – in a revival of the Great World War II]. In: Sal'kov AP, Yanovskii OA, editors. *Rossiiskie i slavyanskie issledovaniya. Vypusk 10* [Russian and Slavonic studies. Volume 10]. Minsk: Belarusian State University; 2015. p. 9–30. Russian.
4. Sidarovich V. [«Arisen from the ashes?» (The story of the pre-war numismatic collection of the Museum)]. *Bankavski vesnik*. 2016;3:51–57. Belarusian.
5. Pochobut NA. *Sokhranenie i izuchenie arkheologicheskogo naslediya v muzeyakh BSSR (1944–1991 gg.)* [The preservation and study of archaeological heritage by the museums BSSR (1944–1991)]. Hrodna: YurSaPrint; 2019. 194 p. Russian.
6. Tsaryuk I. *От родного порога* [From the home threshold]. Minsk: Belarusian State University; 2011. 168 p. Russian.
7. Nikol'skaya RA. *Vospominaniya* [Memoirs]. Charkiv: Prava ludyny; 2013. 304 p. Russian.
8. Evtukhov IO. *Kafedra istorii drevnego mira i srednikh vekov BGU. K 80-letiyu sozdaniya* [Department of Ancient and Medieval History of the Belarusian State University. By the 80th anniversary of the foundation]. Minsk: Belarusian State University; 2015. 222 p. Russian.
9. Prokhorov AA, Maliugin OI. To the 80th anniversary of the department of Ancient and Medieval history of BSU. *Vesnik BDU. Series 3, Gistorya. Jekanomika. Prava*. 2016;2:31–36. Russian.
10. Maliugin OI. [Nikolay Mikhailovich Nikolsky. The organiser of the historical science in Belarus]. In: Ablameiko SV, editor. *Intellektual'naya elita Belarusi. Osnovopolozhniki belorusskoi nauki i vysshego obrazovaniya (1919–1941 gg.)* [Intellectual

elite of Belarus. The founders of Belarusian science and higher education (1919–1941)]. Minsk: Belarusian State University; 2017. p. 98–107. Russian.

11. Khodzin SM. [The Dean of Belarusian State University history board V. I. Shevchenko in the evacuation in 1943–1944]. In: Sal'kov AP, Yankovskii OA, editors. *Rossiiskie i slavyanskije issledovaniya. Vypusk 4* [Russian and Slavic research. Issue 4]. Minsk: Belarusian State University; 2009. p. 187–190. Russian.

12. Ashhejchyk V. [Columbus of the Stone Age]. In: Ashhejchyk VU, Plavinski MA, Sidarovich VM, compilers. *Supol'nasci kamennaga i bronzavaga vjakow mizhrzechcha Visly i Dnjapra: zbornik navukovyh artykulaw pamjaci Mihala Charnjawska* [Communities of the Stone Age and the Bronze Age in the interfluvium of the Vistula and the Dnieper. Collection of scientific papers in memory of Mikhal Charniauskij]. Minsk: AM Yanushkevich; 2015. p. 9–17. Belarusian.

13. Tarasenko VR. [The excavation in the Barsuchya Gorka hillfort]. *Kratkie soobshcheniya o dokladakh i polevykh issledovaniyakh Instituta istorii material'noi kul'tury*. 1947;15:102–105. Russian.

14. Vaitovich AU. The becoming of the archaeological education at the faculty of history of the Belarusian State University in 1934–1941. *Journal of the Belarusian State University. History*. 2019;1:23–33. Belarusian.

15. Klein LS. *Istoriya rossiiskoi arkheologii. Ucheniya, shkoly i lichnosti. Tom 1. Obshchii obzor i dorevolucionnoe vremya* [The history of the Russian archaeology. Thoughts, schools and personalities. General review and the pre-revolutionary time]. Saint Petersburg: Eurasia; 2014. 704 p. Russian.

16. Tarasenko VR. [Ancient Minsk (according to the written records and the results of the archaeological excavation in 1945–1951)]. In: Korneichik EI, Polikarpovich KM, editors. *Materialy po arkheologii BSSR. Tom 1* [Materials on the archaeology of the BSSR. Volume 1]. Minsk: Izdatel'stvo AN BSSR; 1957. p. 182–257. Russian.

17. Nikol'ski NM. [Excavation at the place of the ancient Minsk]. *Vesci Akademiі navuk BSSR. Addzjalenne gramadskih navuk. Seryja gistarychnaja*. 1947;1:43–52. Belarusian.

18. Pryhodzich DI. Formation of museums of higher educational institutions of the BSSR in 1920–30s (on the example of training collections of the Belarusian State University). *Journal of the Belarusian State University. History*. 2020;1:78–84. Belarusian.

19. Hodzin SM, Shumejka MF, Yankovskii OA, compilers. *Pamjac' i slava: Belaruskij dzjarzhavny vniversitet. 1945–1961* [Memory and glory: Belarusian State University. 1945–1961]. Minsk: Belarusian State University; 2009. 399 p. Russian, Belarusian.

Статья поступила в редколлегию 13.09.2021.
Received by editorial board 13.09.2021.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

КРЫТЫКА І БІБЛІЯГРАФІЯ

REVIEW AND BIBLIOGRAPHY

Менькоўскі В., Шмігель М., Дубінка-Гушча Л. «Галодныя гульні». **Українські голод 1932–1933 гг. у історії, гістарыяграфіі і гістарычнай палітыцы.** Банска-Бістрыца : Belianum, 2020. 270 с. (на англ. и рус.).

Меньковский В., Шмигель М., Дубинко-Гушча Е. «Голодные игры». **Украинский голод 1932–1933 гг. в истории, историографии и исторической политике.** Банска-Бистрица : Belianum, 2020. 270 с.

Menkouski V., Šmigel' M., Dubinka-Hushcha L. **The hunger games. Ukrainian famine of 1932–1933 in history, historiography and historical policy.** Banská Bystrica : Belianum, 2020. 270 p.

Для отечественной исторической науки рецензируемая публикация является книгой-событием. Работа раскрывает один из самых значимых кейсов современных «боев за историю» в Восточной Европе – проблему интерпретации голода в Украине в 1932–1933 гг., а именно наличие или отсутствие в нем геноцидальной составляющей. Авторы, используя метафору «голодные игры», показывают, каким образом голодомор интерпретируется и инструментализируется в историографии и исторической политике. Мысли и идеи, высказанные в данном издании, заслуживают внимания не только историков, но и широкой общественности.

Последние 20 лет в Восточной Европе свидетельствуют о том, что прошлое никуда не уходит, оно присутствует в современности и с еще большей силой определяет ее, оставив после себя множество скелетов в шкафах и запертых комнат с трупами, как во французской сказке о Синей Бороде. Государственные преступления почти 100-летней давности стали камнем преткновения для историков и политиков национальных государств, возникших после распада СССР. Одни в духе строителей наций XIX в. начали создавать эти новые нации по-

сле крушения коммунистического эксперимента, акцентируя преступную сущность советского режима и формируя национальную идентичность на отрицании советского прошлого. Другие, не имея возможности возвращения к национальному государству, обратились к советскому прошлому, чтобы найти опору для конструирования новой постсоветской идентичности, основанной на смещении акцентов на героизм и достижения советской эпохи. Инструментализация прошлого в политических целях приводит к тому, что история превращается в своеобразную «гражданскую религию», которая заставляет верить в определенную интерпретацию исторических событий. На первый план выходит уже не история как область научного, критического знания, а историческая политика – политическое использование прошлого, или политика, направленная в прошлое.

Распад СССР сопровождался «архивной революцией», благодаря которой историки и общество получили возможность узнать реальные масштабы трагедии голодомора и оценить действия советских властей. Однако невозможно написать полноценную историю голода, опираясь только на официальные материалы, не публиковавшиеся ранее архивные документы. Одновременно произошла «революция памяти» (О. В. Будницкий), в результате которой запрещенная и отобранная советской цензурой память людей об этих страшных событиях получила возможность выйти из тени. Опубликованы многочисленные воспоминания, собраны интервью, которые не только дополнили документальные источники, но и раскрыли проблему снизу, создавая социальное измерение истории голода.

Публикация выполнена на двух языках: английском и русском. В предисловии авторы раскрывают концептуальные основы изучения политики памяти, обращаясь к исследованиям М. Хальбвакса

и П. Нора. Авторами отмечаются интертекстуальность и социально укорененный характер исследований памяти. С опорой на теорию секьюритизации вводится термин «геноцидизация», призванный описать повторное изобретение украинского нарратива постсоветской идентичности.

Термин «геноцид», введенный в научный и правовой оборот родившимся под г. Лидой Р. Лемкиным и принятый резолюцией ООН в 1946 г., определяется как уничтожение нации или этнической группы. Сторонники признания голодомора геноцидом ссылаются на статью Р. Лемкина от 1953 г., где он называет голод в СССР актом геноцида, направленным на уничтожение не только отдельных людей, но и народов (с. 144). Однако, с точки зрения международного права, нет единого подхода к использованию термина «геноцид» применительно к голодомору, который сегодня рассматривается как преступление против человечности. Конвенция ООН о предупреждении преступления геноцида и наказания за него, принятая в 1948 г., не имеет обратной силы во времени и не может официально вводить какие-либо санкции за преступления, совершенные до ее ратификации. Признание голодомора геноцидом не может привести к репарациям, экономическим или политическим компенсациям.

Логика построения книги потребовала отражения истории советского голода в контексте политики индустриализации и коллективизации. Анализируя процессы индустриализации, создания колхозов, раскулачивания, изъятия хлеба у населения, авторы аргументированно показывают, что итоги этой политики значительно преувеличены в историографии. Особенно это касается значимости экспорта зерна для осуществления индустриализации. На основе данных о выручке от продажи зерна за границу, сравнения продажи зерна с другими статьями экспорта и сопоставления выручки за хлеб с суммой капиталовложений в промышленность, транспорт и строительство авторы показывают, что хлебная продажа не сыграла определяющей роли в индустриализации.

Тем не менее натиск на крестьянство привел к массовому голоду в 1932–1933 гг. Советское руководство пыталось замолчать, скрыть как масштабы трагедии, так и сам факт голода. Население не только было брошено на произвол судьбы, но и стало объектом террора голодом, а международный резонанс катастрофы был приглушен усилиями просоветски настроенных западных политиков, журналистов и левых интеллектуалов, которые ввали в имя В. И. Сталина и советской системы. Мотивами

этого выступали политические интересы, идеалистические взгляды, а порой и прямая материальная выгода (с. 159). Известным примером является корреспондент газеты «Нью-Йорк Таймс» У. Дюранти, который получил Пулицеровскую премию за комплиментарные репортажи о сталинском режиме и отрицал факт голода. В СССР ему была предоставлена прекрасная квартира и роскошный автомобиль с шофером для поездок к русской любовнице. Тем не менее западные страны смогли узнать правду о голоде, например, благодаря британскому журналисту Г. Джонсу, который во время поездки в СССР сумел пробраться в Харьковскую область, в районы, охваченные голодом, и после возвращения сделал заявление для прессы: «У нас нет хлеба, мы умираем!». Это стенограммное заявление было слышно по всей России, на Волге, в Сибири, в Беларуси, на Северном Кавказе и в Центральной Азии»¹.

В книге отмечается, что общая картина эскалации голода и факторы этой эскалации сегодня вполне изучены. Авторы подчеркивают, что коллективизация в принудительной форме означала попытку проигнорировать экономические законы, чем подтверждают выводы современных специалистов о том, что экономические результаты сталинской индустриализации нельзя признать успешными. Политика коллективизации и некомпетентность руководства привели к существенному падению эффективности как в сельском хозяйстве, так и в промышленности, а катастрофическое снижение уровня жизни в 1930-х гг. и массовый голод, унесший миллионы человеческих жизней, перевешивают все гипотетические долгосрочные плюсы политики И. В. Сталина².

Один из разделов книги посвящен историографии голодомора. Авторы отмечают, что история изучения голода 1932–1933 гг. является классическим примером того, как господствующие тенденции времени оказывали давление на историков, меняли характер их публикаций, выводов и оценок. С момента возникновения голод стал объектом манипуляций. Через подкупленных журналистов сталинское руководство отрицало его на Западе и продвигало нарратив о временных трудностях. Аналогично писали о голодоморе и советские историки, идеологической задачей которых было отрицание факта голода в СССР и разоблачение зарубежных «фальсификаций». Однако в период перестройки и гласности, особенно после публикации книги Р. Конквеста «Жатва скорби. Советская коллективизация и террор голодом» (1986), замалчивать

¹Famine gripping Russia, millions dying, idle on rise, says Briton [Electronic resource]. URL: https://www.garethjones.org/margaret_siriol_colley/The%20exhibition/press_release.htm (date of access: 10.09.2021). (Перевод наш. – А. И.)

²Cheremukhin A., Golosov M., Guriev S., Tsyvinski A. Was Stalin necessary for Russia's economic development? [Electronic resource]. URL: www.nber.org/system/files/working_papers/w19425/w19425.pdf (date of access: 10.09.2021).

голод стало уже невозможно. Р. Конквест одним из первых пришел к выводу о том, что голод 1932–1933 гг. был голодом-геноцидом, намеренным уничтожением украинского крестьянства в Украине, на Кубани и Северном Кавказе. Тем не менее его выводы о национальной составляющей голода встретили критику в научных кругах. Сторонники концепции социальной истории считали, что сталинская политика была направлена против всего крестьянства, хоть и значительная часть его была украинцами. В то же время фактически первый украинский советский исследователь голода С. В. Кульчицкий отмечал, что невозможно отделить социально-экономическую политику советской власти от национальной. Он же писал, что вокруг голодомора сложился ряд стереотипов. Голод ассоциируется с Украиной, но демографическая статистика показывает, что больше половины жертв погибло за ее границами. Принято считать, что в результате голодомора умирали только крестьяне, однако голодная смерть была массовым явлением и в городах. Всесоюзный голод должен быть отделен от украинского голодомора и массового голода в некоторых других регионах Советского Союза. По мнению С. В. Кульчицкого, голодомор был террористической операцией, направленной на преодоление неожиданно возникшего экономического кризиса, угрожавшего потерей власти кремлевским строителям коммунизма (с. 170).

Авторы отмечают, что после обретения Украиной независимости тематика голодомора стала одной из базовых составляющих национальной историографии и исторической политики. В то же время следует согласиться с Г. В. Касьяновым, который отмечал, что такая масштабная травма, как потеря нескольких миллионов населения на собственной территории в мирное время, биологические, социальные и социально-психологические последствия которой до конца не выяснены, вряд ли может быть предметом только академических дискуссий (с. 171). Согласно выводам совместного исследования Института демографии и социальных исследований им. М. В. Птухи НАН Украины и американских ученых в течение 1932–1934 гг. от организованного советской властью голода умерли 3,9 млн граждан УССР, что составляло 13 % населения республики. Эта цифра, по мнению ученых, является наиболее достоверной и признанной среди научного сообщества. Общие потери населения СССР от голода оцениваются в 8,7 млн человек. В абсолютных цифрах наибольшие потери понесла Украина, затем – Россия и Казахстан.

Историки России сосредоточили внимание в первую очередь на исследовании событий в российских регионах, охваченных голодом. В большинстве составляющих дискурса советского голода позиции российских и украинских ученых не были против-

речивыми и дополняли друг друга. Однако история национального аспекта голода стала превалировать над всеми остальными. В итоге внимание концентрируется на вопросах, которым нужно «противодействовать». «Миссией» исследователей стало доказательство вывода о том, что голод не являлся геноцидом украинского народа.

Как отмечают авторы, далеко не все украинские историки также готовы слышать аргументы оппонентов. Если какой-либо зарубежный ученый критикует концепцию геноцида, то часто на него вешается ярлык «пророссийский» и на этом научная дискуссия заканчивается.

Авторский коллектив обращается и к наработкам скандинавской и центральноевропейской историографии голода 1932–1933 гг. Первоначально большинство датских и шведских историков утверждали, что голод был трагедией всего советского крестьянства. Ситуация в историографии изменилась в середине 1980-х гг., что было связано в том числе с дискуссией о голодоморе на Западе после публикации книги Р. Конквеста. Наиболее известными исследователями советских репрессий были датчанин Б. Йенсен и швед Я. Сундберг. Последний являлся членом Международного комитета по расследованию голодомора в 1988–1990 гг. Я. Сундберг, в отличие от других членов комитета, придерживался концепции голода-геноцида. В качестве главного аргумента он ссылаясь на указ И. В. Сталина 1933 г., запрещавший украинцам покидать Украину.

В Центральной Европе Польша и Чехословакия были наиболее информированы о том, что происходило в Советской Украине в 1932–1933 гг. Историография этих стран имела достаточное количество источников, на основе которых можно было построить исследование. Однако послевоенная большевизация этих государств привела к табуированию темы. Только распад социалистического блока и СССР позволил историкам включиться в дискуссию о природе и характере голода, представленную уже украинско-западным и российско-советским дискурсами.

Авторы книги отмечают, что польская историография сосредоточена на понимании голода в Украине с польской перспективы. В польской историографии заслуживают внимания работы Ч. Райца, Р. Кушнежа и Р. Дзвонковского. В 1930-х гг. Варшава не высказывалась открыто по проблеме голода в силу геополитических причин и стремления установить хорошие отношения с СССР, что сдерживало антикоммунистическую риторику. Как утверждает наиболее известный польский исследователь голода в Украине Р. Кушнеж, голодомор был одной из самых страшных трагедий человечества в XX в., величайшим преступлением большевистского режима против украинского народа. Большинство жертв,

естественно, были украинцами. Однако жертвами были представители и других национальностей, проживавших в СССР, в том числе поляки. В результате преступной политики большевиков по отношению к крестьянству в Украине погибло от 40 до 60 тыс. поляков.

Говоря о Чехословакии, авторы подчеркивают сильные левые настроения среди интеллектуалов, симпатизировавших Советскому Союзу и не желавших видеть трагедию в Украине в 1932–1933 гг. Особое место в чехословацкой историографии принадлежит Я. Славику, одному из основоположников мировой советологии. Критические публикации историка о СССР после нескольких поездок в Страну Советов сделали его персоной нон грата для советских властей. После коммунистического переворота в Чехословакии в 1948 г. Я. Славику просто выбросили на обочину научной и общественной жизни, а его работы были запрещены.

По мнению авторов, в современной чешской историографии следует отметить исследования В. Вебера, который продолжает традицию, заложенную Я. Славику. В. Вебер утверждает, что неудачное проведение коллективизации И. В. Сталин использовал как предлог для политического давления на деревню в целях обеспечения политической власти новой партийной элиты. Своих критиков, утверждавших, что причина голода кроется в неурожаях, В. Вебер называл застывшими в хрущевско-поспеловской концепции, представленной на XX съезде КПСС в 1956 г. Он же отмечал, что отсутствие исследований о сопротивлении крестьянства политике сталинской коллективизации – позор русской историографии (с. 197).

Авторы работы приходят к выводу о том, что в венгерской историографии также нет единства во взглядах. М. Кун является сторонником теории искусственно вызванного и целенаправленно организованного Москвой голода в Украине и сравнивает его с холокостом. В свою очередь Т. Краус утверждает, что криминализация истории СССР ворвалась в политику и сферу науки. Относительно голода Т. Краус повторяет старую теорию неурожая в результате стихийных бедствий. Еще один венгерский исследователь голода Я. Гартъяни задавался вопросом, как могло произойти, что аграрной Украине, до 1917 г. снабжавшей хлебом народы всей России, грозил голод, а экспорт зерна в то же время увеличился. По его мнению, голод был заранее спланированным и цинично осуществленным террористическим актом сталинского режима (с. 201–202).

Отдельное внимание авторы уделяют анализу исторической политики Украины и России. Авторы отмечают, что в политическом и юридическом

отношениях для Украины и России дискуссия о голоде окончена. В 2006 г. в Украине принят закон о голодоморе, который определяет его как геноцид украинского народа. Со стороны России историческая политика направлена на противодействие Украине по всему спектру исторической проблематики. В российском нарративе голодомор определяется как «так называемый». В качестве причин называются засуха и неурожай, ответственность за насильственные меры возлагается на местные кадры. В результате нет виновных и ответственных за смерть миллионов людей, а есть только непонятно чьи трагические ошибки. Данная интерпретация, по мнению российского историка А. И. Миллера, ставит Россию в положение, когда необходимость дать отпор клеветникам по поводу голодомора приводит к реабилитации И. В. Сталина и утверждениям, что «он не хотел». История с голодом, по его мнению, является частью широкой проблемы, суть которой заключается в боязни признать, что это был чудовищный, преступный и античеловеческий режим (с. 220). По мнению Н. В. Петрова Кремль совершенно не заинтересован в раскрытии преступлений сталинизма, поскольку выбрана другая тактика, согласно которой российское руководство пытается представить советскую историю как исключительно историю славы, побед и успехов.

Заключительная глава книги посвящена изучению международной реакции и законодательным актам Украины, США, Израиля относительно определения геноцидальной составляющей голода 1932–1933 гг.

Удачным решением представляется приложение к книге в виде наиболее знаковых персоналий исследователей голодомора с фото, краткой профессиональной биографией и основными идеями.

Необходимо отметить, что в данной дискуссии авторы книги склоняются к позиции украинского исследователя Г. В. Касьянова, который прошел эволюцию во взглядах от признания голодомора геноцидом до его отрицания и считает, что для снятия идеологической и политической подоплеки в рассуждениях о событиях такого масштаба не стоит употреблять сильно политизированное сегодня слово «геноцид». Достаточно говорить о голодоморе, как о преступлении против человечности, что позволяет снять этнические контексты.

Рецензируемая книга также подводит нас к вопросу о необходимости детального изучения голода в БССР, который остается белым пятном в отечественной историографии³. Создание полной картины голодомора невозможно без анализа голода на белорусских землях.

³Голод 1930-х – 1940-х гг. у Беларусі ў вусных сведчаннях выдавочцаў [Электронны рэсурс]. URL: <http://gwminsk.com/news/golad-1930-h-1940-h-gg-u-belarusi-u-vusnyh-svedchannyah-vidavochcau> (дата звароту: 10.09.2021).

Дискуссия о голоде 1932–1933 гг. будет продолжаться хотя бы в силу закрытости российских архивов и нежелания обеспечить доступ историков к архивным материалам, прежде всего к тематическим папкам Политбюро в Архиве Президента Российской Федерации, которые могли бы пролить свет на многие аспекты трагедии, о чем говорит российский исследователь сталинизма О. В. Хлевнюк. Можно утверждать наверняка:

длинная тень советского прошлого будет и дальше определять современность, особенно если по-прежнему будут закрыты архивы и общество не сможет получить ответы на все вопросы. Очевидно и то, что советский период по-прежнему нуждается в адекватной проработке общественным сознанием.

А. Г. Цымбал⁴

⁴Александр Георгиевич Цымбал – кандидат исторических наук, доцент; доцент кафедры истории, мировой культуры и туризма Минского государственного лингвистического университета.

Аляксандр Георгіевіч Цымбал – кандыдат гістарычных навук, дацэнт; дацэнт кафедры гісторыі, сусветнай культуры і турызму Мінскага дзяржаўнага лінгвістычнага ўніверсітэта.

Alexander G. Tsimbal, PhD (history), docent; associate professor at the department of history, world culture and tourism, Minsk State Linguistic University.

E-mail: aleksander.g.t@gmail.com

<https://orcid.org/0000-0002-9447-5132>

АННОТАЦИИ ДЕПОНИРОВАННЫХ В БГУ РАБОТ

АННТАЦЫІ ДЭПАНІРАВАННЫХ У БДУ ПРАЦ

INDICATIVE ABSTRACTS OF THE PAPERS DEPOSITED IN BSU

УДК 39(476)(06)

Этнокультурное наследие Беларуси в XXI веке [Электронный ресурс] : материалы Междунар. науч.-практ. конф. (Минск, 18 июня 2021 г.) / БГУ ; [редкол.: Т. А. Новгородский, И. В. Олюнина (отв. ред.) и др.]. Электрон. текстовые дан. Минск : БГУ, 2021. 140 с. : ил. Библиогр. в конце отд. ст. Режим доступа: <https://elib.bsu.by/handle/123456789/264234>. Загл. с экрана. Деп. в БГУ 12.07.2021, № 008512072021.

В сборник вошли доклады, представленные на Международной научно-практической конференции «Этнокультурное наследие Беларуси в XXI веке», которая проходила 18 июня 2021 г. в Белорусском государственном университете (Минск, Беларусь).

Адресуется ученым, преподавателям, аспирантам, магистрантам, студентам, а также всем, кто интересуется вопросами сохранения и популяризации этнокультурного наследия Беларуси. Все материалы представлены в авторской редакции.

СОДЕРЖАНИЕ

От редакции	5
-------------------	---

ТЕМАТИЧЕСКИЙ РАЗДЕЛ

Советский Союз как объект исторического исследования

<i>Меньковский В. И., Шмигель М., Дубинко-Гуща Л.</i> «Голодные игры»: голод 1932–1933 гг. в исторической политике Украины и России.....	7
<i>Янушевич И. И.</i> Вмешательство органов государственной власти в дела религиозных организаций в 1917–1928 гг. (на примере православия и протестантизма).....	21
<i>Елизаров С. А.</i> Местная советская номенклатура БССР позднего сталинизма (1945–1953).....	31
<i>Жеребцов И. Л., Лейман И. И.</i> Создание Коми автономии как результат национальной политики большевиков	44

ИСТОРИЯ БЕЛАРУСИ

<i>Морозов Д. В., Бординьон Э.</i> Итальянские интернированные военные в нацистском лагере Шта-лаг-352 в Масюковщине (1943–1944)	54
<i>Гайдукевич Л. М.</i> Развитие белорусско-китайского сотрудничества в сфере туризма в 2013–2020 гг. ...	64

К СТОЛЕТИЮ СОЗДАНИЯ БГУ

<i>Ходин С. Н.</i> Развитие кооперации в Беларуси и становление кадрового потенциала БГУ в 1920-х гг.	71
<i>Вайтович А. В.</i> «Советские ученые были на своем посту»: изучение и преподавание археологии и истории первобытного общества в БГУ в военные и первые послевоенные годы.....	80

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

<i>Цымбал А. Г.</i> Меньковский В., Шмигель М., Дубинко-Гуща Е. «Голодные игры». Украинский голод 1932–1933 гг. в истории, историографии и исторической политике	91
Аннотации депонированных в БГУ работ.....	96

ЗМЕСТ

Ад рэдакцыі.....	5
------------------	---

ТЭМАТЫЧНЫ РАЗДЗЕЛ

Савецкі Саюз як аб'ект гістарычнага даследавання

<i>Менькоўскі В. І., Шмігель М., Дубінка-Гушча Л.</i> «Галодныя гульні»: голад 1932–1933 гг. у гістарычнай палітыцы Украіны і Расіі	7
<i>Янушэвіч І. І.</i> Умяшанне органаў дзяржаўнай улады ў справы рэлігійных арганізацый у 1917–1928 гг. (на прыкладзе праваслаўя і пратэстантызму)	21
<i>Елізараў С. А.</i> Мясцовая савецкая наменклатура БССР позняга сталінізму (1945–1953)	31
<i>Жарабцоў І. Л., Лейман І. І.</i> Стварэнне Комі аўтаноміі як вынік нацыянальнай палітыкі бальшавікоў	44

ГІСТОРЫЯ БЕЛАРУСІ

<i>Марозаў Д. В., Бардзінёў Э.</i> Італьянскія інтэрніраваныя вайскоўцы ў нацысцкім лагеры Шта-лаг-352 у Масюкоўшчыне (1943–1944)	54
<i>Гайдукевіч Л. М.</i> Гісторыя развіцця беларуска-кітайскага супрацоўніцтва ў сферы турызму ў 2013–2020 гг.	64

ДА СТАГОДДЗЯ СТВАРЭННЯ БДУ

<i>Ходзін С. М.</i> Развіццё кааперацыі ў Беларусі і станаўленне кадравага патэнцыялу БДУ ў 1920-я гг. ...	71
<i>Вайтовіч А. У.</i> «Савецкія навукоўцы былі на сваім пасту»: вывучэнне і выкладанне археалогіі і гісторыі першабытнага грамадства ў БДУ ў ваенныя і першыя пасляваенныя гады	80

КРЫТЫКА І БІБЛІЯГРАФІЯ

<i>Цымбал А. Г.</i> Менькоўскі В., Шмігель М., Дубінка-Гушча Л. «Галодныя гульні». Украінскі голад 1932–1933 гг. у гісторыі, гістарыяграфіі і гістарычнай палітыцы	91
Анатацыі дэпаніраваных у БДУ прац	96

CONTENTS

Editorial.....	5
SPECIAL TOPIC SECTION	
The Soviet Union as an object of historical research	
<i>Menkouski V. I., Šmigel' M., Dubinka-Hushcha L.</i> The hunger games: famine 1932–1933 in the historical policy of Ukraine and Russia	7
<i>Yanushevich I. I.</i> Interference of state authorities in the internal affairs of religious organisations in 1917–1928 (on the example of Orthodoxy and Protestantism)	21
<i>Elizarov S. A.</i> Local Soviet nomenclature of the BSSR of late Stalinism (1945–1953)	31
<i>Zherebtsov I. L., Lejman I. I.</i> Creation of Komi Autonomy as a result of the national policy of the Bolsheviks.....	44
BELARUSIAN HISTORY	
<i>Marozau D. V., Bordignon E.</i> Italian military internees in Stalag-352 Nazi camp in Masjukowschchyna (1943–1944).....	54
<i>Gaidukevich L. M.</i> The history of the Belarusian-Chinese cooperation in the field of tourism in 2013–2020.....	64
BELARUSIAN STATE UNIVERSITY CELEBRATES 100th ANNIVERSARY	
<i>Khodzin S. M.</i> Development of cooperation in Belarus and formation of personnel potential of the Belarusian State University in the 1920s	71
<i>Vaitovich A. U.</i> «Soviet scholars were on duty»: studying and teaching of the archaeology and the history of primitive society in the Belarusian State University during the war and post-war period	80
REVIEW AND BIBLIOGRAPHY	
<i>Tsimbal A. G.</i> Menkouski V., Šmigel' M., Dubinka-Hushcha L. The hunger games. Ukrainian famine of 1932–1933 in history, historiography and historical policy	91
Indicative abstracts of the papers deposited in BSU.....	96

Журнал включен Высшей аттестационной комиссией Республики Беларусь в Перечень научных изданий для опубликования результатов диссертационных исследований по историческим наукам, а также в области музееведения, консервации, реставрации историко-культурных объектов, документалистики, документоведения и архивоведения.

Журнал включен в библиографическую базу данных научных публикаций «Российский индекс научного цитирования» (РИНЦ).

**Журнал Белорусского
государственного университета. История.
№ 4. 2021**

**Часопіс Беларускага
дзяржаўнага ўніверсітэта. Гісторыя.
№ 4. 2021**

Учредитель:
Белорусский государственный университет

Юридический адрес: пр. Независимости, 4,
220030, г. Минск.

Почтовый адрес: пр. Независимости, 4,
220030, г. Минск.

Тел. (017) 259-70-74, 259-70-75.

E-mail: jhistory@bsu.by

URL: <https://journals.bsu.by/index.php/history>

«Журнал Белорусского государственного
университета. История» издается с января 1969 г.
До 2017 г. выходил под названием «Веснік БДУ.

Серыя 3, Гісторыя. Эканоміка. Права»
(ISSN 2308-9172).

Редактор *Е. В. Жерносек*
Технический редактор *А. Ю. Лецинская*
Корректоры *А. С. Горгун, Л. А. Меркуль*

Подписано в печать 29.10.2021.
Тираж 100 экз. Заказ 452.

Республиканское унитарное предприятие
«Информационно-вычислительный центр
Министерства финансов Республики Беларусь».
ЛП № 02330/89 от 03.03.2014.
Ул. Кальварийская, 17, 220004, г. Минск.

© БГУ, 2021

**Journal
of the Belarusian State University. History.
No. 4. 2021**

Founder:
Belarusian State University

Registered address: 4 Niezaliežnasci Ave.,
Minsk 220030.

Correspondence address: 4 Niezaliežnasci Ave.,
Minsk 220030.

Tel. (017) 259-70-74, 259-70-75.

E-mail: jhistory@bsu.by

URL: <https://journals.bsu.by/index.php/history>

«Journal of the Belarusian State University. History»
published since January, 1969.

Until 2017 named «Vesnik BDU.

Seryja 3, Gistoryja. Jekanomika. Prava»
(ISSN 2308-9172).

Editor *E. V. Zhernosek*
Technical editor *A. Y. Leshchinskaya*
Proofreaders *A. S. Gorgun, L. A. Merkul'*

Signed print 29.10.2021.
Edition 100 copies. Order number 452.

Republican Unitary Enterprise
«Informatsionno-vychislitel'nyi tsentr
Ministerstva finansov Respubliki Belarus'».
License for publishing No. 02330/89, 2014 March 3.
17 Kal'varyjskaja Str., Minsk 220004.

© BSU, 2021